

Игорь Отчик

*Беседы
шалопаяев*

или

Золотые семидесятые

Игорь Владимирович Отчик

Беседы шалопаев или

Золотые семидесятые

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43154884

Беседы шалопаев или Золотые семидесятые: Прогресс-Традиция; М.;

2019

ISBN 978-5-89826-578-6

Аннотация

Это книга о радости познания. А еще о молодости, которая прекрасна в любые времена. Эту книгу можно читать с любой главы, с любой страницы. Ее энергетика – в игре ума, в юморе и нетривиальных взглядах на устоявшиеся представления. Высказывания героев неоднозначны, но пульсирующая в них мысль побуждает читателя думать, искать свою истину. О чем же так горячо спорят молодые шалопаи? О призвании и смысле жизни, о космологии и поэзии, о любви и дружбе и еще многом, что так или иначе затрагивает мыслящих людей, желающих понять этот мир и место человека в нем.

Издание исправленное.

Содержание

Это было недавно, это было давно	5
По странам и континентам	21
О работе, карьере курьера, специфике профессий, черном понедельник, грязной канаве, персональном кабинете, ручном и умственном труде и творческих шашках	61
О тычинках и пестиках, макаронах по-флотски, фотосинтезе, источнике жизни, пульсациях сознания, пирамиде материи, роботизации планеты и начале всех начал	115
Об относительности ума на тропическом острове	166
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Игорь Отчик

Беседы шалопаев или Золотые семидесятые

© И.В. Отчик, автор, 2018

© Прогресс-Традиция, 2019

* * *

*Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
в наших спорах без сна и покоя.*

В. Высоцкий

Он появился неожиданно, подобно комете, прилетевшей из неведомых далей Вселенной. И так же внезапно исчез. Словно яркая вспышка озарила мою жизнь, оставив в ней неизгладимый след. Что же это было? До сих пор я пытаюсь это понять.

Это было недавно, это было давно

Дело было в середине семидесятых в одной из южных республик Советского Союза. Я работал в должности инженера в республиканском филиале Министерства энергетики, куда был направлен по распределению после окончания московского института. Я старательно вникал в работу серьезной организации серьезной отрасли, но с еще большим энтузиазмом влился в комсомольско-молодежную среду коллектива. Тем летом мы готовились к спортивно-туристическому слету и активно искали парней и девушек, обладающих разносторонними талантами. Кто-то вспомнил, что в одном из филиалов с недавних пор работает новый сотрудник – интересный, спортивный парень, душа компании. Этот шанс упускать было нельзя. Как выяснилось, его поселили в нашем общежитии, и мне поручили срочно завербовать его в команду. Тем же вечером я постучал в дверь его комнаты.

Он поразил меня с первого взгляда. Это был молодой античный бог – классический блондин с голубыми глазами и атлетической фигурой. Высокий, стройный, с ослепительной улыбкой. Рельефная мускулатура, широкие плечи и крепкие ладони с бугорками сухих мозолей выдавали в нем бывшего спортсмена. Русые волосы небольшой волной опускались на высокий лоб и слегка притеняли небесный свет его живых, веселых глаз. Лицом он был похож на Есенина, и даже

имя Сергей очень соответствовало его облику. Его спокойный, уверенный тон, открытый взгляд и чувство юмора сразу же располагали к себе. Как выяснилось в дальнейшем, он действительно обладал множеством талантов. А когда начал петь под гитару своим проникновенным баритоном, никто не мог устоять перед его обаянием. В этих южных краях, среди брюнетов различных мастей, он выглядел бриллиантом на фоне черного бархата.

Если мужчина имеет легкий успех у женщин, это уже плохо его характеризует. Обычно такие красавцы – эгоистичные, поверхностные, внутренне пустые люди. И это понятно: легкий успех не стимулирует в человеке работу ума и души. «Пустышка. Типичный бабник» – успокоил я себя тогда. И сильно ошибся. За внешностью дамского угодника скрывалась весьма неординарная личность. Но в тот момент я и предположить не мог, насколько эта встреча повлияет на мою жизнь. И даже поставит ее под угрозу.

Впрочем, в тот вечер сразу стало ясно, что это неоценимая находка для нашей команды. Берем! Однако он не ответил немедленным согласием, и мне пришлось его уговаривать:

– Да, комсомольское мероприятие. Ну и что? Зато веселое. Молодняк выбирается на природу, с ночевкой, с гитарой у костра. Представляешь этот гульбарий? Мне вообще нравится, как здесь относятся ко всем этим идеологическим заморочкам. Без отвращения и злобы. Как к явлениям природы, вроде осенних дождей. Мало того, ухитряются пре-

вратить их в праздники. И шефскую помощь, и субботники. И даже, прости господи, военно-патриотическое воспитание молодежи. Не веришь? Как ты думаешь, можно получить удовольствие от ленинского коммунистического субботника?

– Можно. Если ты мазохист.

– Оказывается, можно. Виктор Федорович в этом году именно так его и провел.

– Это комсорг ваш? Кругленький такой, все время улыбается?

– Ну да. Договорился с руководством и всю молодежь вывез на ремонт базы отдыха, на загородное озеро. Приехали туда – благодать! Ветерок веет, от воды прохладой потягивает, а солнышко уже всю пригревает, загорать можно. Так и сделали: разделись до пояса, взялись за молотки, лопаты. Ну, повозились немного, что-то там поправили, убрали, покрасили. Через пару часов Виктор Федорович объявил официальную часть закрытой, и народ перешел к содержательной. Мужской состав соорудил стол, разжег костерок, а женский подготовил закуску. Ну, и вино достали, само собой...

– Понятно: мы слабо поработали, но славно отдохнем.

– О том и речь. Что такое субботник без пьянки? Брачная ночь без невесты. Никакого удовлетворения – ни морального, ни орального. В общем, спасибо дедушке Ленину за наше счастливое детство. А теперь этот проверенный коллектив собирается на турслет. На три дня, с ночевкой на природе. И

программа интересная: эстафеты, ориентирование, самодеятельность, конкурсы разные. И руководство это дело поддерживает. В пятницу освобождают от работы, и даже командировочные выписывают. Палатки, спальные мешки и прочий инвентарь обеспечивает контора. Ну и транспорт, конечно. Скидываемся только на выпивку и закуску.

– И девицы едут?

– Обязательно! В каждой команде. Да вот, недавно, в мае, был отборочный слет. С утра собрались у главка¹, погрузились и выехали на место. Ну, пока собирались, ехали, народ проголодался. Тут же, в автобусе, нарубили колбасы, хлеба, раскрыли пару бутылок...

– На брата?

– Если бы! Виктор Федорович контролировал рюкзак с вином. Но у многих с собой было, и скоро процесс принял неуправляемый характер. Веселье пошло серьезное: анекдоты, приколы, здоровый бессмысленный смех, швейцарские народные песни...

– Это какие же?

– «Степь да степь кругом...», «Вот кто-то с горочки спустился...», «Ой, цветет калина...» и так далее.

– Понятно. До «Хасбулата» не дошли?

– Нет, не успели. Но и без того все перезнакомились, началось массовое братание, стихийные митинги, выступления не по делу...

¹ Главное управление энергетики и электрификации.

– Ничто так не спаивает коллектив, как совместная выпивка.

– Научный факт. И здесь тоже народ и спелся, и спился. Из автобуса выгружали не только инвентарь, но и некоторых туристов.

– Бодрое начало.

– А то! Трудящийся вырвался на волю. Само место для лагеря Виктор Федорович выбрал живописное: поляна на окраине леса, а от нее плавный спуск к озеру. Ну, начинаем разбирать имущество, ставить палатки, обустраивать территорию. Тут тоже ржачка не утихает. Какая-то уже подогретая команда долго возится с палаткой, путаясь в растяжках и кольях, в итоге кто-то спотыкается и падает, заваливая всю конструкцию. Остальные падают от смеха, довершая разгром. Какая-то девица не может найти свой рюкзак, а тот, кто его прихватил спяну, с недоумением извлекает из него различные интересные детали женского туалета. Где-то развернулась дискуссия: как распределять контингент по спальным местам – по возрастным, служебным или первичным половым признакам? При этом каждая из сторон выдвигает свои весомые доводы. Соседи прислушиваются к обсуждению и оживленно его комментируют...

– Романтика, однако.

– Э! Романтика впереди. В суете обустройства незаметно пролетает время, и на лагерь опускается вечер. Разгораются костры, отбрасывая отсветы на улыбающиеся лица, палатки,

кусты, деревья. Начинается приготовление ужина, которое тоже не обходится без приключений. Кто-то в темноте спускается к озеру с котелком и, поскользнувшись на глинистом берегу, скатывается в воду. Мокрый до нитки, бедолага выбирается на берег, но гордо держит в поднятой руке полный котелок воды. В лагере ночному купальщику тут же наливают кружку традиционного лекарства от простуды, а девушки наперебой предлагают теплую одежду. Переодетый и облаканный, он весь вечер сидит у костра как герой дня...

– Красиво излагаешь.

– Приходится петь соловьем.

– А ты знаешь, что у нас в общаге тоже есть мастер художественного слова, народный писатель?

– Нет, не слышал.

– Ладно, потом расскажу. Продолжай свою поэму.

– Между тем вода в котелках начинает закипать. Виктор Федорович, на правах кашевара, заглядывает в котелок и в неверном свете костра замечает всплывшее на поверхность белое брюшко с раскинутыми лапками. Так и есть – в темноте зачерпнули воду вместе с лягушкой. Не говоря худого слова, он незаметно захватывает кружкой сварившуюся тушку и выплескивает в кусты. Потом спокойно засыпает в кипящую воду крупу, заправляет специями, солит и усердно помешивает до полной готовности. Ужин из пахнущей дымком разваристой каши с тушенкой выдается на славу, а повар получает заслуженные комплименты. И только на следующий

день раскрывает полный состав этого романтического блюда. Теперь это уже смешно, но коллектив решает больше не допускать его на кухню, а кашу на лягушачьем отваре признать фирменным блюдом и представить на конкурс поварского искусства.

– Считай, что уговорил.

– То-то же! А настоящая романтика начинается после ужина, у костра. Тут уже набирает силу лирическая тема: «Вижу целый мир в глазах тревожных в этот час на берегу крутом. Не смотри ты так неосторожно – я могу подумать что-нибудь не то». Не слышал? Ада Якушева. Классика жанра. Ладно, придется подтянуть репертуар...

Невольно набегают воспоминания, и память вновь переносит меня в те далекие семидесятые, в золотые годы моей молодости. Как молоды мы были! Как веселы и беззаботны, открыты и наивны. Мы радовались жизни, радовались любой возможности общения и даже комсомольские мероприятия, неизбежные в идеологизированной атмосфере тех лет, умели превращать в праздники. А сколько личных отношений завязывалось в таких походах! Как бы случайное совместное дежурство по лагерю, хлопоты у костра, нечаянные прикосновения в суматохе хозяйственных дел, неожиданный и какой-то особенный взгляд из-под пряди волос. И от этого обыденная кулинарная возня превращается во что-то волнующее, волшебное. А потом веселый ужин и долгий вечер у костра, молодые, смеющиеся лица в его романтических от-

светах, шутки и смех, перебор гитары и эти трогательные, душевные песни: «Лучше гор могут быть только горы...», «Все перекаты да перекаты...», «А ты твердишь, чтоб остался я, чтоб опять не скитался я...», «Ты – моё дыхание, утро мое ты ранее...», «Милая моя, солнышко лесное...». А дым костра действительно создает уют, и улетают искры в бесконечное звездное небо, а рядом чье-то нежное плечо, которое может стать (или не стать) твоей судьбой. И можно не спать хоть всю ночь, потягивать винцо, подпевать, шутить, смеяться, шептать какие-то глупости в душистый завиток у розового ушка и видеть ответную улыбку незнакомых губ и отблеск пламени в загадочном взгляде. И от этого на сердце тревожно и радостно, а душа охвачена смутным предчувствием будущего, неизвестного, но обязательно счастливого и прекрасного. И никаких мыслей о том, что все проходит, и эта случайная ночь больше никогда не повторится.

– А как же спортивный режим, соревнования?

– А соревнования начинаются на следующий день, в назначенный час. Сначала идет легкая, отрезвляющая атлетика: прыжки с места, метание гранаты, перетягивание каната. Тут смеху тоже хватает. За канат хватаются все, кто может. Иной женский состав сильнее мужиков, еле цепляющихся за эту веревку после романтической ночи. Подговорившись, внезапно отпускают канат – те вповалку! А как болеют за своих! Вот здесь ты нам и поможешь...

– Да я легкой атлетикой никогда не занимался!

– А ты думаешь, там будут чемпионы? За это не волнуйся, тебе и напрягаться не придется. Но самый главный конкурс – туристическая эстафета. В команде двое парней и девушка. Нужно на скорость и без ошибок пройти препятствия: переход по бревну через овраг, преодоление болота по кочкам, подъем в гору по канату, переноска раненого на самодельных носилках из плащ-палатки. Тут нужно уметь делать правильные обвязки, крепления карабинов, страховки. Тоже ничего особенного, это мы на месте отработаем. А иногда даже устраивают водную переправу на веревочной подвеске. Серьезное испытание для многих, а девицы, случается, зависают намертво. В нижней точке, над водой. А иногда, кто потяжелее, макается задом. И смех, и грех. А когда разворачивается эпопея по их освобождению, это тоже надо видеть...

– Веселый конкурс.

– Ты что! Цирковой номер. Украшение слета.

– Значит, у вас там можно попасть в интересное положение?

– Запросто! Но тебе-то это не грозит.

– Я надеюсь.

– А завершает спортивную часть ориентирование на местности. А после этого – творческие конкурсы: на лучшее оформление лагеря и отрядной газеты, конкурс поваров на самое оригинальное блюдо. А в заключение, у общего костра, самый веселый – художественная самодеятельность. Чего только народ не придумывает! Наша команда в прошлый

раз представляла скульптурные группы на античные темы. Особенный успех имела композиция «Самсон, раздирающий пасть льва». В роли льва выступал настоящий Лев – Лева Гольдман, наш системный программист, довольно хилый малый. Но для устрашения публики на него надели пышный женский парик рыжего цвета. Это надо было видеть! А Самсоном был громила Быченок с вычислительного центра. Их обнаженные торсы и обтягивающие женские трико, украшенные фиговыми листками, в свете костра смотрелись очень эффектно. В момент раздираня пасти Лев выпустил изо рта струйку воды, изображая фонтаны Петродворца. Тут народ вообще полег от смеха. А потом еще представили живую скульптуру «Лаокоон с сыновьями-программистами, сражающиеся с перфолентами».

– Забавно.

– А то! Простор для творчества огромный. А победу отдают тем, кто ухитряется сделать что-то оригинальное из подручных средств. Вроде супа из крапивы или чая из полевых цветов...

– А как ваша лягушачья каша?

– Комиссия попробовать ее не решилась, но дала поощрительный приз. А в конце подводятся итоги и награждаются победители. За командную победу вручают переходящий кубок, а за отдельные конкурсы – специальные призы. Виктор Федорович – молодец. На деньги, выделяемые для культмассовой работы, закупает множество всяких мелких предметов

для туризма и спорта и старается наградить каждую команду – если не за победу, то хотя бы за волю к победе. В общем, все остаются довольны. После этого официальная программа плавно переходит в произвольную. Здесь уже идут в дело остатки вина и закуски, под взрывы смеха вспоминаются спортивные и неспортивные эпизоды слета, и снова гитара по кругу и песни до утра. Кто-то сидит у огня и подпевает, кто-то заваливается спать, кто-то с кем-то отправляется в ночную прогулку...

– А в воскресенье?

– С утра народу дают отоспаться и прийти в себя. Но перед отъездом еще одно традиционное мероприятие – дружеский турнир по футболу. По своему смыслу он тоже отрезвляющий. Причем не только мужской, но и женский. Мужики еле таскают ноги, зато футболистки сражаются азартно – сталкиваются бедрами, как бильярдные шары. Отскоки – прямо по законам Ньютона, пропорционально скорости и массе. Хоть физику изучай.

– Я себе это представляю.

– Нет, это надо видеть. Впечатление на всю жизнь.

– Ну что ж, мероприятие содержательное. Записывай запасным.

– Не скромничай. Пойдешь первым номером. Тебе и подготовка не нужна. Давай только посидим часок с гитарой.

– Ладно. Заходи завтра, часов в восемь.

Следующим вечером я снова поднялся на третий этаж

и постучал в уже знакомую дверь. Он лежал на кровати с журналом «Наука и жизнь» в руках. Косые лучи заходящего солнца освещали комнату. Теперь я уже более внимательно разглядел ее непритязательную обстановку. На фоне стандартной казенной мебели можно было заметить висящую на стене гитару, а под кроватью – гирю и пару гантелей. На вешалке, вместе с одеждой, висел пружинный эспандер. На прикроватной тумбочке стояла настольная лампа с зеленым абажуром, будильник и радиоприемник «ВЭФ», мурлыкавший какую-то мелодию. В глубине верхней полки тумбочки виднелась электробритва и туалетные принадлежности. На столе, рядом с посудой, стоял магнитофон «Астра» и стопка магнитных лент, лежали несколько журналов и книг с закладками. Если не считать небольшого прикроватного коврика, стены помещения были голыми – никаких привычных в холостяцких жилищах пошлых картинок с красотками, вырезанных из журналов, или столь же типичных портретов Хемингуэя с трубкой или Эйнштейна с высунутым языком. Единственным украшением комнаты можно было назвать самодельное художественное изделие – окаймленную орнаментом, слегка обожженную и покрытую лаком деревянную доску, на которой был выжжен профиль индейца с веером перьев на голове и ожерельем звериных клыков на шее. Сам по себе образ краснокожего, висевший над изголовьем кровати, был довольно схематичным, но свирепое выражение его лица в боевой раскраске производило сильное впечатле-

ние. В закатных лучах солнца бронзовый лик индейца казался почти живым.

Сделав приглашающий жест, он выключил приемник и снял со стены гитару. Теперь общались уже раскованно, как знакомые. Его репертуар в основном базировался на песнях Высоцкого. Я напел, как смог, кое-что из Визбора, Окуджавы, Кукина, Городницкого, Якушевой. Он быстро подобрал аккорды и скоро уже уверенно исполнял песенную классику советского туриста. За программу нашей самодеятельности можно было не беспокоиться, но та легкость, с которой он освоил незнакомые мелодии, болезненно уколола мое самолюбие. У меня не было музыкального слуха, и никакие мои попытки постичь гармонию музыки не приносили успеха. Чем отличается одна нота от другой? Длиной звуковой волны, частотой колебаний? Почему одни сочетания звуков мелодичны, а другие нет? Почему именно этот аккорд подходит к этой части мелодии, а не другой? И никто никогда не мог мне этого объяснить. Гармония? Ну, допустим. А что это такое? В общем, природа музыки так и осталась для меня тайной за семью нотами. Я даже купил гитару, и она неммым укором висела у меня над кроватью. Иногда я брал ее в руки и что-то напевал, механически прижимая струны, но так и не научился подбирать аккорды на слух. Слова и музыка прекрасных песен звучали во мне, доводя до восторга, до увлажнения глаз. Бывало, сутками не мог избавиться от крутившихся в башке мелодий, но им не дано было вырваться

наружу. А как я мечтал об этом! Конечно, брэнчать на гитаре умеют многие, и новый знакомый тоже не был виртуозом гитарной струны, но ведь мне и это было недоступно. Оставалось только подпевать. Неудивительно, что я остро завидовал и этой его способности.

А в тот вечер разговор незаметно перешел на воспоминания: – А правда, что ты работал в каких-то специальных органах?

– Уже разболтали? Да, было дело. Помнишь случай с угоном нашего самолета в Турцию? Тогда еще бортпроводница погибла. После той истории решили взять под охрану гражданские рейсы. Вот я и был таким подсадным мальчиком...

– С оружием?

– Да, на время рейса выдавали «пушку». Изображали командированных, с традиционным «дипломатом». В нем, конечно, еще кое-что было. Места занимали в последнем ряду, чтобы весь салон на виду. «У параша» – как у нас шутили. А в целом работа непыльная.

– А случаев не было?

– Так тебе все и расскажи. Еще не время, юноша. Не все спокойно в этом мире. Считай, что не было.

– А платили хорошо?

– Неплохо. Размещали в гостиницах, кормили нормально. Я, по сути, был членом экипажа, вместе с пилотами и стюардессами...

– Погулял вволю? Полеты во сне и наяву?

– Да, есть что вспомнить. Но недолго музыка играла. Через пару лет сочли эту меру избыточной и ликвидировали должность. Усилили контроль на посадке. Я знал ребят из других экипажей, часто пересекались в аэропортах. Так вот, когда прошел слух о предстоящих сокращениях, была идея устроить провокацию. Чтобы показать необходимость охраны. Слава богу, хватило ума...

– А куда летали?

– По-разному, но в основном на приграничных рейсах. Было много полетов в южные города. Бывало, взлетаешь из какого-нибудь северного аэропорта в сентябре – низкая облачность, дождь, сырость. А через несколько часов уже на черноморском побережье – солнце, теплый ветерок, бархатный сезон. Выйдешь на трап, вдохнешь воздух юга – благодать!

– Точно! Я тоже это заметил. Когда выходишь из самолета, невольно вдыхаешь полной грудью. До сих пор помню вкус сибирского воздуха, когда приземлились в Красноярске. Только что были в шумной и душной Москве, а тут – тайга, просторы невероятные...

– Стройотряд?

– Ну, да. И воздух сибирский! Хвойный, свежий, с холодком. Он сразу же заставил поежиться, показал строгость здешних мест. А с высоты трапа открылась тайга – холмистая, уходящая вдаль. Она у горизонта действительно голубая! И простор, необъятность земли, раскинувшейся на ты-

сячи километров, до далеких холодных морей...

– И все это наша Родина, сынок. Огромная и серьезная страна.

– И только в Сибири это понимаешь по-настоящему. Оглянешься кругом – суровая красота! Быстрые тучи идут на восток – темные снизу, светлые сверху (низ их непролитой влагой намок). Луч заглянул в голубую прореху и увидел, что закончился дождь. Воздух прозрачен, грозою промытый. Холм, словно древний языческий вождь, хмурится, шкурою леса укрытый. Вдруг зашумит о тревожном листва – словно окатит волною прибоя! И зарождаются в сердце слова, что продиктованы чистой любовью. Ветра глоток заклокочет в груди, душу наполнив восторгом суровым. Родина строгая! Вымолви слово – что впереди?

– Да вы, батенька, поэт.

– Увы, нет. Поэт тот, у кого это в трудовой книжке записано.

– А в общем, ты прав. Самолет – как волшебный тамбур: вошел, подремал немного и вышел – в другой мир, в другую жизнь...

По странам и континентам

– И как раз первые мгновения дают самое острое впечатление. Оно быстро проходит, но помнится долго. Я иногда мечтаю: а если бы сделать этот первый вдох в каком-нибудь экзотическом месте. Ну, скажем, на Цейлоне. Или на острове Борнео. Ступишь на трап, и тебя накроет волна влажного тепла, ароматы экзотических цветов, запахи тропического леса. Загадочный, волшебный мир! А какая флора и фауна! Гигантские бабочки порхают над невиданными цветами, конкурируют с крошечными колибри за их нектар. Я читал, там есть цветы чуть ли не метровой величины...

– Ага! С сильнейшим трупным ароматом.

– А сколько неизвестных науке растений, животных, птиц!

– А насекомых! Которые тебе там будут очень рады. Ты хоть представляешь себе, что такое влажные тропики? Или мангровые болота? Это круглосуточная парилка с москитами и прочими паразитами вперемешку. Европейцы там быстро загнивают.

– А нам долго и не надо. Глянем одним глазком – и в отель, к кондиционеру. И билет на ближайший рейс. Куда? Да мало ли! Можно, например, в сказочную Индию. В Калькутту, а? Древнейшая цивилизация. Индуизм, Тадж-Махал, «харе Кришна», Болливуд. По улицам шумных городов бродят свя-

ценные коровы, бегают веселые рикши, сидят в позе лотоса бесстрастные пышнобородые йоги. Жгучие красотки в ярких сари, с кольцами в носу. А какие танцы! А еще у них слонов используют в качестве такси. И в составе вооруженных сил есть боевые слоны. И даже верблюжья конница...

– Верблюдница. Представляешь, Петька, атаку на верблюдах, аллюром, с шашками наголо?

– На верблюдах, Василий Иванович...

– Да какая разница! Нам бы тогда эскадрон этих верблюдей...

– Да мы бы их заплевали! Тюрбанами бы закидали.

– А еще у них есть «Кама с утра». А также с вечера. Не хочешь получить пару практических уроков? Будет чем удивить подруг.

– Чтобы освоить всю программу, никаких рупий не хватит. А здоровья тем более. Но я подозреваю, что ты и сам этой техникой неплохо владеешь. Мог бы и в Индии преподавать.

– Ладно, ни звука о любви. К тому же от этой «Камасутры» у индийцев уже зашкаливает население, особенно в бедных кастах. Да и экзотика там своеобразная. Ночуют на улицах, полуголые детишки возятся в пыли у жалких хижин. А их священный Ганг превратился в сточную канаву. И вообще, жизнь там скученная и скучная...

– Зря ты обижаешь индусов. Знаешь, какие у них там программисты крутые? И фильмов выпускают по тысяче в год...

– Похоже, одно другому не мешает.

– Так, может, тогда смотаемся в Китай? Прогуляемся по великой стене, покатаемся на джонке по Янцзы, хлопнем по рюмке рисовой водки, настоящей на змеях, закусим жареной саранчой...

– Чтобы попасть в лапы хунвейбинов? Которые заставят цитировать мудрые мысли председателя Мао. Причем на языке автора. А за акцент отправят на перевоспитание в деревню. Ты думаешь, их рисовые чеки веселее наших картофельных полей?

– Нет, на китайскую «картошку» не хочу, мне и нашей хватает.

– То-то же. Давай лучше рванем в Австралию, на уникальный континент. Сойдем с трапа где-нибудь в Сиднее, увидим, как пугливые кенгуру скачут под могучими эвкалиптами, на которых сидят задумчивые коалы...

– И при этом все они сумчатые.

– Само собой!

– А я бы предпочел Брисбен. Оттуда недалеко до Большого барьерного рифа. С детства мечтаю там побывать. Коралловые острова – вот где экзотика! Изумрудная даль океана сливается с глубокой синевой неба, кокосовые пальмы, обдуваемые легким бризом, лениво шевелят гигантскими листьями. Мир, покой, благодать. И только нежный плеск волны, набегающей на белоснежный песок лагуны, нарушает тишину заброшенных островов...

– Красиво излагаешь, однако.

– Так праздника душа просит! А ты бы сам не хотел заняться дайвингом где-нибудь на атолле Факаофо?

– А почему бы и нет? Но я бы предпочел нырнуть с палубы роскошной белоснежной яхты, плавно покачивающейся у самой кромки рифов. На борту которой дремлет стройная блондинка в алом бикини, с бокалом коктейля, позвякивающим ледышками...

– Ладно, пускай пока дремлет. А мы погрузимся в голубую прохладу великого океана, в таинственный подводный мир. Помнишь «Человека-амфибию»? Будем неспешно плыть вдоль сказочных букетов кораллов, среди тропических рыб немислимых расцветок. А непуганые мальки будут доверчиво подплывать к нам, с любопытством заглядывая в стекло маски...

– И вдруг из-под коралла вылезает страшная морда мурены!

– И я тут же пронзаю ее стрелой из подводного ружья!

– Интересно, а она съедобная?

– Вскрытие покажет.

– А это, кстати, вполне реальная перспектива. В таких райских местах вообще много всякой ядовитой твари – и осьминоги, и медузы, и морские ежи. А если налетят акулы? Тут сам себя почувствуешь съедобным. Да и скучновато там, на пустынных островах. Я бы предпочел пляжи повеселее. Например, Копакабану.

– О, Рио-де-Жанейро! Мечта поэта. Белоснежный город, утопающий в тропической зелени, шумный, бурлящий, легкомысленный. В его горячий воздух вплетаются струи океанского бриза. Звуки самбы, запах кофе, немислимые гастрономические ароматы, ослепительные улыбки на смуглых лицах, знойные мулатки...

– «И все поголовно в белых штанах»!

– Нет, мулатки без штанов.

– Это удобно.

– А безумный фейерверк карнавала? Полуголые красотки в перьях и блестках, танцующие самбу, румбу и пасадобль. Бесстыдная атмосфера ничем не прикрытой страсти...

– А бразильский футбол? Это же феерия, сказка! А какие имена! Пеле, Диди, Гарринча, Жаирзиньо...

– Ривелино, Зе Мария, Тостао...

– И двухсоттысячная «Маракана», ревушая от восторга, когда Пеле, разбросав финтами защитников и обведя вратаря, издевательски небрежно закатывает мяч в пустые ворота...

– Бразилия, сказочная Бразилия! Далекая, экзотическая страна, страна контрастов. Бурлящий котел рас и наций, гремучая смесь этносов, культур и религий, богатства и нищеты. И всепобеждающая сила жизни! С ее истинным, острым вкусом, вкусом пряных, жгучих блюд, тропических красок, пьянящих ароматов. Со вкусом жаркого поцелуя на трепещущих губах, солоноватых от дыхания океана...

– Или крови. В бразильских фавелах царят законы джунглей. Помнишь тот фильм, про генералов песчаных карьеров?

– Еще бы! Безумная свобода, безумная страсть и безумная жестокость. И жонгада, и вечная песня океана...

– Кстати, тот редкий случай, когда кино получилось лучше первоисточника. Я потом читал роман Амаду – бледная тень фильма.

– А «Пусть говорят» смотрел? Там тоже красивейшие пейзажи.

– А разве это было в Бразилии?

– Не знаю. Да это и неважно. Помнишь влюбленную пару над голубизной горного озера, на фоне заснеженных Анд? А полноводные реки среди буйства зелени, под сенью белоснежных облаков в бездонной глубине неба? И торжествующий голос Рафаэля. Помнишь эти исполинские дымящиеся водопады?

– Это водопады Игуасу, на границе Бразилии с Аргентиной.

– А не хотел бы побывать там? Услышать рев низвергающейся массы воды, увидеть вечные радуги над пенящимися безднами?

– Я бы предпочел Ниагару.

– Нет, давай сначала разберемся с Южной Америкой. Почему бы нам не ступить под таинственные своды тропического леса в долине Амазонки?

– Спасибо, не надо. Там слишком жарко и душно. А еще много диких обезьян, змей и москитов. Хватит с нас и Борнео.

– А вы разборчивы, сударь!

– Хочу в пампасы!

– А мы уже здесь! В аргентинских прериях.

– Их воздух должен быть терпким, сухим и горчащим – как удар ковбойского кнута, как шорох метко брошенного лассо, как стук копыт диких мустангов, бешено несущихся над выгоревшей травой. Как щелчок взводимого курка револьвера...

– Там тоже есть ковбой?

– Где их только нет! Аргентина – удивительная страна. Страна, лежащая в южном полушарии, в таких же, как и у нас, широтах. Похожая по климату – там даже выпадает снег, но совершенно иная. У южного полюса планеты вообще малоллюдно – Аргентина, Чили да еще Новая Зеландия. Периферия цивилизации.

– В тех местах должно чувствоваться ледяное дыхание близкой Антарктиды. И если уж мы забрались так далеко, почему бы не посетить знаменитую Огненную Землю?

– Не стоит. Ничего огненного там нет: камни, лед, снег. Пейзажи Чукотки и Магадана. Ими и здесь можно полюбоваться. Помимо желания. Как говорится, от колымской экзотики не зарекайся...

– И только одинокий пингвин стоит на уступе айсберга

и задумчиво вглядывается в вечно холодные, мрачные воды океана...

– Пытаясь разглядеть в них свежую, экологически чистую рыбу.

– А помнишь удивительные названия рек, островов и гор из романов Майн Рида и Жюль Верна?

Помню, конечно, помню. Где он теперь, ветер дальних странствий, веявший со страниц этих книг? Вместе с их отважными героями плыли мы в штормовых морях, пробивались сквозь сельву Амазонии, переплывали многоводную Парану, сражались с дикими зверями и кровожадными дикарями. Через безлюдные просторы Патагонии, вдоль суровых отрогов Кордильер упорно двигались к знаменитому мысу Горн. А как волновала нас волшебная музыка Дунаевского из фильма о капитане Гранте! Холодок восторга пробежал по спине, тревожно бились мальчишеские сердца, а воображение уносило в неведомые дали. Волны времени смыли эти детские мечты, и сами мы безнадежно повзрослели, но стоит только прикрыть глаза – и снова парят гигантские кондоры над грозными вершинами Анд. И поет свирель одинокого пастуха, и вторят ей сладкоголосые «Simon&Garfunkel». Эль кондор паса, друг мой, эль кондор паса... А кондор все летит в ледяной чистоте горного воздуха, как летел и сотни лет назад, когда планета еще была огромной и неизведанной. И снова оживает память, и снова накатывают волны воспоминаний: «Видишь: птицы летят осторожно на далекие вспыш-

ки огня. И распахнут весь мир, и дорога так и просит: шагни на меня! Там, где небо шторма занавесили, там, где вязнут в тумане слова, обязательно есть неизвестные, неоткрытые острова». И ведь верили мы когда-то в эти острова, верили Буссенару, Стивенсону, Фенимору Куперу. Верили в те самые бригантину, поднимающие паруса в флибустьерском дальнем синем море.

– Но вот, сквозь пелену тумана, проступают очертания далекого Буэнос-Айреса, города, пропитанного неприкрытой, грубой чувственностью. Здесь родилось знаменитое аргентинское танго...

– И еще одна бессмертная песнь любви: «Бэсса мэ, бэсса мэ, мучо». Какая мелодия, какая романтическая история! Девочка пришла со свидания, села за пианино и простыми словами выразила то, о чем пело ее влюбленное сердце: «Целуй меня, мой мальчик». И все! Навеки вошла в души людей, в историю музыки...

– Консуэла Веласкес. Но, по-моему, она мексиканка.

– Правда? А я всегда думал, что аргентинка. И ведь многим рассказывал, никто не поправил. Вот стыдно-то!

– Думаю, что твоим доверчивым подругам это не так уж и важно. Главное – красота самой легенды: первая любовь, пылкие чувства, волнующая музыка. Какая разница советской девушке, где это было – в Аргентине или в соседней Мексике?

– Еще скажи: в Гваделупе. Ну что, рванем на родину Ве-

ласкес? Окунемся в Мексиканский залив, залезем на пирамиду ацтеков...

– Не стоит. Пыльная и скучная страна. Сомбреро, кактусы, текила, кокаин, наркобароны, да еще Сикейрос – что там еще интересного? И жара, жара. Не зря они сами толпами бегут оттуда на север.

– В прохладный Техас. Кстати, а почему бы и нам с тобой не посетить проклятую Америку, оплот империализма? Чтобы своими глазами увидеть, как она стонет под игом капитала, как бьется в судорогах перманентного кризиса...

– Перепроизводства. Как задыхается от избытка джинсов, блейзеров, дубленок, часов «Сейко», телевизоров и магнитофонов «Сони», «Филипс», «Панасоник». Чтобы ослепнуть от лживого блеска витрин супермаркетов, забитых всевозможной жратвой. Десятками сортов колбас и сыров, экзотических овощей и фруктов, попкорна, чипсов, их мерзкой жвачки, отвратительной кока-колы...

– Не трави душу! Человека, измученного общепитом.

– А ты бы не хотел увидеть в свободной продаже новейшие диски самых крутых рок-групп? Альбомы «Beatles», «Led Zeppelin», «Deep Purple», «Rolling Stones», «Creedence», «Uriah Heep», «Pink Floyd» лежат пачками, и никто их не берет. Можешь представить?

– Нет, не могу. Такое возможно только при полном коммунизме.

– Оказывается, для этого нужно всего лишь приземлить-

ся в аэропорту имени Кеннеди. Я предлагаю лететь туда прямо из Буэнос-Айреса, бизнес-классом авиакомпании «Pan American».

– И это не подлежит обсуждению! На меньшее я не согласен.

– Все в наших руках! Мы развалимся в роскошных креслах, а длинноногая стюардесса в строгом фирменном мини будет предлагать нам охлажденные напитки: шампанское, виски, коньяк, бренди, ром, джин, текилу, французские вина. Ты что выберешь?

– Я не буду привередничать. Никакого снобизма. Я перепробую все.

– А я проверю их на вшивость: потребую кальвадос, граппу и абсент. А еще дайкири. Посмотрим, как они будут выкручиваться. Ты граппу пил? А кальвадос? Ну вот, заодно попробуем.

– А потом неспешно допьем наши аперитивы, поправим галстуки безупречных костюмов и вальяжно выйдем из салона роскошного «Боинга». И окажемся, как в фильме о будущем, в сверкающем здании аэропорта – целом городе, поражающем разноцветием лиц и одежд, пестрой сумятицей огромного людского муравейника...

– И поразимся, как точно описал все это Артур Хэйли.

– А потом окунемся в бешеный ритм делового Нью-Йорка...

– В котором человек человеку волк, а не друг, товарищ и

брат...

– И где нас со всех сторон окружают улыбающиеся, открытые лица незнакомых, но приветливых и благожелательных людей...

– Но мы не поверим фальшивым улыбкам этих конформистов, погрязших в уютном болоте общества потребления.

– О чем речь! Нас не проведешь обманчивой рекламой, сверкающей в каменных джунглях Манхэттена. Но по городу мы, конечно, пройдемся. Прошвырнемся по тому самому Бродвею, пресловутой Пятой авеню, прогуляемся по Центральному парку. Поднимемся на знаменитый Empire State Building...

– Чтобы с высоты птичьего полета плюнуть на город «желтого дьявола», цитадель проклятого империализма.

– А потом, проголодавшись, зайдем в первый попавшийся бар и с отвращением съедим их традиционный сэндвич с кока-колой.

– А еще посетим Брайтон-Бич. Выйдем на набережную, глянем на гребенку поднимающихся из воды небоскребов, поприветствуем позеленевшую от свободы и морских ветров статую с рожком окаменевшего мороженого в руке...

– Но скоро нам надоест суэта этого гигантского муравейника, в котором все мысли людей заняты презренным металлом, и мы без сожаления простимся с его душной атмосферой алчности и тщеславия. И отправимся по следам Ильфа и Петрова на просторы одноэтажной Америки. Возьмем на-

прокат огромный, как авианосец, американский автомобиль, какой-нибудь «крайслер» или «бьюик»...

– Обязательно открытый!

– Само собой. Чтобы небрежно развалиться в шикарных креслах и катить по их бесконечным хайвэям, полной грудью вдыхая воздух великой страны. А ветер будет трепать наши распахнутые рубашки, охлаждать разгоряченные лица, развеивать буйные прически. Мы будем лететь по широченным автострадам, обгоняя фермерские пикапы, монстрообразные трейлеры и сверкающие кабриолеты, в которых будут сидеть роскошные блондинки, улыбающиеся нам ослепительными голливудскими улыбками...

– «Хэллоу, бэби! Ай лав ю!» – крикнем мы им и утопим педаль газа в пол, а могучий мотор отзовется утробным рычанием и вдавит нас в сиденья мощным ускорением. И замелькают вдоль дороги маленькие города, с их неизбежными придорожными автозаправками и фастфудами. И мы, наконец, увидим с детства памятные по романам Майн Рида бесконечные прерии...

– По которым все так же бродят стада непуганых либерзонов и могучих шатобрианов...

– А в прибрежных кустах вдруг мелькнет тень индейского разведчика, какого-нибудь Одинокого Волка из племени навахо, со свирепой раскраской медного лица, ожерельем из медвежьих клыков и пучком перьев, вплетенных в смоляной пук волос.

– А потом налетит сухой, горячий воздух Техаса и раскроются знакомые по вестернам пейзажи Дикого Запада. И отчетливо привидится, как из-за ближайшего поворота вылетит, в пыли и звоне копыт, семерка ковбоев в потертых джинсах, выгоревших, пропотевших ковбойках и тех самых знаменитых черных шляпах...

– А потом подкатим к настоящему придорожному салуну и, небрежным ударом открыв болтающуюся створку двери, ввалимся в его сонный полумрак, провинциальную тишину которого нарушают лишь звуки кантри из музыкального автомата...

– А в дальнем углу дремлет, закинув на стол ноги в желтых сапогах, какой-то второстепенный персонаж с косынкой на шее, в ковбойке, кожаной жилетке и шляпе, надвинутой на глаза...

– А мы уверенной походкой подойдем к бару, уставленному батареями сверкающих бутылок, усядемся на высокие табуреты и закажем двойной виски с содовой...

– А бармен спросит «Как дела, парни?» и пустит в нашу сторону по барной стойке толстые стаканы, позвякивающие кубиками льда...

– А мы ответим «Вери гуд, чувак!» и залпом выпьем янтарную прохладу шотландского самогона. А потом выйдем из темноты бара в слепящую жару полдня, сядем за руль, врубим газ до визга шин и рванем по пустынному, уходящему вдаль хайвэю. Куда? К великому Гранд-Каньону, конечно.

но. Чтобы подойти к самому краю уступа, висящего над пропастью, и ошалеть от немыслимых размеров этого гигантского провала. Которому пока еще не нужен ремонт...

– А может, умерить аппетиты и начать со старушки Европы? Как тебе аэропорт Шарля де Голля?

– Снова хочется в Париж?

– Да, уже хотелось. Подняться на Эйфелеву башню, пройти по Монмартру, посидеть в кафе на Елисейских полях, прогуляться по парку Тюильри, посетить великий Лувр и знаменитый Нотр-Дам...

– И ты туда же! Всем «мешает спать Париж», всех прельщает «праздник, который всегда с тобой». Праздник, да не твой!

– А почему бы и нет?

– А потому что люди строили этот город для себя, а не для тебя. Строили веками, душу вкладывали. И даже не надеялись, что тебе понравится. А ты, молодец, взял да и приперся! На все готовенькое. За красивой жизнью. Уж и не чаяли дожидаться, а ты – вот он: «Здравствуйте, я ваша тетя! Я приехала к вам из Бердичева и буду у вас жить». Кому ты нужен, бездельник? Там и своих таких хватает.

– Но я же не навсегда! Увидеть одним глазком, ощутить ауру...

– Обещаешь увидеть Париж и умереть?

– Немного иначе: хотелось бы, уходя в мир иной в окружении безутешных родственников, видеть из окна Эйфелеву

башню...

– Мечтаешь прилечь на Пер-Лашез? Рядом с Мольером? Фиг тебе! Заплати за услуги и проваливай. Да про чаевые не забудь!

– Ну вот, испортил все парижское настроение...

– Да ну его, этот французский гедонизм! Давай лучше посетим Страну восходящего солнца. Поднимемся на Фудзияму, попробуем их поганое сакэ, закусим ядовитой рыбой фугу. Вот где уникальная культура! Икебана, гейши, сакура, хокку, сад камней. Минимализм и простота быта: циновка, столик, ваза с корявой веткой и роскошный телевизор. Крошечный садик у крыльца скромного домика. Умение видеть красоту в естественности окружающего мира...

– Самураи, бусидо, харакири, камикадзе. Кодекс чести. Искусство держать лицо. Постоянные поклоны и улыбки в сочетании с несгибаемой волей и непримиримостью. Каратэ, дзюдо, джиу-джитсу. Даже трудно представить, насколько они другие.

– Ну, молодой человек, начинать нужно с синтоизма...

– Как-нибудь в другой раз. А где еще есть экзотика? Куда нас зовет муза дальних странствий? Мы же с тобой про Африку забыли! Давай начнем с юга, с мыса Доброй Надежды. «В Кейптаунском порту, с пробоиной в борту...» Решено – летим в Кейптаун!

– А почему не в Найроби?

– Там слишком жарко. Да и что интересного в выжженных

солнцем саваннах?

– Не скажи! С детства мечтаю поохотиться на белых носорогов.

– Фиг тебе! Они занесены в «Красную книгу».

– Ладно, пусть пока живут. Скажите, а вы бывали на Багамах? А на Гавайях? А на Каймановых островах?

– А зачем? Нам и на Канарах неплохо живется.

– Ты хоть знаешь, что такое серфинг?

– Знаю. Мечта идиота.

– Да ты и представить себе этого не можешь! Это не просто острова в тропических морях. И не просто экзотический вид спорта. Это стиль, образ жизни. Это сбывшаяся мечта! Это гигантская волна, стремительно набирающая высоту, на упругом теле которой ты балансируешь на узкой доске, скользишь, занырявая в изумрудный коридор под пенящимся гребнем. Это твои друзья, такие же отчаянные авантюристы со спортивными торсами, крепкими нервами и бицепсами. Это ваши веселые подруги в разноцветных бикини, стройные, гибкие, смуглые, с ослепительными улыбками, с развевающимися прядями черных, золотых, бронзовых волос. Это неопишуемые закаты над океаном, волшебные ночи под созвездием Южного Креста и счастливые розовые рассветы...

– Гражданин, просыпайтесь! Наш лайнер приземляется в аэропорту города Сыктывкар. За бортом – дождь со снегом, температура – один градус тепла...

– Только не это! Я не выношу тепло в размере одного градуса!

– Граждане пассажиры, Сыктывкар не принимает по невыносимым погодным условиям. Наш лайнер направляется на ближайший запасной аэродром, в город-герой Ливерпуль...

– Увы, граждане битломаны, их там уже нет. Отзвучали прощальные аккорды «Let It Be», разлетелись золотые жуки по свету. А больше там нечего делать, в этом унылом портовом городе. Да и погода у англичан ненамного лучше сыктывкарской. Круглый год дожди и температура плюс двенадцать...

– Ну почему? Летом бывает и четырнадцать.

– А зачем лететь так далеко? Запасные аэродромы есть и поближе. Например, в Швейцарии. Мирная, уютная страна, райский уголок в центре старушки Европы. Красивейшие пейзажи, прозрачный горный воздух, хрустальные потоки низвергаются с тающих ледников. Белоснежные вершины Альп отражаются в голубизне Женевского озера, окруженного старинными замками, живописными парками, цветущими лужайками. Чистейшая экология в сочетании с благами цивилизации. Уникальный пример симбиоза человека с природой, идеальное место для комфортной жизни...

– А зимой там еще лучше!

– О чем речь! По альпийским склонам, сверкающим под горным солнцем, рассыпаны горнолыжники в ярких костю-

мах. Вот кто-то из них, с хрустом закладывая виражи, стремительно летит по склону и вдруг резко тормозит перед тобой, обдав облаком снежного вихря. Из-под космического шлема и зеркальных очков сверкает ослепительная улыбка, и ты узнаешь ту блондинку у подъемника, которая с иронией взглянула на тебя, новичка, впервые вставшего на горные лыжи. Она жестом приглашает тебя за собой, в пугающую крутизну спуска, а ты разводишь руками, проклиная свою неуклюжесть и языковую беспомощность. И тогда она, резко оттолкнувшись палками, разворачивается в прыжке и уносится вниз, делая красивые виражи, а ты балдеешь от эротичности движений ее бедер и всей ее гибкой фигуры, обтянутой фирменным костюмом. А вечером, когда ты ужинаешь за деревянным столом в уютной харчевне, потягивая душистый глинтвейн у пылающего камина, за соседний стол усаживается веселая компания иностранцев, и среди них ты узнаешь ту самую блондинку. Она, в ярком свитере, с распущенными волосами и нежным румянцем на щеках, смеется шуткам друзей, призывно поглядывая на тебя. А дальше, а дальше...

– Чур меня! Изыди, нечистая сила! Не введи во искушение.

– Ага, попался! И ты, Брут, клюнул на крючок красивой жизни.

– Ничто человеческое. Кстати, а почему бы и нам не выбраться в горы? Конечно, не в Альпы, но в Карпаты съездить

можно. У нас в главке есть группа энтузиастов горнолыжно-го спорта, собираются этой зимой в Закарпатье, на две недели. Присоединяйся.

– Придется брать отпуск.

– Ну и возьмешь половину. Здесь летом и так курорт.

– Ладно, подумаем. Швейцария-то нам не светит.

Да, в те годы можно было только шутить на тему дальних странствий: «И я хочу в Бразилию, к далеким берегам». Но это были шутки на грани дозволенного. Опять захотелось в Париж? Нехорошо. Советская молодежь мечтает о полетах на далекие планеты, а не в сомнительный Буэнос-Айрес. А ты откуда такой взялся, особенный? Откуда у тебя, советского комсомольца, такие нездоровые мечты? Как тебя воспитывали, кто твои родители? Уже расхотелось? То-то же. В общем так: на Марс можно, а в Бразилию нельзя.

– А по сути, вся эта заграничная экзотика – мишура. Да и сам туризм – погоня за миражами, развлечение бездельников. Бродить в стаде туристов по историческим развалинам и слушать байки экскурсоводов? Занятие для баранов. Бездарное времяпровождение.

– Ну почему? Разве неинтересно поехать, посмотреть мир, другие страны? С их природой, историей, достопримечательностями...

– Охота к перемене мест – признак внутренней пустоты. Мыслящему человеку внешние впечатления только мешают. Еще Модильяни заметил, что путешествие – это подмена

истинного действия. И восточные мудрецы говорили: найти новое в себе – вот истинная находка. Можно обрести Вселенную, не выходя из дома.

– А другим художникам и писателям это помогает, дает толчок к творчеству. Множество шедевров создано в путешествиях...

– Ну, осмотрел ты эти полустертые камни, даже потрогал их рукой – и что? Вспомни, какие убогие предметы ты видишь в музеях. И чем они древнее, тем примитивнее, даже украшения царей. Значит, такой же грубой была и сама жизнь людей в прошлом. Полное разочарование. Ты вот мечтаешь прокатиться в гондоле, прикоснуться к обломкам пирамид, подняться на Эйфелеву башню, а это всего лишь среда обитания местного населения. Так же как ты сам забегаешь в ГУМ за шмотками, не замечая Кремля и храма Василия Блаженного, так и они спешат по делам мимо своего Нотр-Дама. Какая-нибудь римская мороженщица стоит возле Колизея, и ей этот Колизей надоел до чертиков! Вчера Колизей, сегодня Колизей, завтра будет Колизей.

И никуда от него не денешься. Как от тележки с тающим мороженым и бездельников-туристов.

– Но это память об исторических событиях, о великих людях...

– Все еще веришь в эти школьные мифы? Значит, ты тоже потенциальная добыча экскурсоводов. Которые водятся в окрестностях средневековых замков. Стоит этим хищникам

учуять в группе туристов болезненный интерес к истории, как они набрасываются на зазевавшуюся жертву. Сначала запугивают какой-нибудь дурацкой легендой о герцоге-изувере, задушившем здесь юную жену. Потом парализуют волю ошалевших туристов байками о кровавых повадках местных вампиров и увлекают в ближайшее подземелье, где демонстрируют лучшую в округе коллекцию скелетов и пыточного оборудования на самый изысканный вкус. И наконец, доби- вают красочными описаниями пыток и казней...

– Постой-постой! А культура, шедевры искусства? Я бы в первую очередь посетил Флоренцию, колыбель Возрожде- ния, город-музей. Говорят, у них там «Давид» стоит прямо на улице. А какие имена! Микеланджело, Леонардо да Вин- чи, Боттичелли, Джотто...

– Все это ты уже видел много раз, в репродукциях.

– Ну да. Это в твоём духе – оценивать «Джоконду» по фо- тографии в газете. А тебе не хочется посмотреть, как живут простые англичане, испанцы, французы? Поучиться уму-ра- зуму у приличных людей. Как работают, как отдыхают. Ле- зут из кожи вон или делают свое дело не спеша. Какие отно- шения – на работе, дома. О чем говорят – с начальником, с женой, с друзьями. Куда идут вечером – домой или в люби- мую забегаловку. Что их радует, что огорчает...

– Да везде одно и то же! И в Неаполе, и в дельте Мекон- га, и в дебрях Манхэттена люди занимаются одним и тем же. Днем добывают средства для пропитания, а ночью реализуют

ют второй основной инстинкт. Разве что с национальными особенностями...

– Так ведь в этих деталях самый интерес!

– В деталях интимной жизни? В дельте Меконга? Понятно...

– Ты пошляк! Речь совсем о другом. Разве не интересно, как проходит обычный день простого итальянца? Мне представляется, что после работы он направится в свою любимую тратторию. Сядет за столик на открытой террасе, увитой виноградником, и закажет спагетти, пиццу и бутылку кьянти. И будет весь вечер наслаждаться едой и вином, налетающим с моря ветерком, негромкой музыкой, бирюзой неаполитанского залива, полетом чаек на фоне заката. Болтать с хозяином о футболе, подмигивать смешливым смуглянкам, проходящим по мощеной булыжником старинной улочке...

– Еще одна сказка об Италии. На самом деле его ждет дома сварливая жена с кучей орущих детишек. И теща, для комплекта.

– А может, в это же самое время где-нибудь в Новой Зеландии уже совсем стемнело. И сидят у ночного костра пастухи, ужинают поджаренным на огне хлебом с сыром, запивают терпким домашним вином и вдыхают прохладу горного воздуха. Тишину вечера нарушает лишь треск цикад, неумолкающий шум реки в глубоком ущелье да ворчание собак, охраняющих стадо. А над головами у них глубокое звездное небо. Но не отыщешь на нем Полярную звезду...

– Ну вот! Ты и так все знаешь. А если приедешь туда, а там все бедное, жалкое, убогое? Обидно будет. Да и зачем из праздного любопытства отвлекать людей от дела, болтаться под ногами...

– А можно и не болтаться. Почему бы, например, не заняться экстремальным туризмом? Сплавиться по какой-нибудь реке в той же Новой Зеландии? Или пройти на байдарке по Амазонке? Кстати, вы еще не бывали на Джомолунгме?

– Да она исхожена вдоль и поперек! Слава достается только первому. А выше уже не поднимешься.

– А если принести туда складную лестницу? Залезешь на нее, и в книге рекордов Гиннесса появится запись: такого-то числа такой-то придурок поднялся на высоту 8850 метров над уровнем моря...

– Да ну ее, эту стремянку! Переть ее туда. Да и вершину мира засорять не стоит. Для этого и на родных просторах места хватает...

– Кстати, ты вроде бы всю страну облетал на рейсах. Что-нибудь интересное запомнилось?

– Ну, в каждом городе есть что-то особенное. Но когда летаешь постоянно, оно все сливается – аэропорты, гостиницы...

– Понятно. А у меня их было немного, и я все отчетливо помню. Даже первые минуты здесь, в этом южном городе...

– Запах подгоревшего подсолнечного масла?

– Нет, вначале было другое. Горячий, сухой воздух обнял

меня прямо на трапе самолета и шепнул: «Успокойся. Расслабься. Здесь не пропадешь». А еще удивила цветовая гамма: желтизна выгоревшей травы и блекло-голубое небо без единого облачка. Ароматы я почувствовал потом. Этот город пропах кабачками и перцем. Он, как южный базар, говорлив и пахуч. Он рифмуется с солнцем, салатом и сердцем, быстрым, теплым дождем из растрепанных туч. Он потоками летнего зноя пронизан, белой россыпью в зелени парков лежит. Виноградник опутал балконы, карнизы и сквозь дрему лениво листвой шевелит. Здесь в уютных дворах затаилась прохлада, старины сохраняя наивный уют. И стыдливая, нежная гроздь как награда за счастливый и Богом дарованный труд. Здесь с апреля по осень распахнуты окна, и не нужно на юг уезжать в отпуска. Здесь и в песню, и в танец вступают охотно, черный локон поправив слегка у виска. Здесь как молнии взгляды и смуглые лица, и веселая речь на родном языке, и пурпурная влага в бокалах искрится, поднимаясь для тоста в горячей руке. Льются скрипок певучие, чистые звуки, и задорные, звонкие бубны звенят. Этот город рифмую с любовью, с разлукой. Этот город с судьбою рифмует меня.

– Все-таки стишками балуешься...

– А кто по молодости этим не грешит?

– Меня бог миловал.

– Сочувствую.

А через неделю состоялся слет. И прошел он еще интерес-

нее, чем предыдущий. Потому что звездой слета стал новичок нашей команды. Он был лучшим в легкой атлетике, он же вывел нашу команду на первое место в ориентировании, а в туристической эстафете – на второе. Кроме того, успел поучаствовать в оформлении лагеря и выпуске отрядной газеты, и нам за это дали приз с формулировкой «за оригинальность и мастерство». И в конкурсе художественной самодеятельности все его номера были приняты на «ура». А поздним вечером к нашему костру, у которого он солировал, подтянулся почти весь лагерь, и гитара ходила по кругу, и до утра звучали душевные песни, и лучше всех пел, конечно, он.

Каждый из нас невольно сравнивает себя с окружающими. Встречая сверстника, в чем-то превосходящего нас, мы испытываем смешанное чувство ревности и зависти, корни которого лежат в природном инстинкте соперничества. С возрастом этот инстинкт ослабевает, но в молодости бывает очень острым. Образ конкурента с преувеличенными нашим воображением достоинствами болезненной занозой сидит в памяти. Подозреваю, что столь же острые уколы зависти испытывают женщины в обществе яркой красотики, нагло перехватывающей мужское внимание. Конечно, мужчинам это пережить легче, поскольку у нас есть больше возможностей сказать: зато! Зато у меня есть разряд по боксу, зато я закончил мехмат университета, зато поднимался на Эльбрус, зато имею публикацию в журнале. Да мало ли чем можно себя успокоить!

Однако это был не тот случай. Успокоить себя мне было нечем. А вот ему было чем, хотя он этого и не афишировал. Во время слета выяснилось, что у него есть и свои, весьма неплохие, песни. А впоследствии стало известно, что он кандидат в мастера спорта по плаванию и гимнастике и даже входил в молодежную сборную страны. Одно это могло убить самолюбие любого сверстника. Но и это, как оказалось, была лишь видимая часть айсберга.

Люди отзывались о нем по-разному. У девушек при упоминании его имени вспыхивали глаза. Сотрудницы постарше тоже не скрывали восхищения: «Комсомолец, спортсмен! Красавец! На гитаре поет». В мужских компаниях кривили губы: «Бабник». А его начальник как-то сказал: «Какой он работник? Да никакой!» Каждый видел в нем то, что был способен увидеть. А вот я не мог высказать конкретного мнения. И чем больше его узнавал, тем сложнее было это сделать.

Вообще-то говоря, я тоже считал себя личностью неординарной и имел для этого определенные основания. Внешне, хотя и не подходил под эталон брутального мачо, был высок, строен, спортивен. Кроме того, обладал логическим мышлением, неплохо подвешенным языком и чувством юмора, а также некоторым кругозором и запасом общекультурных знаний, почерпнутых из прочитанной в детстве литературы. Окончив московский институт с красным дипломом, получив весьма престижную специальность и нахватавшись вер-

хушек столичной культуры, я был достаточно самоуверенным субъектом и привык свысока поглядывать на окружающую меня провинциальную среду. Поэтому встреча с этим человеком, фактически моим сверстником, стала для меня чем-то вроде неожиданного и очень неприятного холодного душа. Я видел, что во многом проигрываю ему, и остро переживал свою, казавшуюся мне очевидной, неполноценность. Эта нетривиальная личность постоянно привлекала мое внимание, вызывая противоречивые чувства и эмоции. А впоследствии в наши отношения вмешались женщины.

Свободными вечерами одинокому холостяку бывает скучновато. В мужских общежитиях от природной и душевной непогоды избавляются традиционным способом. Но пьянство как развлечение не устраивало ни меня, ни его, и это нас сближало. Поначалу наше общение носило случайный характер. У каждого были свои дела, интересы, отношения с людьми – то, что называется личной жизнью. Но постепенно шапочное знакомство переросло в нечто вроде дружбы, с острым привкусом соперничества с моей стороны. Встречаясь в свободное время то в моей, то в его комнате, мы слушали музыку, вспоминали что-то из последних фильмов и книг, шутили, смеялись. У меня было много магнитофонных лент, собранных за студенческие годы. Это были многократно переписанные и не очень качественные записи концертов Высоцкого, Окуджавы и других бардов, но больше всего зарубежной музыки, начиная, конечно, с «The Beatles». У него

тоже был магнитофон, и мы постоянно обменивались записями. До сих пор эти ленты, многократно склеенные, с осыпавшимся магнитным слоем, в потрепанных картонных конвертах со старательно выписанными названиями песен и исполнителей, лежат на даче, на полке старого серванта рядом с выдавшим виды магнитофоном «Маяк». На этих старых лентах с плывущим и пропадающим звуком хранится музыка самых любимых нами дисков тех лет: «Abbey Road», «Let It Be», «Imagine», «Deep Purple in Rock», «Machine Head», «The Dark Side of the Moon», «Look at Yourself» и многих других, так радовавших нас в те далекие годы. Их мелодии, ставшие классикой двадцатого века, уже давно оцифрованы и доступны на самой современной аудио- и даже видеотехнике, о чем мы когда-то и мечтать не смели, но все равно рука не поднимается выбросить эти трогательные свидетельства прошлого. Слишком много воспоминаний связано с ними.

Бывало, что наши беседы, начинавшиеся с легкомысленного трепа, выходили на серьезные темы. Большинство из них всплывало случайно. Обычно начиналось с какой-нибудь его провокационной фразы, которая, по сути, была шуткой, но действовала на меня как красная тряпка на быка. Он вообще отличался радикализмом в суждениях, оспаривал очевидные истины, издевался над признанными авторитетами. Это меня раздражало, и я тут же бросался его опровергать, а он с дьявольской изворотливостью защищался. Ино-

гда эти споры затягивались допоздна, а к некоторым темам мы возвращались неоднократно. Я не оставлял попыток найти изъяны в его измышлениях. Ведь абсолютных истин не бывает. Откуда же его этот апломб? Чем оправдана самоуверенность? Ну, не может у человека быть все в порядке в делах и в голове! Так не бывает. И тем более удивительным было его отношение к житейским проблемам. Оно было наплевательским. Как к мухам: надоест – прихлопнем, не мешает – и хрен с ней! Однажды, в ответ на мое недоумение, он процитировал молитву какого-то испанского монаха: «Господи, дай мне силы изменить то, что я могу изменить, дай терпения, чтобы выдержать то, чего я не могу исправить, и дай мне разум, чтобы отличить одно от другого». А еще добавил знаменитую фразу царя Соломона: «Все пройдет, и это тоже». А третье правило он вывел из своего личного опыта: любые проблемы, какими бы трудными они ни казались, рано или поздно разрешаются. Или просто исчезают. Как будто само время решает их за нас. Или какие-то высшие силы.

Разговаривать с ним тоже было непросто, особенно с непривычки. Иногда, когда я пытался высказать какую-то значимую, на мой взгляд, мысль, он со своей обычной полуулыбкой договаривал начатую мной фразу. И мне нечего было к этому добавить. Поначалу эти его замашки выводили меня из себя, и я выходил из его комнаты в сильном раздражении. Но он не придавал этому особого значения, и через некоторое время мы снова встречались и об-

щались как и прежде. Рождалась ли в этих спорах истина? Трудно сказать. Но мне они были интересны, и я даже стал испытывать некую пресность жизни без этих словесных поединков, постоянно проигрываемых мною. Впрочем, в одной сфере, как мне казалось, я его превосходил. Как выяснилось, он работал сторожем на каком-то складе промышленного оборудования. Простым сторожем на складе! Даже этим он удивлял окружающих. А я, закончив факультет экономической кибернетики, получил диплом экономиста-математика, и сферой моей деятельности были автоматизированные системы управления (АСУ), электронно-вычислительные машины (ЭВМ), алгоритмы, программирование, оптимальное управление. В те годы информационные технологии еще только развивались, и заниматься ими считалось весьма престижным. Когда я небрежно упоминал свою специальность в компаниях, это всегда производило должное впечатление. Но только не на него. На него, похоже, вообще ничто не производило особого впечатления. Редко случалось, чтобы он чему-то удивился. Хмыкнет, бывало, со своей саркастической улыбкой. Так же иронично он улыбнулся, когда узнал о моей специальности. Меня это задело, и я попытался съязвить насчет непрестижности его работы, на что он спокойно возразил:

- Вообще-то говоря, не место красит человека.
- Ну, и чем же ты украсил столь престижное место?
- Во-первых, престижность нужна неуверенным в себе

людям. Во-вторых, у меня одно из самых лучших рабочих мест. Таких должностей не так уж много. Ты знаешь, кому завидовал Эйнштейн? Правильно, смотрителю маяка. И, надеюсь, понимаешь почему?

– Одиночество. Ничто не мешает заниматься наукой. И почему ты не на маяке?

– Потому что одиночество мне не нужно. А умственная свобода нужна. Потому что я тоже люблю думать. Размышлять.

– В первый раз вижу человека, который любит думать!

Ничего себе! Вот это хобби! Мне действительно еще не встречались любители этого занятия. С профессионалами все понятно – это научные работники. Настоящий исследователь размышляет над своими проблемами постоянно, даже во сне. И это вполне объяснимо: напряженная умственная деятельность – основное занятие ученых. Но встретить бескорыстного мыслителя на складе электросетевого оборудования? Сторож-мыслитель! Да это просто анекдот! Вроде еврея-оленевода. Правда, в фильме «Живет такой парень» какой-то пожилой водитель полуторки на Чуйском тракте тоже признается, что любит думать. По ночам, у костра.

Впрочем, в чужую голову не влезешь. Не исключено, что мыслящих людей среди нас не так уж и мало, но они благо-разумно скрывают этот природный изъян от окружающих. Ведь еще в недавние исторические времена проблему избыточной мудрости решали крайне просто – усекновением са-

мого ее источника. Да и сейчас во многих сферах деятельности вольномыслие недопустимо. Например, в вопросах религии. Или государственной идеологии. И то и другое построено на вере и обсуждению не подлежит. Потому что от праздных мыслей недалеко и до крамолы. Не зря Петр I издал официальный указ: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, чтобы умом своим не смущать начальства». А кайзер Вильгельм выразился еще короче: «Не рассуждать!» Назначать слишком умных людей на государеву службу нежелательно еще и потому, что чем умнее чиновник, тем более изощренные приемы он найдет для казнокрадства. Также недопустимо умствование в армии и на флоте, поскольку угрожает обороноспособности страны. Что касается гуманитарной сферы, здесь ситуация еще проще. Говорят, певцам и актерам голова нужна лишь для того, чтобы издавать ею звуки. А поэтам просто необходимо отключать мыслительный аппарат, чтобы не мешал вдохновению. Да и многие писатели прекрасно обходятся без умственных усилий, если судить по результатам их творчества.

О вреде этого сомнительного занятия предупреждали многие классики мировой литературы. В романе Хаггарда «Копи царя Соломона» главный герой с горечью признается: «По мере приближения старости мною, к великому моему сожалению, все более овладевает отвратительная привычка размышлять». И наверное, прав был Ремарк, когда

устами одного из персонажей констатировал: «Самая тяжелая болезнь мира – мышление! Она неизлечима». И Грибоедов предостерегал нас от этого горя. А Монтень писал, что перевидал на своем веку множество людей, которые утратили человеческий облик из-за безрассудной страсти к науке. Да я и сам встречал на мехмате МГУ странных типов с отсутствующим взглядом за толстыми стеклами очков и безумной полуулыбкой на лице. Как правило, в их неряшливом облике присутствовала некая перекошенность, и передвигались они как-то полубоком, вдоль стены, как крабы. С первого взгляда было понятно, что это потенциальные клиенты психиатрических лечебниц. А фантаст Станислав Лем описал трагедию мыслящего картофеля на одной отдаленной обитаемой планете. Эта высокоразвитая цивилизация погибла из-за того, что все ее представители однажды глубоко задумались над смыслом жизни и, придя к неутешительным выводам, совершили коллективное самоубийство. Это серьезное предупреждение всему прогрессивному человечеству.

Много позднее, в смутные годы перелома общественного строя, мне вспомнился этот давний разговор. Однажды, машинально переключая каналы телевизора, я обратил внимание на не совсем обычный сюжет. Это было что-то вроде международного клуба знакомств. Какой-то молодой, но толстый американец рассказывал о себе потенциальным невестам (синхронный перевод шел почему-то женским голосом, что было довольно забавно): «Первый свой миллион

долларов я заработал в девятнадцать лет. Получилось это, можно сказать, случайно. Однажды, поговорив по мобильному телефону, я сунул его по привычке в карман и занялся своими делами. Но при этом я все время чувствовал мобильник в кармане, он мне мешал. “Как бы мне его держать при себе поудобнее?” – подумал я, и тут же придумал небольшое устройство – чехол на поясном ремне. Потом я его запатентовал и вложил небольшую сумму в выпуск первой партии, которую реализовал через салоны сотовой связи. На вырученные деньги я организовал их промышленный выпуск и получил уже серьезную прибыль. Но вскоре продал этот бизнес, потому что он мне надоел. Зато я понял, что могу зарабатывать деньги своим умом. Кроме того, мне понравилось придумывать что-то новое. Еще несколько таких дел обеспечили мне финансовую независимость и возможность заниматься тем, что мне нравится. А я, по правде говоря, люблю думать. Сажу в своем любимом кресле, потягивая виски с содовой, и размышляю. Со стороны кажется – вот сидит бездельник и дремлет весь день. Но мало кто знает, что в это самое время я зарабатываю деньги собственными мозгами», – добавил толстяк и рассмеялся.

– А мне показалось, что и у тебя есть к этому склонность...

– Еще чего! Я люблю повеселиться, а особенно пожрать.

– Пожрать и поржать? Вот это как раз не диво. А жаль.

И здесь, раздраженный своей глупой шуткой и его покро-

вительственным тоном, я снова начал выходить из себя. «Он любит думать! А я что, не думаю? Да мне приходится решать такие задачи, какие тебе и не снились! А вот о чем ты думаешь?!» – хотел выкрикнуть я. Но он опередил меня, словно угадав мои мысли:

– Я размышляю над тем, что мне интересно. А ты – над тем, что тебе поручено. Ты продаешь самое дорогое – время твоей жизни. И распоряжается им кто-то другой.

– Но все люди должны работать! Приносить хоть какую-то пользу. Зарабатывать на жизнь, в конце концов!

– И я работаю. Но мой ум свободен для нужных мне целей.

– Что же это за цели такие?

– Я вникаю в суть вещей и явлений.

– Суть? Не в том суть, что ссуть, а в том, что ссуть под окнами. Делом нужно заниматься! Конкретным, нужным людям делом!

– Ты, я вижу, очень гордишься своей специальностью. Звучит оно, конечно, красиво: кибернетика, алгоритмы, ЭВМ, процессоры, операционные системы и так далее. Особенно для романтических барышень. А ведь все это бантики на платье голого короля.

– Да что ты в этом понимаешь!

– Чтобы оценить вкус супа, не обязательно съесть всю кастрюлю. Я тоже изучал основы информатики и программирования. Но профессия программиста мне не понравилась. По большому счету, это дело мало чем отличается от работы

землекопа...

– Землекопа?! У тебя что-то с головой.

– Только выполняется умственным способом. И это не творческая, а вполне рутинная деятельность. Она дает человеку не реальные, а виртуальные знания. Которые быстро устаревают, как и сама техника. И все вложенные в них усилия пропадают зря. Все твои навыки, опыт – фикция. Скоро они окажутся никому не нужными.

В этот момент чрезвычайно неприятное, тошнотавое ощущение неуверенности в себе, в своих, казалось бы, надежных убеждениях охватило меня. Словно земля покачнулась и уходит из-под ног. Я чувствовал устрашающую правоту его слов и не хотел в них верить, но и опровергнуть не мог. А он продолжал меня добивать:

– Да и само по себе программирование носит обслуживающий характер. И ты тоже, если сказать по правде, подносчик снарядов. Готовишь информацию, которую используют другие люди...

– Да, готовлю! И горжусь этим. Наша работа востребована технологическими отделами и руководством. Ты и представления не имеешь, какие объемы информации нужны для управления энергосистемой. О балансах энергии и мощности, динамике нагрузок и перетоках, о ремонтах и состоянии оборудования. О выработке электрической и тепловой энергии и ее потерях при передаче, об объемах и структуре электропотребления, о запасах топлива и его удельных рас-

ходах. И еще много чего. И за всей этой информацией люди и сложная техника. И большая ответственность. А все вместе нужно для стабильного энергоснабжения. Чтобы работали заводы, фабрики, транспорт. Чтобы выпекался хлеб, действовал водопровод. Чтобы горела вот эта лампочка. Да чтобы все работало! Без электроэнергии человечество погрузится во мрак, во всех смыслах слова...

– Ладно, хватит лекций! А ты сам чем конкретно занимаешься?

– Сейчас работаю над задачей оптимизации запасов на складах. Один из которых ты как раз и охраняешь. Нужно оценить количество запасных частей, чтобы их хватало для ремонта энергетического оборудования, но без ненужного избытка. Для этого применяется расчет на основе статистики аварийности оборудования, потока случайных событий Пуассона и заданного уровня надежности.

– И много ты сделал таких работ? Первая? Понятно. Применил общеизвестную формулу и возгордился. Все вокруг заплодировали, а ты раскланялся. Bravo! Полный провинциальный успех. И это все? Неужели тебе не кажется, что ты достоин большего?

– Мало ли чего кому кажется! А делать нужно то, что нужно. И делать хорошо. Болтунов много, а дело тянут профессионалы. Мы не рассуждаем на философские темы, мы работаем. Я сам ставлю перед собой задачи повышенной сложности и решаю их...

– Это иллюзия. Просто ты, как чуткая лошадь, стараешься ускорить бег еще до того, как хозяин щелкнул кнутом. Кстати, слышал, какой русский не любит быстрой езды? Правильно. Тот, на котором ездят. Так чего лукавить? Твоя инициатива ограничена поводьями в руках начальника. Если двинешься не в ту сторону, тебя тут же поправят. И будешь идти туда, куда тебе укажут, и везти то, что на тебя нагрузят. А если понадобится, то и подстегнут.

– Ладно, без плейбоев разберемся! Сам-то имеешь хоть какую-то специальность? Что ты закончил?

– Ничего. Но более правильно спросить, что начинал. Я перепробовал несколько институтов, но когда начиналась узкая специализация, уходил. Чтобы не ограничивать умственную свободу.

– И что, так и остался без диплома?

– А я не собираю красивые значки и бумажки с печатями.

– Но ведь без «корочек» не устроишься на приличную работу.

– Многие люди с дипломами занимаются очень неприличной работой. И наоборот.

– Значит, для тебя хобби важнее профессии?

– К сожалению, специальность «философ-вольнодум» трудовым законодательством не предусмотрена.

– А если бы была? Представляешь? Ты бы работал в должности ведущего мыслителя в Институте проблем универсального познания (НИИПУП), в отделе постижения основ

прогрессивного агностицизма (ОПОПА). И тебе бы за это еще и платили...

– Не трави душу! Измученную несовершенством мира.

– А если серьезно? Вот познаешь ты эту самую главную суть, достигнешь высшей мудрости. Где ты ее применишь? Пойдешь устраиваться в правительство? На министерскую должность?

– Ну, почему сразу на министерскую? Можно и на замминистра, для начала. А там видно будет...

– Ну, ты и наглец!

– Но ты же сам к этому времени уже будешь министром. Вот и применишь меня замом по общефилософским вопросам. С окладом согласно штатному расписанию. И персональным кабинетом.

– А если не стану министром? Продолжишь профессиональную карьеру? Глядишь, к пенсии и до швейцара дорастешь.

– Нет, швейцарская карьера мне не светит. Не имею специфических данных. А вот хорошие счетоводы, как известно, везде нужны.

О работе, карьере курьера, специфике профессий, черном понедельнике, грязной канаве, персональном кабинете, ручном и умственном труде и творческих шашках

– Да ладно тебе! Дело серьезное. Работа – это судьба человека.

– Не работа, а профессия. Выбирая профессию, выбираешь судьбу. А работа может быть и временной...

– Э, нет! В случайной работе можно застрять на всю жизнь. Бывает, человек берется за первое попавшееся дело, полагая его временным, а оно незаметно затягивает. Пока освоил, пока дождался отдачи – время пролетело. И оказывается, что это единственное, что ты знаешь и умеешь, и менять что-либо уже бессмысленно.

– Да, пожалуй. Это как с женой – познакомился со случайной девушкой на танцах и незаметно прожил с нею всю жизнь. Случайную жизнь со случайной женщиной и случайной работой...

– Я тут недавно прочитал одну книгу, она так и называ-

ется: «Работа». Журналист собрал рассказы американцев о своей работе. Там были металлург, стюардесса, профсоюзный деятель, детектив, сборщик автомобилей, официантка, уборщик мусора и много других. Реальные жизненные истории людей разных национальностей, социального уровня, образования. В полной дословности, с сохранением лексики, лишь с небольшими комментариями. Поразительная сила жизненной правды! Но меня больше всего удивило отношение американцев к своей работе. Как ты думаешь, какое?

– Ну, американцы известны своей деловой активностью. Работают много и хорошо. У них высокая производительность труда...

– Американцы ненавидят свою работу!

– Да ну?!

– Большинство занимается тем, за что им платят деньги, а не тем, чем хотели бы. Только несколько из опрошенных положительно отозвались о своей работе. Кажется, это были хоккеист, стюардесса и официантка. Там интересно описана история курьера одной чикагской газеты. Он рассказывает, что раньше работал в разных местах, но больше всего ему понравилось в какой-то социальной организации. У него там не было конкретных обязанностей, он просто получал деньги и жил на них. Он не хуже других справлялся с этой деятельностью, но его все равно уволили. Тогда он устроился курьером в редакцию газеты. Он пришел туда с позитивным настроением, делился с сотрудниками своим духовным опытом

и угощал натуральной пищей: орехами, изюмом, семечками. Он ходил по комнатам и убеждал людей задуматься о смысле своей жизни. Но скоро выяснилось, что коллектив погряз в эгоизме и конформизме. Его гоняли по редакции и по городу с бессмысленными поручениями и не разделяли его прогрессивных взглядов. Не всем нравилось, что он в рабочее время сидел на полу и предавался медитации. А начальник прямо спросил: что это за омерзительное пугало?

– Вот он, звериный оскал империализма. Эксплуататоры проклятые! Угнетатели трудящихся масс...

– Да, он это понял сразу. Когда в редакцию звонили читатели со своими проблемами, он им отвечал, что зря они сюда обратились. Потому что это капиталистическая газета, которая создана, чтобы приносить ее владельцам деньги, а не помогать всяким бедолагам. И советовал обратиться к «Черным пантерам» или в какую-нибудь другую благотворительную организацию. И люди были ему за это благодарны. В отличие от бездушного руководства редакции...

– И его выгнали?

– Нет, не посмели. Но заявили, что такое поведение неприемлемо, и перевели в другой отдел. Но и там он столкнулся с душевно черствыми людьми. Которые стали придирааться к его внешнему виду. Советовали постричься, принять душ, купить приличный костюм. Особенно их раздражали его ботинки с отрывающимися подошвами, которые он примотал изолентой...

– Да какое им дело! Чистоплюи несчастные...

– Вот именно. А он страдал от меркантильности и лицемерия окружающих и хотел нанести удар по обществу, возвращенному капиталом. В котором людей заставляют работать обманом, хитростью или насилием. Он мечтал раздобыть пулемет и для начала перестрелять всю редакцию. Или хотя бы поджечь ее...

– Вот так растут революционные настроения в массах.

– И все-таки его уволили, придравшись к нарушению трудовой дисциплины. Представляешь? В Америке, оплоте демократии, человек пострадал за либеральные взгляды! Так закончилась карьера курьера. Но это был хиппи, свободная личность, презревшая ценности буржуазного общества. А другим приходится выживать, кормить семью, поднимать детей. И люди цепляются за любую работу. Там металлург говорит, что никому не пожелал бы такой судьбы, как у него. Он проработал всю жизнь в горячих цехах, потому что нужно было обеспечивать семью и выплачивать кредиты за дом, мебель, машину. За годы, проведенные у доменной печи, он заработал профессиональную болезнь легких и понимает, что ему недолго осталось жить, но гордится тем, что выучил сына, которому не достанется такая участь. Или рассказ уборщика мусора о том, где и как он работал в своей жизни, как пытался устроиться на более престижные места, но у него не получалось или не везло. И ему пришлось, в конце концов, заняться этим грязным делом. И он признается, что

неудачник, а в тексте комментариев: плачет...

– А что, у нас не так?

– Нет, не так! У нас хуже.

– Да какая разница? Мусор, он и в Африке мусор. И неудачников тоже хватает. С детских лет мечтавших стать космонавтами...

– Или пожарниками. Но это не каждому дано...

– Да, не все наши мечты сбываются. Приходится заниматься тем, за что платят. Говорят, самая невыносимая работа – на конвейере. Потому что превращает человека в часть сборочного механизма. Не столько физически изматывает, сколько морально...

– А разве в шахте легче? Во глубине сибирских руд. С отбойным молотком, в темноте, в пыли, в сырости. Как в могиле. А кому-то она и становится могилой – то взорвется, то завалит...

– А что, на свежем воздухе лучше? Под минус тридцать, по пояс в снегу, на лесоповале. А один день Ивана Денисовича помнишь? А как Беломорканал строили? В болотах тонули, скалы вручную долбили – и в зной, и в мороз...

– А у доменной печи не хочешь погреться? А на блюминге-слябинге. Или возле ревущего парового котла?

– Да чего далеко ходить! Вон, в электросетях, оперативно-выездная бригада – в дождь со снегом у них самая работа. Хоть днем, хоть ночью выезжай на аварию, лазь по кустам да оврагам, ищи, где обрыв, где коротнуло...

– Электрики, как и саперы, ошибаются один раз в жизни. Из нашей общаги мужика недавно зашибло, насмерть. Не слышал? Каждый год сдают экзамены, а все равно гибнет народ...

– Нас в главке тоже заставляют сдавать, хоть и за столами сидим. А самая ответственная работа – в ЦДС². Диспетчера круглосуточно дежурят, обеспечивают покрытие электрической нагрузки. Не дай бог, если начнутся отключения потребителей. Потери бывают невосполнимые. Если операция на сердце, например. Или отключился какой-то режимный объект. И даже на птицефабриках...

– А там что за беда?

– Там ведь инкубаторы огромные. Если остывают, яич пропадает немерено, и убытки бывают неслабые.

– Цыплят, конечно, жалко. Но в энергетике можно хоть какое-то резервирование организовать, на режимных объектах. А есть такие должности, где ошибки вообще недопустимы. Мы с тобой что-то не так сделаем, этого и не заметит никто. А если ошибется авиадиспетчер? Или оператор атомной электростанции? Мало не покажется.

– У военных много таких объектов. Ответственность такая, что задание нужно выполнять любой ценой. Даже ценой жизни.

– Специфика профессии. В армии человек – элемент обороноспособности, расходный материал.

² Центральная диспетчерская служба энергосистемы.

– А еще, я слышал, большие стрессы у тех, кто связан с высшими эшелонами власти. Там тоже нельзя ошибаться.

– В политику лучше вообще не лезть. Политика – грязное дело, обязательно испачкаешься. Еще Монтень заметил, как много вокруг занятий и должностей, по самой природе своей порочных...

– Грязной работы везде хватает. Вон, на колхозных фермах. Каждый день выгребать навоз из-под скота. А вернувшись с работы, заниматься тем же дома. И так всю жизнь, без выходных и отпусков. А эти бесконечные поля с неубранной картошкой? Осенью, под дождем. Тоска смертная. Не зря все, кто может, бегут из деревни.

– А разве с человеческим скотом работать легче? В тюрьмах, на зонах. С уголовниками, выродками всякими, отбросами общества...

– А в милиции? Выезжай на драки, разнимай всякую тварь, подбирай алкашей. Или трупы полуразложившиеся...

– Жуть. А на скорой помощи? Бывает, что больной в блевотине и в поносе с головы до ног. Или маньяк какой-нибудь набросится...

– На врачей еще и нервный стресс давит: и приехать успеть, и диагностировать, и помощь оказать. Тут ведь не железка, а человеческая жизнь в руках.

– Медицина вообще своеобразная область деятельности. Я не представляю, как нужно любить человека, чтобы специализироваться в проктологии. При том, что можно выбрать

гинекологию.

– С анатомической точки зрения разница невелика.

– А с эстетической? Подозреваю, что гинекологи, в отличие от проктологов, искренне любят свою профессию. С удовольствием идут на работу, с интересом ждут очередную пациентку...

– Еще бы! Весь день погружаться в мир прекрасного. Причем совершенно бесплатно.

– Почему бесплатно?

– Как?! За это еще и платят?

– Ну, зарплаты у врачей небольшие. Приходится подрабатывать.

– На дому? Это вообще круто! Но в коммунальной квартире вряд ли получится. Соседи неправильно поймут.

– Наоборот! В добровольных ассистентах недостатка не будет.

– Нет, номер не пройдет. Жены ассистентов не допустят.

– И все равно профессия уникальная.

– Что да, то да. Представляешь, каким волнующим должен быть дебют молодого специалиста? Наверное, первая пациентка остается в памяти на всю жизнь. Как первая учительница и первая любовь...

– А если это будет пенсионерка?

– Тем более.

– А где они после напряженной смены находят вдохновение на жену? Как вообще исполняют супружеские обязанности?

сти, когда перед глазами этот конвейер, на самый изысканный вкус?

– Еще как! Пулей летят домой. Чтобы наброситься на супругу. Прямо в прихожей. Не снимая ботинок и пальто.

– А что испытывает жена, представляя, чем он там занимается? Причем законно, среди бела дня, на глазах у людей. А потом еще за ужином выслушивать его впечатления о прошедшем рабочем дне. О каких-то особенностях, интересных случаях. Тут действительно нужен героизм. А как он вообще ухаживал за ней? Поэты твердят, что в женщине должна быть какая-то тайна, а этот тип – он же все знает! Его же ничем не удивишь – ни до свадьбы, ни после...

– Да уж! На эффект неожиданности рассчитывать не приходится. Остается брать высокодуховностью. Иначе никак.

– И одноклассникам трудно объяснить выбор профессии...

– Ладно, хорош язвить. Это дело благородное, связанное с продолжением человеческого рода...

– Ну, так три шага вперед! Кругом! Пусть посмотрит в глаза боевым товарищам. Пусть ответит перед строем: почему выбрал эту специализацию? Почему не пошел в проктологи?

– Значит, нашел свое призвание, любимое дело.

– Любимое?! А мы что, не любители этих дел? С молодых ногтей. Когда тайком рассматривали эти веселые картинки. И в разрезе, и в профиль, и анфас. Но увлечься этим всерьез,

на всю жизнь?

– А в качестве хобби можно, да? Ты и сам не против? Понятно.

– Но какую выдержку надо иметь! Чтобы оставаться мужчиной и профессионалом одновременно. В столь щекотливых условиях.

– Немыслимо. По-моему, чистая шизофрения.

– Наверное, со временем вырабатывается привычка. Мы для врачей просто биологические механизмы, подлежащие ремонту...

– А санитарки в больницах работают вообще за копейки. Вот кому не позавидуешь. Таскать вонючие судна, ворочать дряблых, неподъемных старух. Убирать дерьмо из-под мерзких стариков...

– Это что! Золотарями люди работают...

– Даже хуже! Адвокатами. А еще информаторами и дознавателями. Кто-то на работе руки пачкает, а кто-то душу.

– А в моргах? Как тебе вскрытие трупов? Работа на любителя.

– А канализацию ремонтировать не приходилось?

– А общественные туалеты мыть не пробовал?

– На сборах однажды довелось, когда дневалил по казарме. Мне не понравилось.

– То-то же! Разве можно любить такую работу?

– Но ведь кто-то соглашается.

– От безысходности. Кто-то надеется, что временно, а кто-

то уже смирился. А женщины берутся, чтобы подработать, помочь семье. Семья важнее всего, остальное можно перетерпеть.

– А если вдуматься, сколько народу каждое утро выходит из дома с тяжелым сердцем, преодолевая отвращение...

– А ты чего хотел? Свободного посещения?

– Но есть же вольные художники, люди творческих профессий.

– Конечно, есть. Те, которых, как и волка, ноги кормят. Беда в том, что кормят не всех и нерегулярно.

– Зато им не нужно по утрам спешить к станку. И спать они могут хоть до обеда...

– И часто позволяют себе это. Просыпаясь в захлавленной комнате, среди объедков, пустых бутылок и никому не нужных «шедевров». И с гудящей головой пытаются найти что-то в пустом холодильнике и в столь же безнадежном кошельке. А потом начинают собирать накопившуюся посуду, чтобы опохмелиться...

– Есть время разбрасывать бутылки и время их собирать.

– А когда и они заканчиваются, выбирают что-то из оставшихся картин, чтобы продать за бесценок. И это завидная участь?

– Кому как. Даже если голодный волк позавидует сытой собаке, он не выберет ее судьбу.

– В любом случае жизнь – это будни, а не праздник. Не воскресенье, а понедельник. Еще Воннегут воспел черный

понедельник.

– Нет, он сказал: «Прощай, черный понедельник!»

– И как ты с ним простишься?

– Запросто! Нужно «понедельники взять и отменить».

Чтобы после воскресенья начинался вторник. Представляешь, какое будет облегчение народу? А если еще ненавистные будильники разбить...

– Давно пора. Неси кувалду!

– Как они портят жизнь простому человеку! Бывает, что с постели встать никаких сил, спать хочется мучительно. Глаза закрываются сами собой, голову от подушки не оторвешь. Поднимаешься только на волевом усилии. Как сонный робот.

– А я так и делаю. Включаю робота. Отдаю сам себе команды: «Встать! Умыться! Одеться! Шагом марш на работу!» И сам же их исполняю. Главное, делать это механически, без сомнений, без мыслей. Кстати, метод универсальный. Помогает в любом неприятном деле. Только важно не расслабляться, до результата. Составляешь план работ и включаешь робота. А он все делает за тебя.

– Эх, если бы так! Бывает, не успеешь прийти на работу, а уже хочется отдохнуть. А после обеда с этим вообще нет сил бороться!

– Опасный симптом. Ты это дело не запускай. Я слышал, один мужик с такой проблемой даже к врачу обратился: «Доктор, помогите. Как плотно покушаю, в сон тянет –

просто нет сил!»

– И у меня то же самое. Боюсь, как бы не перешло в хроническую форму. Хуже всего, что храпеть начинаешь, сотрудников будишь. А этому пациенту врачи как-то помогли?

– Увы! Современная медицина бессильна. Болезнь неизлечима. Но для облегчения страданий советуют меньше жрать...

– Как, еще меньше?!

– И от черного понедельника тоже никаких таблеток не существует. Хошь – не хошь, а на работу вставать придется...

– И не говори. Особенно тошно осенью, в плохую погоду. Выходить в промозглую темень, мокнуть на остановке, тащиться в переполненном автобусе, среди угрюмых людей с такими же серыми лицами. А на работе выясняется, что на твоем участке прорвало трубу и нужно ехать на аварию. И там раскапывать ее под дождем, лезть в эту канаву, в холодную грязь... Романтика, блин!

– Да, есть такое дело. Такую работу делают суровые, крепко выпивающие люди. Настоящие мужчины, передовики производства.

– Само собой. Но убивает то, что эта романтика навсегда, на всю оставшуюся жизнь. Что ничего другого больше не будет...

– А это и значит, что дело – труба! Дело всей твоей жизни – труба. Труба – твое призвание на этой земле. Неси ее со

смирением.

– Дать бы тебе по башке! Этой самой трубой...

– Но от понедельника и пожизненной трубы это тебя не избавит. Потому что после любого праздника наступает утро рабочего дня. В его суровой реальности. Праздник окончен, господа, займемся же делом! И каждое новое утро – это очередная волна времени, смывающая следы прошедшего, уносящая с собой все лишнее, ненужное, надуманное и наговоренное. Но оставляющая изредка, на берегах нашей жизни, камешки истинных ценностей. Так иди же навстречу понедельнику с улыбкой на лице и радостью в сердце!

– Bravo! А ты, оказывается, тоже поэт. Но этот гимн черному понедельнику вряд ли вдохновит людей, сидящих в грязной канаве.

– А никто никому и не обещал легкой жизни. «Это производство все-таки, как-никак». И заниматься придется тем, за что тебе платят.

– Это верно. Если уж взялся за гуж. Как говорят в таких случаях украинцы: «Це дило – гимно, но его трэба розжувати». И тут выход один: жевать побыстрее, чтобы оно быстрее закончилось.

– Не хочешь растягивать удовольствие? Напрасно. Чем быстрее жуешь гимно, тем больше его тебе навалят. Всемирный закон. Потому что жизнь коротка, а запасы гимна неисчерпаемы.

– Есть мнение, что все в этом мире гимно.

– Кроме мочи!

– Иногда анализы показывают, что моча – тоже гимно.

– Не дай бог! А как само гимно? Что показывают анализы?

– Отличное! На уровне мировых стандартов.

– Это радует. Хоть что-то получается как у людей...

– А бывает и в выходной день – просыпаешься, а за окном мутное сырое утро. На календаре суббота, а на душе понедельник. И тут она и наваливается, тоска-матушка. Какой-то птицы черной тень мелькнула в окнах на рассвете. И родился холодный день. И мир предстал в реальном свете. Был горек истины глоток. И стало вдруг до боли ясно: неутешителен итог. И то, что жизнь прошла напрасно.

– Ну, это лирическое преувеличение! Такая вселенская скорбь свойственна только очень молодым людям. С возрастом проходит.

– В том-то и дело! Лучшие годы проходят впустую...

– А Лермонтов в твоём возрасте уже о-го-го! А Македонский! А Наполеон! А Гайдар полком командовал...

– Да при чем тут Гайдар! Вон однокурсники как продвинулись: один уже остепенился, диссертацию защитил, имеет научные публикации; другой в министерстве отделом заведует, министру доклады готовит; третий, хоть и уехал по распределению в глухомань, а уже начальник крупного объекта. Большим коллективом управляет – и кабинет у него, и служебная машина, и квартира...

– А ты болтаешься в общаге – ни кола, ни двора. И ведешь

онегинский, «рассеянный» образ жизни.

– А имя одного не выделявшегося в школе одноклассника, говорят, вошло в «Мировую энциклопедию всех времен и народов»...

– Ни фиги себе! А что, есть такая?

– Значит, есть. А удостоился прикладным искусством. С детства делал шкатулки в народном стиле, как его отец. И достиг в этом невиданного мастерства. И теперь у него выставки по всему миру. Говорят, даже у президента США есть его поделки.

– Успокойся. Не завидуй чужому успеху. Еще Монтень заметил, что судьба осыпает своими дарами отнюдь не самых достойных.

– В том-то и дело, что достойных! А ведь ни в школе, ни в институте особо не блистали, звезд с неба не хватало...

– А ты, значит, блистал? И думал, что все самое лучшее в жизни достанется везунчикам, вроде тебя? Ты ведь, небось, и отличником был, и в комитете комсомола состоял, и диплом у тебя красный?

– Ну, было дело. По малолетству...

– Так ты и сейчас блистаешь. В прошлую субботу, у Ленки на дне рождения, ты был звездой вечера. Обаял там всех поголовно: блестящие тосты, остроумные шутки, искрометный юмор. А как ты танцевал! Женский контингент был в восторге. А мужской зубами скрежетал. Если бы тебе еще морду набили, был бы полный триумф!

– Ладно, хватит! Самокритику тут разводить...

– А чего ты хочешь? Персональную «Волгу» и кабинет с секретаршей? Так для этого нужно уехать в глухие, некомфортные места и начинать там с самых низов. Врубаться в технологию производства, в скучные чертежи, в те самые пресловутые СНиП³ы...

– Опять за парту? Я еще от института не успел отдохнуть.

– Отдохнуть? Ну, тогда на твоей карьере можно ставить крест.

– У нас коллектив молодой, и перспектив особых не видно...

– Перспектив масса! Было бы желание. Ты, вообще, как себя позиционируешь? Хочешь сделать карьеру в своей конторе? Еще не определился? Так это уже ответ, причем отрицательный. Не знаю, как пробился твой сибирский приятель, но если хочешь расти по службе, это должно быть твоей каждодневной целью. Ты должен мыслить и вести себя как начальник. Нужно вникать во все проблемы, проявлять активность, вносить дельные предложения. Чтобы все видели, что у тебя есть способности и амбиции к этому делу...

– Плох инженер, который не мечтает стать главным инженером?

– Вот именно. Но из хорошего специалиста может получиться плохой руководитель. И нужно сто раз подумать, когда предложат. Силенки соизмерить, чтобы пупок не на-

³ Строительные нормы и правила.

дорвать. Потому что это будет судьбоносный выбор. Да-да, именно так! Придется многим пожертвовать, кардинально изменить весь образ жизни. Сейчас ты вольный казак – вышел с работы и забыл о ней. А начальник должен думать об этом своем объекте постоянно. Знать, что происходит на каждом участке, понимать технические детали, планировать работу, обеспечивать материалами, техникой, людьми. И быть готовым днем и ночью выехать на место, если что случится...

– Но не все же сам! Есть и замы, и специалисты, и аппарат.

– Но весь спрос с тебя! С первого дня на тебя обрушится куча срочных дел и неотложных вопросов. И каждый день придется принимать важные решения. И они должны быть правильными, вот в чем канальство! Потому что не имеешь права на ошибку. Иначе недостоин, не справляешься. Ты ведь у всех на виду. Только расслабься, дай маху – сразу заметят, заговорят за спиной...

– Акела промахнулся. Не по Сеньке шапка. Не в свои сани...

– Вот именно. В любой ситуации нужно будет нести нагрузку и держать удар. И самому не дрогнуть, и людей мобилизовать. Но и это не все. Тот, кто занимался серьезным делом, знает, что не все в руках человеческих. Есть и объективные обстоятельства, и природа, и человеческий фактор. И Его Величество Случай. Так что молись богу и надейся на лучшее. Потому что именно ты обязан сдать этот проклятый

объект, и сдать досрочно – в подарок съезду. А если подведешь – партбилет на стол! А в былые годы и расстрел.

– Ну, запугал!

– А так оно и есть. Кресло начальника – раскаленная сковорода. Телефоны звонят, совещания наползают одно на другое, люди рвутся на прием. И проверки тебя достают, и отчетность, и начальство долбит: как дела, успеваешь, не подведешь? И сам ты должен давить на подчиненных. И раздражаться от того, что они не работают так, как на их месте работал бы ты сам...

– Об этом еще Толстой писал, в «Анне Карениной». У него там Левин тоже строил планы эффективного хозяйствования и приходил в отчаяние, когда упирался в стену крестьянской инертности. А бывало, сам начинал вкалывать на молотилке, на покосе...

– Это просвещенный помещик мог себе такое позволить. От нечего делать. А крупный руководитель не может, как бы у него ни чесались руки. И воздействовать на процесс ему приходится опосредованно, чужими мозгами и руками. Поэтому главным инструментом начальника является язык...

– С набором соответствующих выражений.

– И не только идиоматических. Потому что иногда приходится требовать от людей невозможного. Как этого требуют от тебя. И постепенно сволочеть от этого. И если все это уложить на одну чашу весов? Не слишком дорогая плата за персональный кабинет?

– Да не в секретарше дело! А самоуважение? Кто-то же строит ракеты, небоскребы, электростанции. Metallургические комбинаты. Каждый день видеть, как по твоей воле поднимаются корпуса, прокладываются дороги. Ты приказываешь: «Делать так!», и оно делается так! Ревут самосвалы, ворочаются бульдозеры, суровые мужики работают днем и ночью, и вот проект, сидевший в твоей башке, становится реальностью. И ты понимаешь, что это сделал ты!

– Успокойся. Не такой уж ты хозяин этим экскаваторам. Грядки копать на дачу послать не сможешь. Разве что тещу туда отвезти...

– На бульдозере?

– Смотря чем руководишь. Если конторой ритуальных услуг, будет еще интереснее. Чтобы привыкала потихоньку. А во-вторых, объект сделал не ты, а большой коллектив специалистов и рабочих...

– А престиж? Знать, что ты на самом верху, среди избранных. Как говорит Виктор Федорович, среди Товарищей, которые Решают Вопросы. И обладают реальной властью. Согласись, между теми, кто решает задачи, и теми, кто решает вопросы, большая разница...

– Это правда. Власть очень заманчива. Но нужно ли тебе это? Начнем с того, что попасть в круг этих Товарищей очень непросто. Это еще нужно изловчиться и суметь. Заслужить правильным поведением и личной преданностью. То есть унижением.

– И что, обязательно быть лизоблюдом?

– Не обязательно. Честные исполнители тоже нужны. На них удобно свалить всю работу. А заодно ответственность за ошибки руководства. Как в армии все держится на лейтенантах, так и на производстве всю нагрузку несут бригадиры. Ну и пусть несут. До самой пенсии. А на теплые места продвигают своих людей. Своих насквозь, до самого нутра. А чтобы стать своим, придется принять их систему ценностей, их образ жизни. Они предложат тебе, как великую честь, участие в их убогих развлечениях – во всех этих охотах, рыбалках, банях с девками, пьянках, обжираловках...

– И это тоже обязательно?

– А ты как думал! В этих парилках решаются самые важные вопросы. Отказаться невозможно. Иначе ты не свой, выпадаешь из обоймы. Отторгнут, а при случае подставят и спихнут с должности. А то и посадят, назначив козлом отпущения. Так что придется соответствовать. И незаметно для себя ты превратишься в такое же номенклатурное животное – помесь хама и подхалима. Как тебе эта перспектива? Тот же! А ты не думал, что этот твой однокурсник, начальник стройки, завидует твоей свободе и беззаботности?

– Честно говоря, нет.

– Мне вспомнилась одна карикатура. Идут навстречу друг другу два мужика. Один гладко выбрит, аккуратно пострижен, в костюме и сверкающих ботинках, при галстукке и с портфелем. А другой – бородатый и волосатый, в футболке,

кедах и драных джинсах, с бусами на шее и гитарой за спиной. И каждый думает: «Подумать только! Совсем недавно и я был таким же чучелом!»

– А тебе самому это все откуда известно? Ты что, стройкой коммунизма руководил? Или танкеры строил?

– По отцу знаю. Я его в детстве дома почти и не видел.

– Понятно. И какой вывод из этой проповеди? Знай свой шесток? Сиди и не чирикай? И не бери лишнего в голову?

– Нет, эти утренние отрезвляющие мысли очень нужны. Они болезненны, но их нужно додумывать до конца. И делать из них правильные выводы. И принимать соответствующие решения...

– Еще чего! Нашелся тут, душеспаситель...

– Опять грубишь. И зря. Помочь тебе хочу. Чувствую, погряз ты в своих комплексах. Придется разгрести эти авгиевы конюшни. Случай, конечно, запущенный, но попробовать можно. Давай, колись, студент. Что в душе таишь, какой дурью маешься?

– Исповедовать меня хочешь? Выведать тайны сердечные?

– Скажите, молодой человек, вы играете на рояле?

– Играю, но плохо – карты скользят.

– А фронтом командовать умеете?

– Не знаю, не пробовал.

– А вот Жуков попробовал, и у него получилось!

– Не сразу. Много народу положил, пока отточил мастер-

ство. А Илья Муромец вообще тридцать три года на печи сиднем просидел. А как развернулся в трудную минуту! Правда, для этого понадобились соответствующие условия: война, глад и мор...

– Значит, и тебе несчастий не хватает? Чтобы раззудить плечо, показать таланты богатырские. А если не повезет с голодом и мором? Так и будешь прозябать? С тобой все ясно. Комплекс Ильи Муромца. Прячешься на печке. Боишься заглянуть в себя, раскрыть карты, которые тебе сдала природа. Боишься, что нечего будет предъявить, слезши с печки. А вдруг там не козыри, а шестерки? Так? Признавайся, как на духу.

– Ладно, хорош язвить! Тебе-то какое дело?

– Ну вот, тебя тычут носом в молоко, как слепого котенка, а ты еще кочевряжишься. Ведешь себя гордо. Как Подающий Надежды Молодой Человек. И никакой благодарности за отеческую заботу...

– Котенка?! Да ты вообще охамел!

Я вышел из его комнаты, хлопнув дверью: «Да кто он такой?! Что себе позволяет? Тоже мне, учитель жизни! Аристотель со склада готовой продукции». Обида от оскорбления не давала покоя. Как всегда, после драки, появлялись блестящие реплики, убийственные вопросы, остроумные ответы. Но больше всего доставало чувство стыда, словно обнажился на глазах у людей. Зачем позволил влезть себе в душу? Какое ему дело до моих комплексов? Хоть в глаза теперь

не гляди. Но я же сам виноват – дал слабину, позволил так с собой обращаться. А он воспользовался моментом, распоясался. И шуточки у него нехорошие, ядовитые. Но самое обидное, что по сути-то он прав. Провел операцию на открытом мозгу, вскрыл хроническую опухоль. Причем без наркоза. Болезненно, чего там говорить. Такие процедуры мало кому нравятся, и благодарности у пациентов не вызывают. Большинство из нас предпочитает жить в уютном мире устраивающих нас иллюзий. Вид голой правды смущает людей, и они стремятся прикрыть ее наготу ложью. И я ничем не лучше других, как это ни обидно. Ладно, придется все это переварить, зализать душевные раны.

В конце недели случайно встретились у входа в общежитие. Он, как ни в чем не бывало, пригласил зайти, обсудить идеи на предстоящие выходные. В пятницу вечером я поднялся на третий этаж. Он, как обычно, лежал на кровати с журналом «Наука и жизнь» в руках. Это было одно из немногих изданий, которое он читал регулярно. На магнитофоне крутилась лента с записями «The Beatles». Звучал бессмертный хит Пола Маккартни «Yesterday».

– Ну, привет! Балдеешь?

– А, подающий надежды молодой человек! Привет от подающего! Потерявшего всяческие надежды...

– Кончай хамить! Разлегся тут, в нерабочее время.

– Имею полное право. После напряженного трудового дня.

– И каковы его итоги? Докладывайте в устной форме! Сколько нарушителей на единицу площади склада задержали за отчетный период? Сколько попыток выноса кабельной продукции с охраняемой территории пресекли?

– Докладываю: план по нарушителям выполнен на сто семь процентов. Без потерь личного состава и казенного имущества. А как вы исполняете решения XXV съезда КПСС? Какие методы оптимизации внедряете и каков их экономический эффект? Сколько перфокарт сэкономили с начала года?

– На десять процентов больше. А как вы участвуете в социалистическом соревновании к славному юбилею? В которое в едином порыве включилась вся страна. Знаете ли вы, сколько пудов зернобобовых на круг намолотили труженики полей Кубани?

– Догадываюсь, что немало. Не меньше, чем хлебобобы Алтая.

– А известно ли вам, с каким неподдельным энтузиазмом обсуждают трудящиеся новую Конституцию СССР, основной закон нашей страны? Страны победившего социализма, которая семимильными шагами идет к победе коммунизма. Под руководством КПСС, ее Центрального Комитета и ленинского Политбюро.

– Я себе это представляю.

– А вы заметили, как беспокойно нынче на берегах Потомака и Капитолийском холме? Как злобствуют вашингтон-

ские ястребы, стоящие на службе у военно-промышленного комплекса США?

– А вы слышали, как тревожно сейчас на Ближнем Востоке?

– Еще бы! Из-за происков американской военщины, протянувшей свои мерзкие щупальца. В тщетных попытках удушить освободительный порыв стран Азии, Африки и Латинской Америки...

– Мы этих поджигателей решительно осуждаем. Но я вижу, ты вдумчиво читаешь передовицы. Заучиваешь наизусть.

– А ты, как тот самый Абрам, уже прочел завтрашнюю газету?

– А чем она лучше вчерашней? Разве в ней будут новости? Как заметил Станислав Ежи Лец, окно в мир можно закрыть газетой...

– Так нужно уметь их читать! Под правильным углом зрения. Мне тут недавно показали одну хохму. Представь себе, что в советской газете опубликована фотография полового акта...

– Ни фиги себе! Это в какой же? Трудно представить. В «Известиях» вряд ли. В партийных органах тоже. Скорее всего, в каких-то женских. Какой у женщин главный орган?

– Сам не догадываешься? Журнал «Советская женщина».

– Нет, это немислимо! Разве что при полном коммунизме.

– Нет, коммунизм наступит, когда из кранов потечет вод-

ка.

– Ладно, будем следить. А в чем хохма?

– Погоди, для этого нужна газета. Вот, тебе «Правда», а мне «Известия». А теперь я зачитаю варианты подписей под этой пошлой картинкой. Вот, прямо на первой странице: «Идеи овладевают массами», «Занятия в университете марксизма-ленинизма»...

– Эх, если бы такие! Постой, здесь тоже есть: «Агитаторы пришли в коллективы». «Теплый прием участников областного слета»...

– Неплохо. А вот еще: «Партийная работа на местах». «Молодежь продолжает дело отцов». «Без отрыва от производства». А вот вообще шедевр: «Освоена сверхглубокая скважина»!

– И здесь не хуже: «Уникальный агрегат введен в действие»!

– Круто! А как тебе это? «Мастера машинного доения передают опыт молодежи». «Злобинский метод на Брянщине»...

– «Эксперимент на орбите»! «Новая услуга населению»!

– «Актеры в творческом поиске»!

– «Оригинальная трактовка классического сюжета»!

– «Мастера сцены в гостях у ивановских ткачих»!

– «Дебют молодой балерины»!

– «Новая программа московского цирка»!

– Слушай, я давно так не ржал...

– Ну вот, а ты говоришь, что у нас скучные газеты. Нужно уметь читать между строк. А радио слушать между слов...

– А телевизор смотреть между кадров?

– У нас в общежитии был один студент, родом из Коми. Так он все свободное время смотрел телевизор. Когда ни заглянешь в «красный уголок», он всегда там, в полумраке, освещаемый отблесками экрана. Наверное, это было для него чудо. Идет программа «Время», рассказывают о материалах очередного пленума ЦК КПСС, о росте урожайности свеклы, увеличении поголовья скота на Смоленщине – он все это смотрит. Все его считали идиотом.

– И зря. В Древней Греции таких людей уважали. А идиотами называли тех, кто не интересовался политической жизнью страны.

– Да у нас полстраны таких! В древнегреческом смысле.

– А полстраны природных. Которые верят газетам.

– Ну вот, рассчитались на первый-второй.

– А насчет прошлого разговора, ты зря обиделся...

– Но все же пределы должны быть! Шуточкам твоим поганым.

– Ну, ладно, не горячись. Неправ был, занесло малость. Не ожидал, что для тебя это так серьезно. Я сам через это прошел. Пойми: все люди одинаковы, у всех одни и те же комплексы. Но умные люди их излечивают. Ты сам знаешь, что не споешь, как Магомаев, не обыграешь Фишера, не поднимешь штангу, как Юрий Власов...

– А это никому не известно! Как заметил один мудрый таксист, каждый человек способен на многое, но не каждый знает, на что он способен. Может, во мне умер талантливый художник. Или гениальный философ. Или великий ученый...

– А хоть кто-то живой остался? Где они, твои таланты? Давай, выкладывай на стол, предъявляй товарищам. Пересчитаем, проведем инвентаризацию. Думаю, много времени это не займет.

– Опять ты за свое? Исповедальник святой...

– Но ведь других карт все равно не будет. Так играй хотя бы этими! Бывают игры, в которых шестерки сильнее тузов. Найди свою игру! Даже проигравшему достается награда – сама игра. Слушай, а давай плюнем на эту твою паршивую гениальность! Ну ее к черту! На хрен она нужна? От нее одни комплексы. Ну, допустим, нет у человека никаких талантов – что, ему пойти и утопиться? Этак мы кучу народа угробим. Останемся с тобой вдвоем на белом свете. Кто же тогда будет нами восхищаться? Скажу тебе по секрету: бездарность – это даже хорошо. Ты никому ничем не обязан, никому ничего не должен. Ты всем все прощаешь. И тебя все простят.

– За что? За бездарность?

– За бездарность пожалеют. А простят за гордыню твою глупую. Вон Леонид Филатов пишет, что чуть не умер от мысли, что он не гений. По дурости юношеской. Выкинь эту хрень из башки, присоединяйся к нам, простым людям. Будь

проще – говори стихами!

– Мне с детства не хотелось изучать науку жизни в этом скучном мире. Манило небо, я хотел летать, плыть над землей в клине журавлином. Но годы шли, и был все дальше он, их зов небесный, горькая потеря, и все сильнее действовал закон зависимости духа от материи. В руках синица, вариантов нет. Своей заботой я ее согрею. Спокойно доживу остаток лет, как будто ни о чем не сожалею. И все реальной под ногой земля. Хочу коснуться крыльев журавля!

– И не стыдно? Витать в небесах в твоём возрасте. Серьезные люди заняты делом и этой блажью не маются. Им плевать, как они выглядят и что о них говорят. Даже Эйнштейн всем язык показал. Только ты делаешь умный вид. Плюнь на эти комплексы, детские заморочки. Твоя судьба – в твоих руках. Ты свободен, как птица! Лети, живи, дыши полной грудью! Ничего не бойся!

– А я и не боюсь. Чего тут бояться?

– Правильно! Давай, включай чувство юмора. Вот прямо сейчас, перед лицом товарищей, торжественно клянись, что ты не гений.

– Простите, братцы, и помилуйте. Отрекаюсь. Я не гений.

– Молодец! Поздравляю! Теперь ты с нами. Раскрой вежды, расправь плечи. Встань и иди! Навстречу мечте. Живи и радуйся, плодись и размножайся. И не бери в голову этих глупостей.

– Ну, спасибо! Просто груз с плеч, камень с души...

– Ну что, опростался? Полегчало?

– Хорошо-то как, господи! Словно крылья выросли. Да я теперь горы сверну! Мне любое дело по плечу! Хоть на рояле сыграть, хоть фронтом командовать. Неси скрипку, сейчас сбациаю! Первый концерт для фортепиано с оркестром. Тебе Моцарта или «Мурку»?

– Не стоит так горячиться. Давай пожалеем скрипку. И Моцарта тоже. Лучше начать с малого: навести порядок в голове, в работе, в личной жизни. А потом уже можно и фронтом командовать. Кстати, как там твои дела с трубой, в грязной канаве?

– Да ничего особенного: раскопали, нашли место протечки, заделали. А в конце дня раздавили с ребятами пузырек. Нормально!

– В бытовке, в антисанитарных условиях...

– С нашим большим вам удовольствием! Дело привычное. А ты не замечал, что самый большой кайф приходит после самой трудной работы? Простейшие радости: выпить, закусить, расслабиться...

– Чем ниже человека опускают, тем меньше ему нужно для счастья. Нет, это не жизнь. К такому счастью привыкать нельзя.

– А тебя не учили, что каждый труд почетен? Что труд облагораживает человека?

– Облагораживает? Да я бы того, кто это сказал, самого загнал в эту грязную канаву! Чтобы он там облагораживался

всю жизнь. Еще Горький писал, что все «свинцовые мерзости русской жизни» происходят от тяжкого, безрадостного труда. От этого люди напиваются до беспамятства, калечат и убивают друг друга. И сами вешаются. Потому что такой жизни не жалко – ни своей, ни чужой...

– Нет, погоди! У Горького есть и другие рассказы. Про то, как он ходил с артелью по Руси. И там он описывает совсем другой труд. Который не в тягость, а в радость. Когда ладится дело, когда играет здоровая сила, когда хочется горы свернуть...

– Удаль молодецкая? Раззудись плечо, размахнись рука? Бывает. Молодой жеребец тоже резвится, пока не укатают крутые горки.

– А зачем жилы рвать? Опытный каменщик работает без спешки, но успевает сделать много. Это такой же навык, как ходьба.

– Но каждый день одно и то же! Отупляющий труд, из года в год, всю жизнь. И как они эти пирамиды строили? А Великую китайскую стену? Не представляю. Разве что под угрозой смерти.

– А человек – самое выносливое существо в природе. Адаптируется к любым условиям, ухитряется оживить самое унылое занятие. Помнишь Башмачкина, Акакия? У Гоголя, в «Шинели». Он каждый день, всю жизнь, переписывал казенные документы. Бумагу за бумагой, слово за словом, букву за буквой...

– Свихнуться можно!

– А для Башмачкина каждая буква была как живая. Одни ему нравились, другие нет. Он терпеливо писал обычные буквы, дожидаясь встречи с любимыми. Он с ними даже разговаривал...

– Точно, сумасшедший.

– Да нет же! Это как раз человеческое отношение к труду. Именно в этой потребности одушевлять любую работу и лежат истоки искусства. Древний гончар, изготавливая одни и те же горшки, для развлечения украшал их. Это и покупателям нравилось. И постепенно превратилось в живопись и скульптуру.

– Сомнительно. Древняя наскальная живопись не имела прикладного характера. Все-таки искусство – это самовыражение.

– Ну почему? Ремесло тоже может достичь уровня искусства.

– Ладно, это отдельная тема.

– Но ты меня удивляешь. И где ты набрался такого негатива к физическому труду? На стройках коммунизма что ли?

– Да нет, бог миловал. Но представление имею. На лесосплав пару раз ездил, на шабашку. Бревна ворочал, в верховьях Камы. Там задача простая: зачистить реку от застрявшей древесины. Идешь себе с багром вдоль воды и стаскиваешь бревна в реку. Работа здоровая, на свежем воздухе. Для крепкого мужика – лагерь труда и отдыха. Конечно, бы-

ли и неприятные моменты. Особенно когда болотистый затон выпадало разбирать, восьмиметровые чушки на руках выносить, утопая в грязи. Ну, еще комарье и оводы донимали. И жратва была однообразная. А так нормально – и заработал, и накачался. Кстати, был там у нас один чудик, из какого-то НИИ. Привез на лесосплав учебник Фихтенгольца. На потеху народу. Пытался совместить умственный труд с физическим. Математический анализ с раскряжевкой топляка. Хорошо, что бревном не придавило. Нет, это нереально. Когда идет серьезная работа, размышлять о постороннем невозможно. Какой там Юлий Цезарь! Посмотрел бы я на него на лесоповале. Или когда бетон идет.

– Значит, получил удовольствие от физического труда?

– Ну, это если поехать на месяц-другой. А всю жизнь этим заниматься – упаси бог! Там сама жизнь тоскливая. Население сапог весь год не снимает. Зимой снег по пояс, весной и осенью грязь непролазная, летом гнус заедает. И в огородах у них, кроме лука и картошки, ничего не растет. А главное развлечение – пьянство.

– А ведь мне тоже приходилось шабашить. И тоже на северах. Правда, у меня остались другие воспоминания, положительные. Потому что это был не только физический труд...

– Интеллектуальная шабашка? Это что-то новое.

– Представь себе. Собрались как-то пять нищих самоуверенных интеллигентов и рванули в город Мирный, за длинным рублем...

– Алмазы собирать?

– Ты что! Это режимные объекты, туда шабашников не берут. А добывают их в карьерах и в шахтах, в тех самых кимберлитовых трубках. Ковыряют руду экскаваторами и отвозят на комбинат для переработки. Весь город эти алмазы обслуживает. Работают в основном завербованные, по многу лет зарабатывают деньги и стаж. Те, кто выдерживает, конечно. Там даже природа тоскливая. Буро-зеленая тундра, а из нее вкривь и вкось торчат чахлые елки. А зимой вообще сурово. Как они сами говорят, холодно девять месяцев в году, а в остальное время – очень холодно.

– А летом, я слышал, бывает и тридцать градусов жары.

– А это еще хуже. Безветрие, влажная духота. Из тундры поднимаются тучи кровососущей твари. И тогда приходится надевать плотную одежду, в самое пекло. И все равно заедают, особенно мелкая мошка, гнус. Эта мразь пролезает в любые щели. Так что местное население не чаёт дожидаться похолодания...

– Зимой ждут тепла, а летом холода?

– А там особой разницы нет. Был момент, в конце июня, с вечера подул северный ветер, так наутро в воздухе снежинки летали. То ли новая зима началась, то ли прежняя не закончилась. А может, лето такое выдалось, малоснежное. Поэтому у них там в сезон рабочие руки нарасхват. Мы, как приехали, просто пошли по улице, заходя в различные конторы, и буквально через пару часов подобрали подходящий объект.

И с нами тут же заключили договор.

– Значит, туда можно ехать втемную?

– Запросто! Работу найдешь. Если хочешь и можешь вкалывать. Нас в тот же день разместили, в полуразрушенном здании бывшей школы. Выдали железные кровати с матрасами и постелями. Полов там не было, но комнату с невыбитыми стеклами найти удалось. Там даже была электропроводка, и мы заваривали чай огромным кипятильником, в трехлитровой банке. Завтракали и ужинали у себя, консервами, с хлебом, маслом и повидлом, а обедали в столовой.

– А чем занимались?

– Взялись за капитальный ремонт двухэтажного здания комбината бытового обслуживания. С перепланировкой помещений, утеплением, внутренней и внешней отделкой. Вроде ничего особенного, но по ходу дела вылезало много разных проблем. А времени в обрез – объект нужно сдать «под ключ» в установленный срок...

– Аккорд?

– Он самый. А премия чуть ли не в размер основной оплаты. Так что было за что бороться. Составили план-график и старались его выполнять. По вечерам, за ужином, обсуждали дела на следующий день. Пытались все предусмотреть, устранить препятствия...

– Brainstorm на вечной мерзлоте?

– Да, это было реальное совмещение умственного и физического труда. Сами профессии осваивали на ходу, кто имел

хоть какое-то представление. А если где-то возникала заминка, подключались все. И даже бригадир. Хотя он вообще редко бывал на объекте...

– Интересно! А он чем занимался?

– А хрен его знает! В основном лазил по местным складам, искал стройматериалы, инвентарь, добивался их получения. Фактически из пяти человек работали четверо. Зато обеспечил фронт работ. Мы ему за это даже дополнительную премию выплатили. А еще сумел решить несколько нетривиальных задач. По договору нужно было обеспечить трехфазное электропитание профессиональных швейных машин. Проводку мы проложили, а силовой шкаф, не имея квалификации, подсоединить не решались. Тогда он нашел опытного электрика, который сделал все как положено.

– Субподряд?

– Ну да, заплатили из своего кармана, зато обошлись без задержки. А когда нужно было обрабатывать пиломатериалы, он за пару дней, не отвлекая нас, соорудил станок с циркулярной пилой. Нашел на какой-то свалке старый электромотор, проверил, исправил его, сделал прочный стол, закрепил мотор, насадил диск и вывел в прорезь стола. И пила заработала с первого включения!

– Да, ничего не скажешь. Высший пилотаж...

– Вот тебе симбиоз умственного и физического труда на шабашке. С применением школьных знаний об электромаг-

нитной индукции. А еще он решил болезненную проблему художественного оформления салона, которая беспокоила нас с первых дней. Сначала были идеи с полярным сиянием, оленями, нартами, оленеводами в малахаях и алмазами. Но кособокий сеятель облигаций из романа Ильфа и Петрова все время стоял у нас перед глазами. Остапу Бендеру было проще, потому что у него был натурщик в лице Кисы. А среди нас модели для высокохудожественного образа оленевода не нашлось. К тому же Бендер ухитрился получить деньги авансом...

– А нанять художника?

– Было и такое предложение. Но люди творческого склада ненадежны. Неизвестно, что их посетит – вдохновение или запой. А у нас сроки. И тогда бригадир выдал неожиданную идею. На одном из складов обнаружил, среди прочего пыльного инвентаря, партию двухметровых зеркал, непонятно зачем завезенных в эти суровые края. И предложил украсить ими зал, расположив на фоне мозаики из бордовых и светлых прямоугольников. Никаких дурацких оленей с рогами и копытами! Никаких нарт, унт, юрт и тынзянов...

– Не юрт, а яранг.

– Тем более. Короче говоря, отказались от пошлой полярной экзотики, обошлись дизайном бродвейского бара.

– Среди вечной мерзлоты? Смелое решение.

– Но оно оказалось единственно верным. Получилось изящно, строго и красиво. В многочисленных зеркалах отра-

жались светильники, геометрический рисунок стен, примерочные кабины с малиновыми занавесками. Мы сами были приятно удивлены результатом.

– А в срок уложились?

– День в день. Приехавшая принимать объект начальница, войдя в приемный зал, была поражена его видом. Бегло осмотрев остальные помещения, она без особых претензий подписала акт приемки работ. Как потом выяснилось, нам крупно повезло. У руководства с самого начала было сомнение в возможностях нашей бригады. И эта самая начальница ожидала увидеть на стенах салона традиционных оленей и прочую дурацкую атрибутику под местный колорит и готовилась разнести нас в пух и прах. А заодно срезать премию.

– Выплатили сполна?

– И даже с благодарностью. И мы уехали с деньгами и чувством глубокого удовлетворения. Это был творческий физический труд!

– А ведь успех дела обеспечил человек, который вообще не работал. Точнее говоря, работал мозгами...

– Но саму работу делали мы!

– Слушай, мы, кажется, ходим по кругу. А время уже позднее. Давай как-нибудь в другой раз.

Мы жили на соседних этажах общежития электроэнергетиков. Это было стандартное пятиэтажное здание коридорного типа. На каждом этаже был общий туалет с умывальни-

ком и небольшая кухня с мойкой и газовыми плитами. В подвальном помещении находился душ и нечто вроде прачечной. Помнится, в то время постоянно возникали проблемы с водоснабжением. Бывало, что внезапно прекращали подачу горячей воды и мыться приходилось холодной. В подвале также было помещение кастелянши, где жильцам дважды в месяц меняли постельное белье и вафельные полотенца с черной размытой печатью. На первом этаже, в вестибюле, был устроен культурный уголок, там стоял телевизор, два десятка дерматиновых стульев на металлических ножках и огромный фикус с темными глянцевыми листьями. Сами жилые комнаты были меблированы шкафами для одежды и пружинными железными кроватями с традиционными ватными матрасами, плоскими перьевыми подушками и казенными байковыми одеялами. Дополняли обстановку прикроватные тумбочки, стол и пара стульев. Меня, привычного к спартанским условиям студенческих общежитий, это вполне устраивало. Тем более что я своего напарника по комнате видел редко. Многие из жильцов только числились проживающими, а фактически имели семьи на стороне.

Окружавший нас в общежитии контингент был пестрым – по возрастному, социальному и национальному составу. В основном это были молодые рабочие, приехавшие в город из сельской местности: электрики, слесари, водители. Проживали также иногородние молодые специалисты и несколько закоренелых холостяков среднего возраста. Но привыч-

ного для мужских общежитий повального пьянства здесь не наблюдалось. На юге это вообще не принято. Конечно, выпивали, но в меру, без эксцессов и лишнего шума. В целом обстановка была спокойной, а общение бесконфликтным. В отличие от меня, он легко находил общий язык с людьми и имел репутацию своего парня у всех обитателей нашего общего дома.

Известно, что в мужских компаниях без мата общения не бывает. Он является естественной реакцией на производственные и бытовые ситуации. Если суппорт никак не хочет встать на положенное ему место, какими словами можно его уговорить? А как охарактеризовать поведение коллеги, который уронил тебе на ногу разводной ключ? Или оценить умственные и физические способности нападающего любимой команды, промазавшего с пяти метров по пустым воротам? В таких случаях соответствующие выражения произвольно рождаются в глубине души и сами собой изливаются наружу. А некоторые превосходные анекдоты вообще теряют свой смысл без конкретной терминологии. Конечно, в те застойные годы грубый мат еще не украшал речь старшеклассниц и поэтесс и не считался признаком духовной свободы интеллектуальной элиты, каким стал в наше просвещенное время. То, что актрисы, как и грузчики, заговорили на полной версии «великого и могучего», а могильщики в «Гамлете» стали выражать философские мысли в доступной современным коллегам форме, либеральная интеллигенция

считает символом духовного раскрепощения. Но в те наивные времена матерщина воспринималась как признак распушенности и низкой культуры. Площадной лексикон, вошедший в моду в начале нового века в театральной и художественной среде, был прерогативой малообразованной части населения. Конечно, матерились не только в цехах и на фермах. Грязный мат был обычной формой общения партийных и советских руководителей всех уровней и звучал даже в самых высоких кабинетах, что можно считать признаком ментальной близости партии и народа. Мы тоже не были белыми воронами в неоднородной среде нашего общежития и общались с окружающими в соответствующем стиле. Однако в его исполнении это был отнюдь не тот примитивный жаргон алкашей, который мы порою слышим на улице и который вызывает у нас досаду, как будто нас испачкали. Он обогащал общеизвестный лексикон весьма необычными словообразованиями. В результате соединения ненормативной лексики с научными и литературными терминами, а также префиксами латинского происхождения вроде «поли», «моно», «мега», «супер», «гипер», «макси», «псевдо» и так далее, рождались очень нетривиальные выражения. С этим изысканным матом он имел успех в любых мужских компаниях.

Нет, он не был белой вороной. Он был золотой вороной.

Невзирая на идеологическое давление и скудость быта, те далекие годы вспоминаются мне в светлых тонах. Я знаю, что

на этот счет существуют прямо противоположные мнения. Многие считают это десятилетие, последовавшее за пражской весной, временем подавления любого свободомыслия и окончательной заморозки хрущевской «оттепели». И все же, прожив сознательную жизнь во второй половине двадцатого века, полагаю, что именно семидесятые годы были лучшими в истории того государственного образования, которое называлось Союз Советских Социалистических Республик. Это десятилетие, часто называемое периодом застоя, стало высшей фазой экономики социализма, вершиной воплощения социалистической идеи. В предыдущие, послевоенные годы страна восстанавливалась после разрухи, бедствовала, мучительно строилась. В пятидесятые, после смерти тирана и двадцатого съезда КПСС, словно очнулась от страшного сна, провела молодежный фестиваль, запустила в космос спутник, но жила по-прежнему очень бедно. Потом, в шестидесятые, разворачивала огромные стройки, поднимала промышленность, энергетику, напрягала силы, стараясь выйти на передовые позиции в науке, технике, экономике, культуре, спорте. Мощный импульс развитию СССР придала космическая экспансия – полет Гагарина и неистовая воля великого Королева. Это были годы промышленного подъема, энтузиазма, идеологической оттепели, раскрывшихся общественных перспектив. Но людям все так же не хватало самых обычных товаров и продуктов, а в начале шестидесятых возникали даже перебои с хлебом. Я сам стоял в многоча-

совых очередях у нашего продуктового магазина, на страшном солнцепеке, и помню, как одна женщина упала в обморок от теплового удара. Правительству пришлось срочно закупать зерно за границей, и это надолго вошло в практику советской экономики. И все же положительная динамика начала шестидесятых, волюнтаристски-наивно экстраполированная в будущее, дала малограмотному Хрущеву основания заявить о планах построения коммунизма. Конечно, даже в те годы трезвомыслящие люди не верили в эту утопию. И все же в стране строились заводы, фабрики, электростанции, автомобильные и железные дороги, развивались космонавтика и оборонка, воздушный, железнодорожный и морской транспорт, внедрялась вычислительная техника и многое другое. Советский Союз имел все, что требовалось для самостоятельного существования и развития. Однако население, как и в прежние годы, жило плохо, а все ресурсы направлялись на развитие индустрии и оборону. И только в семидесятые годы появились возможности для более-менее сносной жизни. Это относительное благополучие обычно связывают с ростом цен на нефть и поступлением валютной выручки от ее экспорта. Так или иначе, жить действительно стало лучше и веселее, а завершающим аккордом семидесятых стала Олимпиада 1980 года. К сожалению, в дальнейшем из-за афганской авантюры и агрессивной внешней политики, от которой не хотело отказываться косное партийное руководство, СССР оказался втянут в изнурительную гонку вооружений.

Военно-промышленный комплекс требовал все больше ресурсов. Большая часть общественного продукта тратилась на затратные оборонные проекты и устаревающую военную технику, производимую в избыточных количествах. В восьмидесятые годы международная обстановка и экономическая конъюнктура резко ухудшились, наступил окончательный застой, и СССР во главе со своими бездарными, престарелыми лидерами и ортодоксальной идеологией зашел в общественно-политический тупик. В итоге политическая и экономическая система социализма рухнула, и Советский Союз развалился. Причин было много, включая субъективные. Беда в том, что в отличие от Китая, которым в те годы управлял мудрец Дэн Сяопин, нашу страну возглавил недалекий политик Горбачев. И все же главной была объективная: административно-командная экономика проиграла свободной, рыночной. СССР всегда уступал Западу в производительности труда, а именно общественная производительность труда является, по Марксу, признаком более прогрессивного общественного строя. Все остальное, включая безработицу и линчевание негров, вторично. Я не считаю социалистическую идею ошибочной, но тот уродливый партийно-бюрократический социализм с его распределительной системой и принудительным трудом был исторически обречен. Он был тормозом общественного развития, потому что подавлял личность, любую инициативу, не позволял в полной мере реализовать трудовой и интеллектуальный потенциал

населения. Усилия советских людей не давали реальных результатов для улучшения личной жизни, поэтому граждане великой страны без особого сожаления расстались со светлым прошлым и его опостылевшими атрибутами – вечным дефицитом, очередями, скудным бытом, оскотиненной культурой, идеологическими заклинаниями и сказками о светлом будущем. А «красные» директора и ушлые жулики с радостью воспользовались возможностью «прихватизировать» некогда общенародную собственность. Но мало кто предполагал, что вместе с грязной водой партийно-бюрократической системы перестройка выплеснет и общественные блага социализма. Качественное бесплатное среднее и высшее образование, доступная медицина, финансирование науки и культуры были безусловными ценностями социализма. Но в те годы это, как все хорошее, казалось естественным, поэтому не ценилось. Да, мы однозначно проигрывали Западу в уровне жизни, в количестве и качестве предметов потребления и продуктов питания, но прав был и лирический герой Визбора насчет того, что мы делаем ракеты и перекрыли Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей. Страна действительно имела высокие цели и была устремлена в будущее, ставила перед собой большие задачи и добивалась их исполнения. Советский Союз был конкурентоспособен на мировой арене, а надежность и стабильность советского государства в чем-то была даже уютной. Даже морщась от фальши официальной пропаганды, мы чувствовали себя

гражданами великой страны и гордились ее успехами.

Но тогда, в середине семидесятых, никто и мысли не допускал, что социализму осталось каких-то полтора десятка лет. Система казалась незыблемой и вечной. Как раз в том юбилейном году в газетах, на радио и телевидении бесконечно пережевывали новую редакцию Конституции СССР. В ней была официально утверждена руководящая роль КПСС во всех сферах жизни страны Советов, то есть идеологические гвозди были окончательно вбиты в гроб общественной жизни. Тошнотворный привкус официозной фальши был привычен с детских лет, ее терпели, потому что родились и жили в этой среде. Любая информация из-за границ СССР тщательно фильтровалась, и население страны было надежно изолировано от так называемого «тлетворного» влияния Запада. В газетах писали о том, как страдают трудящиеся под гнетом капитала, о массовых демонстрациях протеста и расовой дискриминации, о гонке вооружений и колониальной политике империализма. А вот о достижениях западной цивилизации говорилось сквозь зубы, когда умолчать было совсем невозможно, как, например, о полете американцев на Луну или о совместном проекте «Союз-Аполлон». Это же касалось и событий в зарубежной культуре, музыке, спорте. И все же лучшее из мейнстрима мировой культуры прорывалось и к нам. Молодежь находила любые возможности услышать новинки западной музыки. В это время продолжались сольные карьеры распавшихся «Beatles»,

блистали гитаристы Эрик Клэптон, Сантана, создавали свои лучшие хиты «Rolling Stones», «Deep Purple», «Pink Floyd», «Led Zeppelin», «Queen», «Slade», «Uriah Heep», «Smokie» и другие рок-группы, всех и не перечислишь. Это были лучшие годы творчества «АВВА», Джо Дассена, Мирей Матье, Демиса Руссоса, Челентано, Кутуньо, других итальянцев и французов, начало расцвета «Boney M». В это же время вспыхнул яростный и прекрасный «Jesus Christ Superstar» Уэббера. Семидесятые дали мировой культуре беспрецедентное разнообразие музыкальных направлений и стилей. А какие великие мелодии родились в эти славные годы! Волшебную музыку Лея, Рота, Леграна, Морриконе, Кутуньо играли оркестры Мориа, Ласта, Каравелли, виртуоз гитары Франсис Гойя. Много ярких явлений было в советской эстраде. Блистали Магомаев, Ободзинский, на пик популярности выходила Алла Пугачева. Это был период расцвета вокально-инструментальных ансамблей, а лидером рок-андеграунда была «Машина времени». Семидесятые были звездными годами Высоцкого и Окуджавы. В это же время творили корифеи авторской песни Визбор, Городницкий, Кукин и другие барды, а популярность клубов самодеятельной песни (КСП) достигла апогея. Появлялись новые интересные радио- и телепередачи, выходили прекрасные фильмы, ставшие золотым фондом нашего кино, радовали оригинальными постановками московские и ленинградские театры. Невероятной популярностью пользовалась Таганка – своими но-

ваторскими спектаклями, а Ленком – знаменитыми рок-операми. Незабываемы спортивные события тех лет: Олимпиады, чемпионаты мира и Европы по футболу и хоккею, драматичные шахматные поединки за звание чемпиона мира, исторические встречи наших хоккеистов с канадскими профессионалами. И этот незабываемый первый матч, в сентябре семьдесят второго, в котором столкнулись не только хоккейные школы, но и противоположные идеологические системы. Это была великая игра, и ее с разгромным счетом выиграли наши парни, осчастливив весь Советский Союз. В те годы советская сборная была лидером любительского хоккея, в ней играли великий Харламов, Третьяк и знаменитая армейская тройка нападения. Множество ярких звезд блистало в мировом и советском футболе. Еще выходил на поле легендарный Пеле и наш Стрельцов, но уже взорвали футбольный мир летучие голландцы во главе с Круиффом, мощно работала немецкая футбольная машина с супербомбардиром Гердом Мюллером, вспыхивали звездными именами итальянцы и французы. А трагическая фигура гениального Бобби Фишера! А семикратный чемпион по плаванию Марк Спитц, а неземная Ольга Корбут, а великий Мохаммед Али! А еще были те исторические три баскетбольные секунды на Олимпиаде в Мюнхене, которые впервые принесли нам победу над непобедимыми американцами. Какие события, какие имена, какие кумиры! Да, славные были годы. А еще это были годы нашей молодости.

Известно, что молодой организм сам по себе рождает оптимизм. Это происходит на уровне физиологии, поэтому в молодости хорошее настроение возникает беспричинно. Так же как в старости беспричинным кажется плохое настроение. Молодость оптимистична в самые трудные, жуткие времена. Известна история о том, как во время экскурсии в Освенциме экскурсовод заметил на лице одного из экскурсантов улыбку. И на его возмущенный вопрос, что смешного тот находит в рассказе о мучениях и смерти тысяч ни в чем не повинных людей, мужчина ответил, что узнает знакомые места, потому что сам был заключенным этого лагеря и чудом выжил. Но это были годы его молодости, их он и вспоминает. И еще всплывает из глубин памяти фрагмент какого-то французского фильма – о любви женщины средних лет и молодого человека, юноши. Они были страстными любовниками, но людьми разных поколений. Она работала, а он бездельничал. Они просыпались в общей постели и расходились в разных направлениях: она – на работу, а он – по своим, неизвестным ей делам. И не делам даже, а развлечениям, встречам с такими же беззаботными друзьями и подругами. Она ревновала его к этой веселой компании и однажды спросила, что он делал сегодня. Он ответил, что ездил с друзьями за город. «И что вы там делаете?» – спросила она. «Смеемся», – ответил он.

Именно такими беспечными шалопаями были и мы. Мы

находились в том прекрасном возрасте, когда кажется, что все в руках, все тебе по плечу, а впереди большая жизнь с кучей возможностей. Бурные студенческие годы и учебные нагрузки позади, а семейные тяготы еще не навалились, не опутали бытовыми заботами, и можно заниматься, чем хочется. Без сожаления тратить время на увлечения, на случайные влюбленности, на бескорыстную дружбу и ни к чему не обязывающее общение. Так мы и жили, безоглядно догуливая годы уходящей молодости, резвились, как необъезженные жеребцы, тогда как многие сверстники уже везли, напрягаясь, телеги семейной жизни. И предчувствие этого неизбежного многолетнего жизненного труда делало нашу вольную жизнь еще более сладостной.

Задумывались ли мы о своем будущем? Я – нет. Представлял себе его весьма смутно. К тому моменту я уже не имел ни карьерных, ни научных амбиций, не строил никаких особенных планов. Ну, будет работа, будет семья, будет обычная жизнь советского инженера. Чего я мог достичь? Это можно было оценить по старшему поколению окружавших меня сотрудников. Начальник нашего отдела, сорокалетний, лысоватый мужчина, казавшийся мне совсем пожилым человеком, со своими семейными заботами, мелкими бытовыми интересами, копивший деньги на «Москвич», чтобы ездить на свою дачку, которую он достраивал уже много лет, был фактически образцом моего будущего. И это все? И больше ничего не будет в моей единственной и неповторимой жиз-

ни? Нет! Об этом и думать не хотелось. А что еще? Успешным человеком считался руководитель всей нашей службы АСУ, управлявший большим коллективом и вычислительным центром энергосистемы, пятидесятилетний вальяжный красавец с гордой посадкой головы, гривой седеющих волос, любимец женщин и руководства главка. Завидовал ли я его профессиональной и личностной успешности? Нисколько! Скорее, он сам, как многие обремененные семейными и карьерными заботами люди, завидовал моей молодости и свободе. Ну, так зачем мне сейчас заморачиваться этим банальным и скучным будущим? Оно придет само собой, своим чередом. А молодость быстротечна: «Коротки наши лета молодые, миг – и развеются, как на кострах». Так будем же веселы, пока мы молоды!

Чем меньше человек знает, тем меньше понимает размеры своей ограниченности. Именно это позволяет нам жить безмятежно. Ибо блаженны нищие умом. И только достигнув определенного уровня, можно, не без щегольства, сказать: «Я знаю, что ничего не знаю». Но, вообще-то говоря, это тема неприятная. Даже думать об этом не хочется. Однако приходится. Хотя бы по долгу службы. Работая в энергетической отрасли, я имел довольно смутное представление о главном предмете этой деятельности. Считал это для себя простительным, поскольку образование имел непрофильное. Однако спросить об этом коллег-специалистов мне каза-

лось совершенно неприличным. Да и в текущей работе этот вопрос во всей своей первородности не возникал. Но неожиданно проявился в быту. Когда знакомая узнала, что я работаю в энергетике, она задала давно удивлявший ее вопрос: почему электроэнергия течет по проводам, как ее учили в школе, но не вытекает из розетки? Пришлось кое-как объяснить, без излишних подробностей. Впрочем, я заметил, что мои более опытные коллеги тоже не углубляются в эту тему. И даже стал подозревать, что неспроста.

И все же заноза в памяти сидела. Ведь энергия буквально пронизывает нашу жизнь, движет ее, без энергии жизнь вообще невозможна. Она везде, во всем: в электрической лампочке, в двигателе автомобиля, в чашке кофе, в звездном небе и в недрах земли, в наших мышцах и в наших мозгах, в морском прибое и в туристских кострах. Кинетическая, потенциальная, тепловая, электромагнитная, химическая, ядерная. Какая еще? Я чувствовал, что этот зверинец нужно как-то классифицировать, но руки (точнее говоря, мозги) до этого не доходили. И вот под боком появился живой справочник по всем вопросам. Правда, тема эта всплыла случайно.

В ту пятницу я зашел к нему после работы, чтобы обсудить планы на выходные. Он с задумчивым видом лежал на кровати, держа в руке полураскрытую книгу. На магнитофоне крутилась катушка с его любимой гитарной музыкой. Звучала тема из кинофильма «История любви» в исполнении

Франсиса Гойя.

**О тычинках и пестиках,
макаронах по-флотски,
фотосинтезе, источнике
жизни, пульсациях сознания,
пирамиде материи, роботизации
планеты и начале всех начал**

– О чем задумался, детина?

– Не поверишь! О тычинках и пестиках.

– К свиданию готовишься? Теорию повторяешь?

– Да нет, серьезно: о жизни растений.

– Ты что – ботаник?

– Вообще-то я мыслитель-вольнодум. И мне интересны все аспекты бытия. Вот скажи, ты не задумывался о сущности энергии?

– Да я только об этом и думаю! И в школе, и дома.

– Ладно, упростим задачу: откуда человек берет энергию?

– Из розетки.

– Bravo! Ответ профессионала. Но я имею в виду другое – собственную энергию. Чтобы работать, двигаться, в общем – жить.

– Как откуда? Жратва перерабатывается, и появляется

энергия, жизненные силы. Не полопаешь – не потопашь. И наоборот.

– Ну, допустим, съел ты на обед макароны по-флотски. Откуда в них энергия?

– Наверное, из муки, из пшеницы. Из мяса, если оно там было.

– А в зернах пшеницы она откуда?

– Ну, пшеница выросла, зерно созрело...

– А отчего оно созрело?

– Из земли питалось. Чем плодороднее земля, тем лучше урожай. Ну, солнце тоже нужно, и вода. Что-то такое припоминаю про фотосинтез и хлорофилл. Или хлороформ?

– Ну, ты дремучий человек! Записывай, студент. С помощью фотосинтеза растения превращают солнечную энергию в энергию химических связей. А делают они это для того, чтобы создавать нужные им молекулы. Из которых, как из стройматериалов, строят сами себя – листья, ветки, стволы, корни. Фактически накопление растениями энергии – это побочный продукт их саморазвития. И кислород тоже отход производства, результат извлечения углерода из углекислого газа. Кстати, ты не задумывался, куда деваются охапки дров, которые вы сжигаете в ваших туристических походах?

– «Миг – и развеются, как на кострах»!

– Вот именно. У костра вас греет энергия, высвобождаемая при высокотемпературном окислении молекул древесины. А ее основная масса улетает в атмосферу, в виде азо-

та и углекислого газа. Остается лишь кучка невесомого пепла. Видишь, как мало минералов нужно растениям? А все остальное из воздуха, с помощью фотосинтеза. Это еще дедушка Тимирязев доказал. Почему в лесу у деревьев высокие стволы? Потому что они изо всех сил тянутся за светом...

– А можно помедленнее, профессор? Я записываю.

– Потому что солнечная энергия – источник жизни. Кто остается в тени, тот погибает. То же самое и в сельском хозяйстве. К сожалению, в нашей «солнечной» стране никогда не будет таких урожаев, как в южных широтах. Независимо от качества почвы. Хоть шоколадом ее удобряй, как это делал «народный академик» Лысенко.

– Обидно. А я так надеялся, так верил товарищу Хрущеву...

– Извини, что огорчил. Как ты думаешь, отчего в среднерусских деревнях повальное пьянство, а на Кубани, среди казачества, его нет?

От коллективизации? Нет, дело не только в победе колхозного строя на селе. Русский мужик пьет по объективной причине...

– Конечно! Потому что любит это дело.

– Любить и спиваться не одно и то же. Вспомни Кавказ. А спивается он из-за климатических условий. На юге природа благодарная – палку в землю воткни, и она расцветет. Конечно, там своя беда – засухи. Но если вода рядом, урожай спасешь. А в северных областях от тебя мало чего зависит

– тучи не разведешь руками. Бывает такое лето, что земля вообще не просыхает. Даже картошка в грязи тонет. И сено гниет, высохнуть не успевает. С чем крестьянину в зиму заходить? Поэтому здесь народ и спивается – от отчаяния, от бессилия перед природой. Из-за неустойчивого земледелия.

– Климатический алкоголизм? Подводишь научную базу под бытовое пьянство? А почему в других северных странах его нет?

– А ты уверен, что нет? Ладно, не будем о грустном. Короче говоря, растения аккумулируют солнечную энергию в биомолекулах, которые создают для собственных нужд. А травоядные животные их поедают и разлагают с помощью кислорода. Энергию используют для жизнедеятельности, а из фрагментов строят молекулы собственных организмов. А мы питаемся и теми, и другими. То есть развиваемся, двигаемся и мыслим за счет той же солнечной энергии...

– Ура! Cogito ergo sum. Я мыслю, следовательно, существую.

– Чтобы существовать, уметь мыслить не обязательно. Достаточно уметь переваривать пищу. А в целом действительно получается пищевая цепочка. И круговорот кислорода и углерода в природе.

– Вот это меня всегда удивляло. Почему без еды и воды человек может жить какое-то время, а без кислорода умирает за минуты?

– Потому что для питания мозга и сердца кислород ну-

жен каждую секунду, а хранить его в живом организме негде. Ведь это окислитель, разрушитель любого биоматериала. Даже при острой необходимости, за миллионы лет жизни в воде, задерживать дыхание надолго никто не научился. И хуже всего ситуация с мозгом. Сердце можно запустить даже после длительной остановки. И даже после пересадки. А мозг оживить не удастся. Умирает мозг – умирает человек. Точнее говоря, память и сознание человека...

– Надо же! Полная аналогия с ЭВМ. В оперативной памяти информация хранится только во время работы программы. А после выключения электропитания исчезает. Поэтому результаты нужно распечатать или записать на магнитные носители. Иначе пропадут.

– Да, похоже. Только в нашем мозгу эта программа крутится непрерывно, всю жизнь, от рождения до самой смерти. Даже когда человек спит или в бессознательном состоянии. Эти бесплотные импульсы в нейронах мозга, эта постоянно работающая биопрограмма и есть человеческая личность, наша неповторимая индивидуальность. И творчество, и гениальные идеи, и великие замыслы...

– Какая эфемерность! А я считал, что память записана где-то в клетках мозга, в каких-то молекулах, вроде ДНК.

– Если бы это было так, то после смерти можно было бы запустить сердце и, прочитав эти воспоминания, восстановить личность. То есть оживить человека. Но это невозможно. Возникает «зомби» – бессмысленное существо, живой

мертвец...

– Жуть! Не пугай меня, на ночь глядя.

– А поддерживать сознание можно только непрерывной энергетической подпиткой из питательных веществ, с помощью кислорода. Любой из этих процессов может отказать. Поэтому для спасения хранящейся в человеческом мозгу оперативной, как ты говоришь, информации ее и переносят на внешние носители. На бумагу, глиняные таблички, папирус. И тогда людям хоть что-то остается от гениальности Шекспира, Чайковского, Эйнштейна...

– А почему нельзя получать энергию напрямую, от солнца? Я слышал, что некоторые тли обладают способностью к фотосинтезу.

– Вообще-то говоря, принципиальных препятствий нет. Мало того, в таком организме можно было бы устроить замкнутый цикл использования газов и минералов. В каждом покрове с помощью хлорофилла связывать солнечную энергию в биомолекулах, а их направлять, вместе с выделившимся кислородом, прямо в органы. Там из них будет извлекаться энергия, а освободившийся углекислый газ, азот и прочие вещества будут вновь возвращаться в кожу для фотосинтеза. И получится полностью замкнутый цикл жизнеобеспечения. Причем без отходов. И на унитазах можно будет сэкономить.

– Почему же природа не создала такого гомункулуса?

– Я думаю, из-за малых объемов энергии на единицу площади тела при фотосинтезе. Не хватит для жизнедеятельно-

сти.

– А ты не слышал про солнцеедов?

– Это жулики! Человеческий организм не способен превращать лучистую энергию в химическую.

– А йоги, которые могут месяцами обходиться без еды?

– А эти тренированные ребята наловчились переводить организм в состояние спячки. Медведи тоже всю зиму не едят. А сами топливные элементы в виде продуктов питания – очень неплохое изобретение природы. Они компактны и энергоемки. Пару раз в сутки заправился, и достаточно. Ну что, записал лекцию по биологии? Заполнил я пробелы в твоём весьма среднем образовании?

– Зато нас учили, что такое жизнь!

– Тоже мне, содержательное определение! То, что это не жизнь, а способ жалкого существования, мы знаем и без Энгельса. А ты не задумывался, чем вообще живая природа отличается от неживой?

– Тем, что она живая.

– Молодец! Правильный ответ. Тем, что в живых организмах происходят процессы, инициированные ими самими. Биологическая жизнь – это активная форма материи, симбиоз ее вещественной и энергетической формы. И это величайшее чудо природы!

– Что именно?

– Да сам факт жизни! Только представь. Миллиарды лет валялись какие-то камни, силикаты, растворы, минералы

всякие. И вот, в один прекрасный момент эти мертвые химические элементы – углерод, азот, кальций и прочие – сами собой организовались в устойчивые молекулярные структуры. Которые ни с того ни с сего стали жить и размножаться. Используя для этого энергию и вещества окружающей среды. Мертвая материя начала жить!

– А почему сами собой?

– В семинарии учился, что ли?

– А если инопланетяне засеяли?

– В любом случае это где-то произошло впервые. И вот эта ожившая материя непрерывно развивается, адаптируется к внешней среде, трансформируется в различные виды растений и животных. То есть создает из самой себя новую реальность, никому до этого неизвестную. И неизвестно, что с ней будет дальше, во что она воплотится. Ведь это что-то невероятное, если вдуматься!

– Очевидное невероятное.

– Тебя ничем не проймешь. Но у живой материи есть еще одно уникальное свойство. Она влияет на окружающую среду – на почву, климат, температуру, состав атмосферы. То есть меняет сам облик планеты. До возникновения жизни Земля была бедной и скудной. Но за миллиарды лет живая природа преобразила ее, накопила запасы органики, массивы плодородной почвы. Фактически жизнь создала благоприятные условия для самой себя. И продолжает их улучшать.

– А я слышал о законе убывающего плодородия почвы...

– Это чушь. На самом деле плодородие почв на Земле постоянно возрастает. За счет непрерывного фотосинтеза и соответствующего притока биомассы. Мало того, ее хватает не только для оборота в живой природе, но и для накопления в виде углеводов.

– Тогда поздравляю с открытием закона возрастающего плодородия почвы! Когда обмоем Нобелевскую премию?

– В области сельскохозяйственных наук? Нет такой.

– Жаль. Тогда еще один вопрос, на засыпку. Если твой закон действует, значит, масса Земли должна возрастать. Ведь энергия тоже материальна, как нас учил дедушка Эйнштейн. И если количество связанной фотосинтезом солнечной энергии за год умножить на миллиарды лет, а потом разделить на цэ квадрат...

– То получится диссертация. Сам допер? Молодец! Ладно, продолжим лекцию. Итак, растения связывают солнечную энергию, а животные ее потребляют. Растения зародились намного раньше и могут жить самостоятельно, а вот животные без растений – нет. Фактически животные паразитируют на растениях. А хищники паразитируют на травоядных. А человек, как всеядное животное, паразитирует и на растениях, и на животных.

– Выходит, и мы с тобой паразиты, Василий Иванович?

– Это и есть первородный грех человечества, Петька. Он лежит и на верующих, и на атеистах, и даже на вегетари-

анцах. А завершают пищевую цепочку настоящие паразиты: комары, клопы, блохи...

– Так заедают же бойцов, Василий Иванович! Сосут, гниды, рабоче-крестьянскую кровь. Подрывают боевой дух конармейцев. А во втором эскадроне их надесь шашками рубали, по пьяному делу...

– Терпи, Петька! Самые главные паразиты – помещики и буржуи. Вот передадим этих кровососов, тогда и за клопов возьмемся.

– В мировом масштабе?

– В мировом не получится, Петька. Защитники природы не дадут. Гринписовцы зловердные, экологи зеленые...

– Да мы их всех порубаем в капусту! И белых, и зеленых.

– Не горячись, Петька. Сказать по правде, на вершине пирамиды жизни стоят не клопы, и даже не капиталисты, а микробы и вирусы. Но эту мелкую сволочь кавалерийской атакой не возьмешь...

– А вот интересно, Василий Иванович, у клопов в организме есть вирусы? Блохи, к примеру, болеют гриппом?

– Не знаю, Петька. Мединститутов не кончал. Ладно, давай подобьем бабки. С глобальной точки зрения все сущее во Вселенной можно представить в виде пирамиды, в основе которой – неживая материя, в середине – живая, а на вершине – мыслящая. И если неживая лишь изменяется под влиянием внешних факторов, то живая преобразует окружающую среду, создавая для самой себя благоприятные условия.

А человек даже делает это осмысленно.

– Ты в этом уверен? Оглянись вокруг – разве этот мир разумен?

– Приходится это признать, Петька. Человек как мыслящее и созидающее животное – это высшая форма существования материи. Из того, что нам известно. Невзирая на все его недостатки.

– Странно слышать это от циника и мизантропа.

– Да, этот вывод дался мне нелегко. В результате мучительных раздумий. «Ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Утешает только подозрение, что человечество – все-таки не окончательная форма развития материи. Должно быть что-то попримичнее.

– Искусственный разум, что ли?

– Дело в том, что наша цивилизация очень уязвима. Она может легко погибнуть – от какого-то катаклизма или по своей вине. Ведь биологическая жизнь, по сути, всего лишь тонкая пленка на поверхности Земли. Плесень, с космической точки зрения. Мы существуем в уникальных природных условиях – под защитой атмосферы и магнитного поля, в узком температурном диапазоне, с постоянным притоком энергии. Их сочетание можно считать чудом. Достаточно небольшого, по космическим меркам, изменения, и конец всему...

– Вот-вот! Я тоже об этом всех предупреждаю.

– Всех не обязательно. Достаточно припугнуть подруг.

– Ты готов опошлить любую тему. А вопрос-то серьезный...

– О чем речь! Хорошо, хоть мы с тобой этим озаботились. Да, нужно срочно создавать замену человечеству на базе искусственного интеллекта. Чтобы эта высокоразвитая цивилизация возглавила ту самую вселенскую пирамиду материи. Неживая материя породила живую, а теперь живая должна вернуть ей эстафету развития, но на более высоком уровне. Подтвердив диалектику Гегеля о развитии по спирали и отрицании отрицания. Но для этого придется вдохнуть в искусственную жизнь витальную силу. Повторить то, что сумела природа: научить находить питание, защищаться, размножаться...

– Но когда этот гомункулус начнет бороться за место под солнцем, нам точно не поздоровится.

– Зато будет мощнейший рывок в развитии. Это будут поистине совершенные существа. Им не будут нужны кислород, вода, пища, одежда, комфортное жилье. Только энергия да кое-какие химические элементы. Они смогут работать под водой, в космосе, в агрессивных средах с высокими температурами и давлением. Они будут функционировать непрерывно и высокоточно, не уставая, не теряя концентрации и ясности ума. Будут контролировать тончайшие процессы на Земле и исследовать глубины космоса. Ими можно будет заселять ближайшие планеты, задав программу освоения. Они сами будут находить там нужные вещества и энергию...

– И сами себя конструировать и собирать. Под нужные цели.

– Да, на месте. Среди них не будет ни инвалидов, ни идиотов – все бракованные изделия будут изыматься прямо на конвейере. В качестве мозга у них будет мощный процессор с емкой памятью. Их сознание будет переноситься на все более совершенные матрицы, а изношенные детали заменяться. А вместо многолетнего обучения – скоротечная закачка информации и программы жизнедеятельности...

– А еще можно заложить и сам инстинкт к обучению.

– Которого, к сожалению, нет у людей. И это будут не только индивидуальные знания, но и результаты аналитической деятельности всех элементов системы. Все роботы будут ежедневно подключаться к единой базе данных и выгружать в нее полученную информацию. А центральный Сверхмощный Электронный Мозг будет ее обрабатывать и передавать каждому роботу нужную ему информацию и программу действий. Этот СЭМ будет содержать все накопленные человечеством знания. Он будет знать о людях все, поэтому ему не составит труда управлять нами. Вся эта система будет непрерывно совершенствоваться. Все в ней будет направлено на общую пользу и всемерное развитие. Такая цивилизация не погрязнет в болоте гедонизма. В ней не будет человеческих пороков: бессмысленных эмоций, тщеславия, корыстолюбия, преступности...

– Ни любви, ни добра, ни зла?

– А зачем? Даже понятия справедливости не будет. Потому что не будет несправедливости. Все будет абсолютно функционально. Представляешь, насколько они будут эффективнее людей?

– Страшное дело! А что станет с нами?

– Мы будем жить рядом с этими высшими существами. Как папуасы уживаются с нынешней цивилизацией. Или, скорее, как шимпанзе. Возможно, мы даже будем им чем-то полезны. Может, они будут как-то использовать творческие способности людей...

– Будем плясать перед ними на задних лапках?

– Не исключено. Причем, как говорил Шукшин, не какой-то там танец маленьких лебедей, а железное болеро! Краковяк вприсядку.

– Ну и перспектива! Просто дух захватывает...

– Зато они будут заботиться о нас. Занесут в «Красную книгу» исчезающих видов, разместят в специальных заповедниках. Там будет комфортный климат, ласковое море с белоснежным пляжем. На опушках зеленых рощ будут построены красивые и уютные бунгало со всеми удобствами. Вокруг них будут расти экзотические деревья с изумительно вкусными плодами, а в их ветвях распевать райские птицы. По тенистым полянам будут бродить трепетные лани, а среди ароматных цветов порхать разноцветные бабочки. С горных отрогов будут ниспадать хрустальные водопады, и журчать чистейшие ручьи, в которых будут плескаться тропиче-

ские рыбки. И мы, молодые, здоровые, красивые, в окружении прекрасных обнаженных девушек и оленей, будем жить там в любви и согласии...

– И люди таки обретут потерянный рай? С помощью роботов?

– А другого способа нет. Сами-то мы на это неспособны.

– И тогда наступит всеобщее благоденствие? И не будет больных, несчастных, стариков? Алкоголиков, диссидентов, маньяков?

– Конечно, не будет. Их будут незаметно изымать из счастливого сообщества и утилизировать в специально отведенных местах. Так же, как они поступают с бракованными роботами. То есть будут относиться к людям, как и к самим себе. Никакой дискриминации.

– Вот за это большое человеческое спасибо!

– Пожалуйста. Всегда к вашим услугам.

– Для этого все человечество должно дружно сойти с ума.

– Необязательно. Способов много. Природа ищет самую совершенную форму материи и всегда найдет способ ее реализовать.

– То есть роботы взбунтуются и захватят власть на Земле?

– Ну, зачем так негуманно? Люди сами ее отдадут. И для этого не потребуется всеобщее помешательство. Хватит и решения Всемирного правительства. Когда людям дадут бесплатные блага и избавят от неприятной работы, им это очень понравится. При этом Всемирное правительство будет

строго следить за соблюдением свободы и демократии. Будет учитывать пожелания населения и согласовывать их с Электронным Мозгом. А он их будет исполнять. В неограниченных, но разумных пределах. А когда система будет отработана и люди займут положенное им место, потребность в правительстве отпадет и СЭМ его ликвидирует, за ненадобностью.

– Ну и триллер!

– Да, можно раскрутить неплохой сюжет. А начнется он с того, что один из молодых членов правительства случайно останется в живых. Как? Да как обычно! Поедет на день рождения к коллеге, на загородную дачу. А там поссорится со своей девушкой на почве ревности и, обидевшись на весь мир, напьется и уйдет прогуляться в лес. А возвращаясь, увидит из-за кустов, как к дому приятеля подъедет мобильная группа роботов-ликвидаторов, которая быстро проведет соответствующую операцию и подожжет дом...

– Вместе с его неверной подругой?

– И вместе со всеми гостями. И домашними животными.

– И никого не пожалеют?

– Так они же электронные, на микросхемах. О какой жалости может идти речь? Если она не заложена в алгоритм.

– Понятно. А его не найдут?

– Нет, посветят прожекторами и уедут. У них же не было задания искать в зарослях. Но утром вернутся с новой программой и пойдут цепью, прочесывая лес. Наш герой пыта-

ется бежать, выбивается из сил, пробираясь сквозь буреломы, но лай электронных собак слышится все ближе. И тогда он в отчаянии направляется к болоту и, опираясь на обломок ветки, пробирается через трясины. И здесь – о, чудо! тяжелые, самоходные роботы застревают в грязи и тонут в торфяной пучине, вместе со своими киберовчарками.

– Здорово! И это его спасет?

– Черта с два! Электронный Мозг немедленно конструирует и налаживает производство специализированных противоболотных роботов. Но беглец уже понял, что спастись можно только благодаря нелогичным, абсурдным действиям. Которые недоступны запрограммированному мышлению киберсуществ...

– А разве они не способны к самообучению?

– Конечно, способны. Но человек находит все новые нетривиальные решения, а они используют только ранее полученный опыт. Поэтому наш герой выбирается из болота и устремляется в горы. Цепляясь за неровности скал, он пробирается по узкой тропинке над ущельем, а неповоротливые роботы скользят своими металлическими лапами по камням и один за другим срываются в пропасть...

– Ура! Наша взяла!

– Рано радуешься. Злобный СЭМ и не думает сдаваться. Он тут же изобретает и посылает в погоню роботов-альпинистов с вакуумными присосками и мощными когтями, и они снова начинают догонять беглеца. И ему не остается другого

выхода, как броситься в горную реку. Роботы пытаются его схватить, но вода попадает в их электронные схемы, которые начинают искрить и взрываться. А сами железные чудища беспомощно барахтаются в бурном потоке, завывая и мигая всеми своими разноцветными лампочками...

– Это красиво! Но теперь-то наши победили?

– Беда в том, что человек сталкивается с нечеловеческим мышлением, которое неподвластно сомнениям. Страшнее всего именно бесстрастная неумолимость, с которой действует безликая сила.

– Значит, человек обречен?

– Э, нет! Он продолжает бороться. Беглец осознает, что ему нельзя повторяться, но вариантов спасения остается все меньше. И все же, после долгих приключений, ему удастся скрыться в глухих джунглях. И там он случайно натывается на заброшенную военную базу, на которой находит кучу прекрасно сохранившегося оружия и боеприпасов, ракет, вездеходов «Hummer», танков «Abrams»...

– А чего это оно там сохранилось?

– А люди оставили его за ненадобностью. Забыли об оружии напрочь. После того как СЭМ устроил им всеобщий парадиз и на планете наступила эра милосердия. И тогда наш герой принимает решение бросить вызов электронному Голиафу. Но в отличие от Давида он понимает, что один в поле не воин. Он тайком пробирается к берегу океана, где устроена резервация для землян. Там он незаметно вливается в

контингент отдыхающих и начинает среди них тайную агитацию. Мало кто готов отказаться от райской жизни в Эдеме и вступить в ряды сопротивления, но неожиданно его поддерживает прекрасная блондинка с голливудскими формами...

– И здесь можно будет показать развратную жизнь погрязших в удовольствиях конформистов среди обнаженных девушек и оленей.

– Но тогда фильм будет иметь возрастные ограничения.

– А это только усилит интерес публики. А что было дальше?

– Для этого нужно смотреть весь фильм. Будут там и тайные встречи заговорщиков, и любовная история, и ревность, и предательство. И мужество восставших землян, которые ведут партизанскую войну с бездушными киберубийцами. Уничтожают личный состав и боевую технику противника, пускают под откос поезд с микросхемами, продовольствием и горюче-смазочными материалами. И тогда взбешенный военными неудачами СЭМ изгоняет людей из Эдема. Но народное восстание уже не остановить...

– И это хэппи-энд? Люди вернулись из рая на грешную землю?

– Не совсем. Труднее всего было справиться с самим Электронным Мозгом. И только самопожертвование человека, оказавшееся недоступным его пониманию, принесло победу человечеству. В финале отважный герой направляет гигантский Б-52 с полным запасом бомб в логово кибернетиче-

ского монстра. И вот на экране чудовищный взрыв с разлетающимися микросхемами и обломками самолета. И застывшие в судорогах фигуры роботов, потерявших управление. И падающий к ногам его возлюбленной обгоревший медальон с ее портретом, который герой носил у самого сердца. И отсветы взрыва в ее наполненных слезами голубых глазах...

– Я сейчас всплакну. Дай-ка чистый платочек...

– Свой надо иметь. А не побираться тут.

– Что-то нас далеко занесло. О чем вообще был разговор?

– О тычинках и пестиках.

– Ладно. А откуда берется прочая энергия? Тоже от Солнца?

– Конечно. Каменный уголь, газ, нефть – те же биологические отходы, только очень давнего происхождения. И в них та же самая солнечная энергия, накопившаяся за миллиарды лет.

– А я слышал, что бензолные соединения зародились когда-то давно, сами собой...

– Самосоздались из окружающих элементов? Каким образом? И почему не везде? Их безуспешно ищут в космосе, но именно как признак биологической жизни. На самом деле процесс накопления органики на Земле идет постоянно. Если положить рядом кусок бурого угля и брикет торфа из недавних отложений, их не отличишь ни по виду, ни по составу. А на дне морей и океанов непрерывно собираются сероводородные массивы, будущие нефтяные поля...

– И их можно добывать?

– Может, и придется. А из сахарного тростника уже сейчас делают биотопливо – гонят спирт и добавляют в бензин.

– Заливать спирт в бензобак – это кощунство! Явный признак деградации общества и упадка цивилизации.

– А что делать? Энергетический голод не тетка.

– Ну ладно. С органикой ясно, а откуда химическая энергия в неорганических молекулах? Вы карбид в лужи бросали? Или, к примеру, если кислоты в чернильницу влить?

– Должно быть, из тех же источников. Думаю, что во все молекулы энергия закачана извне. При их формировании.

– Ага, попался! Ставлю неуд. Пересдашь в следующий раз.

– Попробую. Только стипендии не лишай.

– Еще вопрос: магнит притягивает опилки, за счет чего?

– За счет того, что его намагнитили. То есть передали энергию.

– Значит, вся энергетика от Солнца? Сомнительно...

– Ты сам знаешь, что электроэнергия в основном производится на тепловых электростанциях, при сжигании газа или угля. Кстати, мне это никогда не нравилось. Громоздкий, грязный, высокочередный процесс. Сначала нужно нагреть воду и превратить ее в пар. Потом направить его на турбину и раскрутить ее. А в генераторе преобразовать ее кинетическую энергию в электрическую. Неужели нельзя придумать что-нибудь поизящнее, чем паровая машина?

– К сожалению, солнечная генерация пока неэффективна.

– Жаль. Но я думаю, что прогресс этому поможет. Когда-нибудь Сахара станет гигантской солнечной электростанцией. Монголы и бедуины сказочно обогатятся, а саудовские шейхи обнищают. И их главным богатством снова станут верблюды...

– Нет, я бы шейхам палец в рот не положил. Хотя бы потому, что Аравийский полуостров тоже пустыня. Но зачем далеко ходить? Чистую энергию производят и сейчас, на гидроэлектростанциях.

– И за счет чего, по-твоему?

– Не смейся! Вода из водохранилища падает с высоты и крутит турбину. Потенциальная энергия превращается в кинетическую.

– А водохранилище откуда взялось?

– Снег растаял. Дождик прошел...

– А дождик откуда?

– Что за детские вопросы! В атмосфере всегда есть пары воды. Похолодало, сконденсировались капли, прошел дождь...

– А пары как туда попадают? Ты круговорот воды в природе изучал? Помнишь про испарение? Солнце нагревает воду и поднимает молекулы воды в воздух, создавая ту самую потенциальную энергию. То есть ГЭС тоже работают на солнечной энергии.

– А ветровые электростанции? Тоже от солнца?

– А отчего, по-твоему, дует ветер?

– А хрен его знает! Я же не Гидрометцентр.

– Воздушные потоки движутся из-за неравномерности нагрева земли и воды. Других источников энергии ветра не существует.

– Выходит, все болезни от нервов, а вся энергия – от Солнца?

– Ну да. Когда ты жарить себе картошку на ужин, ты используешь солнечную энергию очень далеких времен. И твои мышцы, когда делаешь зарядку, и автобус, на котором едешь на работу, и свет вот этой электролампы, и доменные печи, и вчерашняя гроза, и урожайность зернобобовых – все это энергия Солнца. И даже бригантина в флибустьерском дальнем синем море плывет за счет солнечной энергии. Не ожидал? Вот тебе и тычинки с пестиками...

– А волновые, приливные, геотермальные электростанции?

– С волновыми, наверное, сам догадаешься?

– Но геотермальные и приливные точно не от Солнца!

– Здесь придется копать глубже. Выходить на гравитацию. Сама солнечная энергия – это результат термоядерных реакций в недрах Солнца. Их вызывает гравитация, развивая огромное давление и температуру. По этой же причине раскалено ядро Земли.

– А энергия приливов? Она же зависит от вращения Луны, от ее кинетической энергии и массы...

– Луну на орбите удерживает сила тяготения Земли. А

вращается она потому, что ее однажды разогнала гравитация. Все планеты и их спутники движутся по орбитам за счет кинетической энергии, полученной ими при формировании Солнечной системы...

– И этой инерции хватает на миллиарды лет?

– А что ей может помешать? Сопротивление в вакууме ничтожно, потерь энергии практически нет. Ну, что там еще осталось из твоего энергетического зверинца?

– Атомная.

– Тоже порождение гравитации. Радиоактивные вещества, как и все химические элементы, возникли в звездах, на предыдущих этапах эволюции Вселенной. Именно в звездах гравитационные процессы накачивают вещество энергией. Но это отдельная тема.

– Постой, весь этот зоопарк нужно как-то классифицировать. А то мысли расползаются, как тараканы. Дай карандаш и бумагу. Вот, смотри, что получается. Если упорядочить твой бред.

– Нормально. Примерно так оно и есть.

– А может, еще что-нибудь есть, энерготворящее?

– А хрен его знает! Но, думаю, все равно уляжется в эту схему.

– Значит, во всем виновата гравитация?

– А кто же еще? Она, родимая. А гравитация – это фундаментальное свойство материи. А с материи, сам знаешь, какой спрос.

– Да уж. Скорее, она с нас спросит. Выходит, источником всех видов энергии является сама материя?

– А ты сомневался? Может, и в учение Эйнштейна не веришь?

– Упаси бог! Истинно верую. Вот те крест.

И снова я вышел из его комнаты в сомнениях. Смотри-ка, изложил цельную концепцию. Не зря читает про тычинки и пестики. Выходит, жизнь на Земле существует благодаря солнечной энергии. Удивительно, если вдуматься. Солнце и светит, и греет, и кормит. Действительно, источник жизни. Не зря его обожествляли древние. Но неужели все виды энергии порождаются гравитацией? Сомнительно. А как конкретно съеденные макароны превращаются в энергию работы мышц? Неизвестно. Но кто бы мог подумать, что биология такая интересная наука? Конечно, самые важные вопросы всплывают постфактум. И об электроэнергии, как таковой, разговора не было. Ни правило буравчика, ни косинус фи, ни уравнения Максвелла не обсуждали. Зато удивила аналогия ЭВМ и человеческого мозга. А наша личность – это всего лишь пульсации нервных сигналов в клетках мозга. Неужели? Наверное, память все же хранится в каких-то химических соединениях. Интересно, блин! Разобраться бы. Но для этого придется переквалифицироваться в такого же сторожа-философа. И все же пару раз я его поставил в тупик. Откуда энергия в неорганических молекулах? Не смог ответить. А то, что масса Земли растет за счет фотосинтеза? Не допер. Не знает даже, болеют ли клопы гриппом. Позор! Ладно, нужно спать, завтра на работу. И чего я так завелся? Ну побазарили, потрепались от нечего делать. Игры разума? Вот именно, что игры. В детской песочнице. Но почему-то

хотелось играть в эти игры.

Коллектив, в котором я работал, был молодежным и спортивным. В обеденный перерыв играли в настольный теннис, резались в блиц за шахматной доской, после работы отправлялись на футбольную площадку, а зимой – в спортзал подшефной школы. Между отделами проводились настоящие спартакиады: по легкой атлетике, минифутболу, настольному теннису, гиревому спорту, шахматам, шашкам. За первенство разворачивалась нешуточная борьба, и в ней участвовали все, кто хоть чем-то мог помочь своей команде. Руководство поддерживало энтузиазм молодежи и выделяло средства на спортивный и туристический инвентарь. Сборные команды главка выступали в различных отраслевых и городских соревнованиях, в туристических слетах. Я старался и его втянуть в эти мероприятия, естественно, на стороне нашей команды. Правда, его таланты нивелировались несерьезным отношением к самой спортивной борьбе. Он не столько играл, сколько дурачился на площадке. Его красивые, но неожиданные решения ставили в тупик даже своих игроков. На наши упреки он отвечал: «Моих грехов разбор оставьте до поры – вы насладитесь красотой игры».

Свою спортивность он доказывал неоднократно. В вестибюле второго этажа общежития играли в настольный теннис. Помню, как он в первый раз вышел к столу, и уже через пару партий стало ясно, что ему нет равных среди нас. Наши ма-

стера пинг-понга пытались осадить дерзкого новичка, применяя проверенные удары и подкрутки, но он разобрался и с ними. Особенно хорош он был в атакующей игре. Эти молниеносные перестрелки, в которых теннисисты все дальше отступают от стола и наносят все более сильные удары, попадая на стол противника с большого расстояния, – настоящее украшение настольного тенниса. Убедившись в своем игровом превосходстве, он стал забавлять публику фокусами: жонглировал ракеткой, перебрасывая ее из руки в руку и нанося удары то справа, то слева, или делал подачу из-под ноги, или отбивал шарик, повернувшись спиной к столу. Иногда приседал, прячась за стол, а потом вскакивал именно в той точке, куда следовал удар. Или ставил ракетку на стол и опирался на нее, как денди на трость, а шарик, словно по его воле, ударялся в ракетку и отскакивал на чужую половину. Казалось, он читал мысли противников. Этот теннисный выпендрёж забавлял зрителей, но вызывал раздражение на противоположной стороне стола. И чем больше его противники злились, тем хуже играли. Один из них, после его очередного фокуса, не выдержал и запустил в него ракеткой, от которой тот с улыбкой увернулся. Но до драки дело не дошло; экс-чемпион плюнул и ушел.

Как-то раз, когда мы гоняли мяч в спортзале подшефной школы, к нам обратился учитель физкультуры с просьбой снять спортивный канат. Канат висел на крюке, прикрепленном к потолку на высоте около шести метров. Пока мы об-

суждали, как это сделать, искали лестницу или какие-то подставки, он взобрался по канату к потолку, одной рукой уцепился за крюк, другой снял с него канат и отбросил в сторону, а сам спрыгнул вниз. Это было эффектно.

Он вообще любил сыграть на публику. Бывало, входил в какую-нибудь малознакомую компанию со своей ослепительной улыбкой: «Все назад! Тайная полиция нравов. Прошу приготовиться к проверке нравственности. У кого нравственность будет плохая, трамвай дальше не пойдет!» Какие-нибудь бойкие девицы тут же начинали ему подыгрывать: «Ой, как интересно! А вы будете проверять лично? А это не больно? А не щекотно? Я щекотки боюсь. А я нет, я согласна. А в каком вы звании? У вас там все такие симпатичные офицеры?» и так далее. Тут уж он был на коне. Начинаясь вольная, точнее говоря, фривольная импровизация. Он обладал острым чувством юмора и, когда был в ударе, выдавал настоящие эстрадные номера.

Однажды я не выдержал:

– И откуда в тебе эта развязность? На грани с хамством.

– Но, заметь, не переходящая эту тонкую грань.

– Но ведь здесь незнакомые люди...

– Ну и что? Кого тут бояться? Разве среди них есть академики? Или министры? А хоть бы и так. Даже самый страшный начальник был когда-то сопливым мальчиком с грязной попкой, и сам это прекрасно знает. А если забыл, так я ему напомню. Пойми, студент, все люди одинаковы. И всем

им, как заметил товарищ Бендер, нравится простая, здоровая наглость. Которая бодрит и заряжает их оптимизмом в период развернутого строительства коммунизма...

– Или для твоих сомнительных целей?

– Мои цели близки и понятны народу, как Программа КПСС. А ты появляешься на публике, как герой байроновского типа, погруженный в сплин. Твой мрачный облик пугает жизнерадостных барышень, и они ищут утешения на моей широкой груди. К сожалению, все они на ней не умещаются, и я рассчитываю, что ты возьмешь на себя хотя бы часть этой приятной нагрузки. Будь проще, и люди потянутся к тебе. Всею душой и, что немаловажно, телом.

Следует заметить, что среди обитателей общежития были и другие нетривиальные личности:

– А помнишь, ты говорил о народном писателе?

– Да, есть у нас такой. Гордость общаги. Пишет под псевдонимом Н. Рубинов. Сейчас по комнатам ходит его роман – «Мальчишки». В отрывках. Точнее говоря, в обрывках – он его раздербанил на куски и за бутылку дает почитать всем желающим.

– А ты читал?

– Да так, слегка. По-моему, чушь собачья. Как и вся современная проза. Но сам он истово верит в свой талант. По стилю художник-примитивист. Но яркий, самобытный. От сохи. Да ты сам зайди, поговори. Приобщись к глубинным

истокам, подлинным ценностям. Он тоже на третьем этаже живет, справа от лестницы.

– Да как-то неудобно, ни с того, ни с сего...

– Ничего, нормально. Он мужик простой. На мой взгляд, даже слишком. Ведет творческий, нездоровый образ жизни. Словечками сыплет заповедными: «кубыть, мабыть, ядрена штукатурка»...

– «Закурдявилась росцветь»? «Индо взопрели озимые»?

– Аж неде! Короче говоря, самородок. Я как-то с ним разговорился. На третьей бутылке его развезло, и он всплакнул, что тоскует по родной деревеньке, дымку из печной трубы, соловьиным трелям, заповедным дубравам и прочим дбрям...

– Есенинская грусть? По сеням и клетям, лучинам и овчинам? Понятно. По овчинам сейчас многие тоскуют, особенно импортным. Но я вижу в нем родственную душу. Это же потенциальный турист.

– Нет, местную природу не жалует: «Ни широты, ни простора. Здесь душой не отмякнешь. Только зря комарей кормить...»

– Комарей? Это сильно!

– А также оводов и мошкой. А еще пчелей, осей и мухей. Но и общаться с ним не просто – мужик сурьезный, правду-матку рубит не в бровь, а в глаз. Невзирая на лица, первому встречному. Поэтому в тот же глаз регулярно и получает. Постоянно ходит с синяками. Но характер общения не

меняет.

– Характер нордический – драчливый.

– Вот-вот. Как писал Зоценко, в дискуссиях держится индифферентно – кулаками размахивает. Короче говоря, мужик крутой – правдолюб и страстотерпец. Так что будь осторожнее, не заводись.

Однажды, субботним вечером я постучал в дверь той самой, заветной комнаты на третьем этаже, где обитал народный писатель. Стандартная обстановка – вешалка и шкаф у дверей, пара кроватей, застеленных байковыми одеялами, ободранная тумбочка с неизбежным будильником (по его потрепанному виду было понятно, что он неоднократно получал по морде от своего хозяина) – никак не выдавала творческого характера жильца. Что еще удивило, так это полное отсутствие в комнате книг и какой-либо печатной продукции, кроме пожелтевшей, скукоженной газеты на подоконнике среди россыпи дохлых мух. Впрочем, известно: «чукча – не читатель, чукча – писатель». За столом, усыпанным хлебными крошками, сидел лысоватый мужичок средних лет в несвежей майке и поношенных брюках-трико и хлебал что-то из тарелки алюминиевой ложкой. Особенностью его внешности была полная заурядность.

Было очень жарко. Наступавший вечер, как это бывает летом на юге, не принес пролады. В прокуренной комнате, пронизанной заходящим, но безжалостным солнцем, стояла

невероятная духота, которая казалась еще более невыносимой из-за полчищ мух, заполнявших собой все ее пространство. Стойкий запах немытых ног доводил окружающую среду до крайней степени сермяжности, придавая ей сходство с казармой. «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет...» – всплыли в памяти бессмертные строки. Однако накаленная атмосфера комнаты несколько не мешала аппетиту хозяина, который, мельком взглянув на меня, продолжал свою трапезу, изредка отмахиваясь от мух («мухей» – вспомнилось мне). На столе стояла ополовиненная бутылка водки и мутный граненый стакан. Обломок хлеба и пучок подвявшего зеленого лука дополняли нехитрый натюрморт. Это был явно не ужин аристократа. Еще больше я был поражен, когда понял, что писатель хлебает некую тюрю из кусков хлеба и лука, залитую водкой. Вот это народность!

«Приятного аппетита. А можно поговорить с Н. Рубиновым?» – спросил я. «Привет! Садись рядом!» – совсем почапаевски ответил хозяин. Я присел на стул несколько поодаль от стола. «Мурцовку будешь?» Я вежливо отказался. «Напрасно. Исконно русская еда. А ежи ты насчет романа, так его сейчас нет. Весь роздал людям. Читают...» – веско добавил он, доедая свой экзотический ужин. «Мне главное – что народ скажет. А не эти говнюки-критики», – презрительно поморщился он и отставил пустую тарелку на тумбочку. После этого навел порядок на столе, смахнув крошки на пол, и жестом пригласил меня поближе: «Выпить хошь? Обрат-

но, зря. Нет, паря, водочка-то оно вернее будет. Я эту южную кислятину не люблю. Особливо белую – моча мочой». «Моча молодого поросяти. На третьем месяце беременности», – уточнил он и рассмеялся. «Не будешь? Ну, как хочешь, – он оторвал кусок газеты, скрутил из нее затычку, аккуратно укупорил бутылку и поставил в тумбочку. – Ну, что ж, давай знакомиться, раз пришел. Николай. Закуривай», – достал он пачку «Беломора». «И не куришь? Больной, что ли? Нет? Значит, не служил. В армии хошь – не хошь, а закуришь. Перекур для кого? Для тех, кто курит. Остальные копают. От забора и до обеда», – рассмеялся он. «А есть еще такой анекдот: “– Рядовой Петров, возьмите лом и подметите плац. – Товарищ старшина, разрешите метлой – так будет и чисто, и быстро. – Мне не надо, чтобы чисто, и не надо, чтобы быстро. Мне надо, чтобы ты задолбался!”» Он снова захохотал и с удовольствием затаился. Крепкий запах «Беломора» несколько облагородил суровую атмосферу комнаты. «Здоровье бережешь? Ну, давай-давай! Кто не курить и не пьеть, тот здоровеньким помреть», – тепло пошутил он. Народность его речи выражалась также в полном игнорировании рода существительных: «Кино хреновая!» «Как я начал писать? Поначалу сомневался. Думал – куда мне до большой литературы! А потом понял: не боги горшки обжигают. Есенин особенно помог – народный поэт! Придал силы. Толстой и Горький тоже в народ ходили. Да и кому жизнь-матушку знать, как не нам? Кто от сохи, от станка, от трансформато-

ра. Сам-то я тут электриком. Пока на литературный Олимп не залез, по столбам лажу, – пошутил он. – Да сверху оно виднее. Хоть и на столбе сижу, а от земли не отрываюсь. Как эти зажавшиеся “письменники”. Я всегда с народом, в гуще жизни. С людьми общаюсь, приглядываюсь, прислушиваюсь. Сильно обогащает. Отгадай загадку: с когтями, а не птица – летит и матерится. Ни в жисть не угадаешь! Электрик со столба упал!» – расхохотался он. «Ты-то сам, инженер, поди? Можешь не отвечать – и так видно. А я инженер человеческих душ. Это покруче будет. Я каждого насквозь вижу. Мне палец в рот не клади – враз откушу! Что, испугался? – народный писатель явно находился в хорошем расположении духа. – А я тоже в институт было поступил, в экономический. После армии, по направлению. А потом бросил это дело. Достали они меня там, особенно английским. Я с малолетства прикипел к родному языку, мне ихний без надобности. Ну, малость, конечно, знаю. Они, за границей, когда встречаются, говорят: “Хэллоу! Бизнес – уик?”, что в переводе означает: “Привет! Делаете ли вы свой бизнес?” А когда говорят: “О, вэри, вэри матч!”, это значит: “Приходите завтра на матч”. А она прямо с первого урока начала по-ихнему булькать, я и сижу дурак дураком. Так и не стал ходить – на кой оно мне надо? Ну, она мне потом – незачет. Мол, в первый раз вас вижу, занятия не посещали. И по другим предметам стали доставать. Ну, плюнул и ушел. Да ну их! А может, оно и к лучшему. Забивали бы пять лет голову вся-

кой мутью, и что? Был бы сейчас инженером, как ты. Вас теперь как собак нерезанных. Куда ни плюнь – в инженера попадешь. На кой вы нужны?» Я вспомнил предостережение о правдолюбии писателя, частенько переходящем в мордобой, и сдержался. Между тем литератора потихоньку развозило. Его речь становилась все более бессвязной: «Только не надо! Не надо делать вид, чувак. Какой? Не надо делать вид, что ты умный... Да нет! Не в этом дело. А в чем? Если бы я знал! Я бы ездил на белой “Волге”... Только не надо! Не надо делать вид...» и так далее. Наконец он махнул рукой, свалился на койку и захрапел.

На следующий день обсуждали детали этого визита:

– Да, мужик серьезный. На мелкой козе не подъедешь...

– Обошлось без кулачных аргументов?

– Он нахлебался тюри и был в благодущии. Оказалось, он тоже учился на экономическом. Правда, как и ты, ничего не закончил.

– Вот она, мудрость народная! В лишних знаниях не нуждается. Бережет мозги для более важных дел. А как тебе сама обстановка?

– Истинно творческая. Просто дух захватывает! Еле отдышался. Но что меня удивило, так это полное отсутствие в комнате книг.

– А он объясняет это ненужностью: «Классику я читал. А нынешние, что ли, пишут лучше? Нет. Так на кой они нужны?»

– Довод весомый. Трудно возразить.

– Ну что, проникся сермяжной правдой?

– Насквозь. С непривычки в зобу дыханье сперло.

– А мне вспомнилась родная казарма, пропади она пропадом!

– А мне пришла на память фраза из какого-то исторического романа: «Господа, недавно побывал в солдатском блиндаже. Воняет так, что просто даже удивительно!»

– Это была предреволюционная атмосфера. Аромат эпохи, так сказать. Но господа офицеры поняли это слишком поздно.

– А ведь Н. Рубинов постоянно живет в таких экстремальных условиях. И даже творит! Настоящий подвижник.

– И все его произведения проникнуты этим неистребимым духом. При этом свято верит в свой талант и призвание.

– И мне говорил, что собрался лезть на литературный Олимп. То есть в Союз писателей. Прямо со столба, не снимая когтей.

– И чего их туда так тянет? Как будто медом намазано...

– Медом? Это мягко сказано. Если и есть райская жизнь, так это жизнь простого советского члена Союза советских писателей.

– Представляю. На работу ходить не надо, режим свободный...

– Ну что ты! Никакой фантазии не хватит, чтобы это представить. Садись поудобнее, слушай и дивись, сколь велики

чудеса господни. Лето советский писатель проводит на лоне природы, в загородном доме творчества или в родовом имении. Что-то пописывает, но больше увлекается рыбалкой, прогулками за грибами да полноценным питанием. Встает, когда вздумается, неспешно завтракает на веранде, пронизанной лучами восходящего солнца. Поскольку впереди рабочий день, завтрак литератора калориен, но без излишеств. Он ест яичницу с ветчиной, слегка присыпанную укропом, и аппетитно похрустывает малосолистыми огурчиками. А потом неспешно пьет кофе со сливками и поджаренными золотистыми гренками, смазывая их свежим деревенским маслом...

– Слушай, я хоть и поужинал, но живот начинает подводить...

– И, милый! Это только присказка, сказка впереди. Обсудив с женой меню предстоящего обеда, мастер художественного слова поднимается в мансарду, в свой рабочий кабинет, и располагается в уютном плюшевом кресле, перед окном, выходящим в сад. Единственное, что портит ему настроение, – это необходимость выдавливать из себя очередные страницы бездарного романа на производственную тему. Который он, согласно договору, осенью должен сдать в редакцию солидного журнала. Но к полудню он все же исписывает пару страниц и с чувством исполненного долга спускается к обеду. На обед сегодня салат из только что снятых с грядки овощей и зелени, витаминные щи из свежей капу-

сты с мозговой косточкой и нежнейшая жареная плотвичка с пюрешкой. А на сладкое – черничный пирог с фирменным компотом из ревеня, который получается у нее совершенно замечательно...

– Не трави душу! Измученную жареной треской...

– Только не надо мне здесь скрежетать зубами. Потому что человек не бездельничает, а снова решительно берется за работу. Если позволяет погода, литератор устраивается в саду, в шезлонге, в тени большой старой яблони, у столика, на который жена заботливо ставит кружку с охлажденным компотом. Ветерок шевелит веселую листву, солнечные зайчики игриво бегают по белизне страниц, а послеобеденная жара и птичий щебет навевают легкую дрему. Которой ну просто нет сил сопротивляться! Однако к четырем часам заботливый голос жены нарушает творческую обстановку и будит писателя. Ничего не поделаешь – время полдника. На столике появляется тарелка с только что снятой с куста душистой малиной, политой сметаной и слегка присыпанной сахаром...

– Я вижу, ты хочешь меня сегодня уморить.

– Какой ты нервный, право. Тебя надо лечить электричеством, как советовал товарищ Бендер. А между тем наш герой, исполнив священный долг перед литературой, решает немного отдохнуть...

– Отдохнуть?! От чего? От жратвы, что ли?

– И поскольку сегодня жарковато, принимается решение

прогуляться на пруд. Окунувшись в его прохладу, писатель с энергичным фырканием проплывает к дальнему, заросшему кувшинками берегу, а потом переворачивается на спину и, слегка пошевеливая конечностями, погружается взором в бездонную синь, в которой замерли ватные подушки облаков. Благодать! После купания взбодренный прозаик возвращается домой и немедленно устремляется к столу...

– Как, опять?!

– К рабочему столу! Потому что у творческого работника, в отличие от тебя, бездельника, ненормированный рабочий день. Ему не до праздности. Ибо праздность, как говаривал Толстой, источник всех пороков. Это время обычно посвящается корректуре. Наконец он с удовлетворением встает из-за стола. Да, день прошел не зря. На ужин жена, не мудрствуя лукаво, пожарила курочку с гречневой кашей и грибной подливкой. После этого собрались у соседа за преферансом, но, по причине жаркой погоды, без излишеств, а лишь с охлажденным мускатом. Таким был один день Владимира Алексеевича, простого советского писателя.

– Если ты хотел вызвать пролетарскую ненависть к творческой интеллигенции, тебе это удалось.

– И зря. У писателей тоже есть свои заботы. Которые вынуждают их расставаться с музами и выезжать в суетную и душную Москву, для обустройства литературных дел. Правда, эти хлопоты скрашиваются вечерами в ресторане Дома литераторов и дружескими застольями. Вот так, в напряжен-

ном творческом труде незаметно пролетает наше короткое лето, и наступает самая плодотворная пора мастера слова – болдинская осень. Прохладное дыхание сентября золотит пряди родных березок и бодрит чуткую душу литератора. Захватив прощальную нежность бабьего лета, писатель возвращается в деловую сумятицу столицы. Приближаются сырые, зябкие дни, но нашему герою они не страшны. Еще летом предусмотрительно организована творческая командировка в братскую Болгарию. Месяц, проведенный в бархатном климате юга, у ласкового моря, заполнен встречами с читателями, вечеринками с коллегами по перу, экскурсиями на винзаводы и в заповедные глубинки, где только и можно припасть к истокам национальной культуры и кухни. На родину писатель возвращается с немалым багажом впечатлений, а также вина, фруктов, меда и прочих даров южной природы...

– Это невыносимо! Я тебя сейчас задушю!

– Ничем не могу помочь. Правда жизни превыше всего. Остаток осени писатель проводит, как и его великие предшественники, в театральных премьерах, балах, званых вечерах, за картежным и бильярдным столом, а то и в простых душевных пьянках. А между тем на смену поздней осени приходит здоровая, бодрящая русская зима. Пора выехать в загородный дом, омыться душой в чистоте родной природы, задохнуться от ее морозной свежести и бескрайних снежных просторов. А вечером растопить баньку, отогреться в ее

ласковом тепле и вернуться по скрипящему снегу под пологом звездной ночи в уже прогретый дом. Неспешно поужинать под рябиновую настойку, соленые грибочки и душистый шашлычок, а потом присесть у доброго старого камина с рюмкой ароматного глинтвейна в натруженной руке... А ты имей выдержку! И нечего тут стонать и сучить ножонками. Наберись сил дослушать эту правдивую повесть до конца. Потому что долгая зима, завалы снега на улицах Москвы и унылая серость марта надоедают творческой натуре нашего героя, и он без раздумий принимает приглашение посетить столицу солнечной Грузии. Чтобы ощутить тепло первых апрельских лучей, вдохнуть аромат расцветающих садов, окунуться в атмосферу знаменитых грузинских застолий. А потом, вдоволь насладившись кавказским гостеприимством, наш герой возвращается в родные пенаты, отягощенный мешками орехов, сухофруктов и ящиками с пьянящими дарами виноградной лозы...

– Прекрати! Это можно слушать только под наркозом.

– Все-все! Операция прошла успешно. Хирургу нужен последний тампон, спирт и огурец. А пациента можно увозить.

– «Сестра, а можно в реанимацию?» – «Больной, не занимайтесь самолечением! Хирург сказал в морг – значит, в морг».

– Но это сказано не о нашем герое. Он бодр, энергичен и полон творческих планов. Незаметно пролетает суматошно-счастливый май, и снова возникает сладостно-мучитель-

ный вопрос: где провести лето? На уютной, но скучноватой даче или в веселом, но суетном доме творчества? А если в доме творчества, то где – в жарком Крыму или в комфортном Подмоскovie? Можно и в Прибалтике, но там с погодой никогда не угадаешь...

– Мне бы эти мучения!

Через неделю я встретил на лестнице подвыпившего Н. Рубинова. Как ни странно, народный писатель узнал меня и даже вспомнил свое обещание. К тому моменту благодарные читатели уже вернули ему часть романа. Эти потрепанные страницы, выданные из общей тетради в клеточку и испианные мелким, но четким почерком, автор вручил мне под торжественное обещание вернуть к выходным. Обстановка в его комнате была столь же спартанской, но мух было намного меньше, а на столе стояла не водка, а початая бутылка портвейна. От выпивки я отказался, пообещав зайти в субботу для более серьезного литературного разговора.

В тот же вечер я прочитал два десятка рукописных страниц знаменитого романа «Мальчишки». Возможно, мне достались не самые яркие фрагменты произведения, но сильного впечатления они на меня не произвели. Насколько помню, там было несколько диалогов примерно такого содержания:

«– Колька, на каток пойдешь?»

– Пойду, только не сразу. Есть дела дома.

– А меня химичка грозилась вызвать. Надо почитать.

– А ты клюшку сделал?

– Сделал. Нужно только коньки подточить.

– А Витька пойдет?

– Пойдет, я с ним говорил. А Санек?

– Не знаю.

– Ну, ладно. Я его позову.

– И за Валеркой зайди». И так далее.

Как и многие непризнанные таланты, Н. Рубинов довольно часто закладывал за воротник. В субботу вечером, прихватив пару бутылок портвейна, я заглянул в уже знакомую комнату на третьем этаже. На этот раз Н. Рубинов был в мрачном расположении духа и в ответ на мое приветствие буркнул что-то невнятное. Неужели я помешал творческому процессу? «Может, зайти в другой раз?» – спросил я, возвращая рукопись, но он, заметив в моих руках бутылки, сделал приглашающий жест. Суровость его взгляда смягчилась, и скоро мы уже поднимали стаканы под первый тост – разумеется, за литературу. За настоящую литературу, литературу с большой буквы. Я признался писателю, что одним духом прочитал фрагменты его романа, и похвалил за жизненность образов и лаконичность изложения. А простота стиля, как известно, – верный признак таланта. После этого общение стало совсем раскованным, пошли тосты за мастерство, святой огонь вдохновения, художественную силу слова и прочие значимые аспекты ремесла. Похоже, в рабочей сре-

де общежития народному писателю не часто встречались собутыльники, способные на достойном уровне поддерживать разговор о судьбах литературы в современном мире, поэтому я почувствовал его явное расположение. Подвыпивший Н. Рубинов даже поделился ближайшими творческими планами. Он собирался продолжить повествование о судьбах героев романа «Мальчишки» повестью под названием «Мужала молодость в дозорах» – о нелегкой службе в погранвойсках простого парня, нашего современника. О его физическом и нравственном становлении и закалке характера.

Время неумолимо. День за днем, год за годом накатываются его волны на берега нашей жизни, смывая следы прошлого. Многое из пережитого забывается, конкретные детали быта вспоминаются с трудом, как будто их и не было. Вот и в моей памяти сохранилось лишь общее настроение тех далеких лет – жизнерадостное и беззаботное. Мы были молоды, веселы и легки на подъем. Помнится, летом часто выезжали на базу отдыха главка на загородном озере, где по выходным собирались молодые сотрудники, наши друзья и знакомые. Сама база представляла собой малоухоженный участок берега на дальней, дикой стороне озера. Пляж, покрытый пожухлой травой, был окружен густыми зарослями камыша, кустами и чахлыми акациями, а все его оборудование состояло из запертого хозяйственного вагончика, нескольких шатких скамеек и самодельного очага из камней. Но нам

и этого было достаточно.

В ту июльскую пятницу я зашел к нему, чтобы договориться о поездке на озеро. Он лежал на кровати с книгой в руках. На магнитофоне крутилась катушка с джазовой музыкой. Переливы рояльных нот и мягкие удары контрабаса создавали в комнате лирическую атмосферу. Увидев меня, он отложил книгу в сторону и потянулся:

– А, привет! Какие новости?

– Слава богу, никаких. А ты чем увлекаешься?

– Да так, размечтался...

– И о чем, если не секрет?

– А вот что бы ты пожелал, если бы поймал золотую рыбку?

– Я бы пожелал ей здоровья.

– Bravo! А еще два желания?

– А еще благополучия и счастья в личной жизни.

– Твой альтруизм просто зашкаливает. А я бы пожелал себе ума.

– Тебе недостает ума?! Однако мало кто готов в этом признаться. Как заметил Ларошфуко, люди жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум.

– Достаточно ума кажется тому, кому его действительно не хватает. А умный человек видит пределы своих возможностей. Ума, как и денег, не бывает в избытке.

– А кто-то из апостолов сказал: «Не будьте более мудрыми, чем следует, но будьте мудрыми в меру». Ибо «во мно-

гия мудрости многия и печали». Тому, кто все понял, трудно радоваться жизни.

– Это можно отнести и к судьбе самих мудрецов. Люди часто воспринимают их как ненормальных. Вспомни Сократа.

– Но многие цари держали мудрецов в качестве советников.

– Придворный аналитик – опасная профессия. От них требовали не только научно обоснованных толкований сновидений, но и достоверных прогнозов. И если предпринятая против соседей военная авантюра оказывалась неудачной, виновный всегда был под рукой. А попробуй неправильно разгадать сон фараона. Или не ответить на его дурацкие вопросы...

– Говорят, один дурак может задать их столько, что и сотня мудрецов не ответит.

– Скорее не успеет. Ибо жизнь коротка, а глупость беспредельна. И в этом состязании умный всегда проигрывает дураку...

– Состязании? Слушай, а это идея! Представь себе соревнование между дуростью и умом. Открытый чемпионат страны на призы Иванушки-дурачка. Сидят друг напротив друга мудрец и дурак...

– А дурак в шапке?

– Ну да, если на открытом воздухе. Можно даже в костюме бухарского еврея. А при чем здесь шапка?

– Есть такая притча. Дурак приходит в магазин и просит

продавец: «Подберите мне такую шапку, чтобы я в ней не выглядел дураком». «У нас богатый выбор», – отвечает продавец, и они начинают примерять шапки. Через час продавец безнадежно машет рукой: «Нет, и в шапке дурак, и без шапки дурак».

– Да, наша шапочная промышленность в большом долгу. Перед взыскательным клиентом. А может, в оборонке придумали какое-то спасение от этого бедствия? В сверхсекретных лабораториях?

– Зачем? Наша армия давно носит такие волшебные шапки...

– Фуражки, что ли?

– Ну да. Форменная фуражка – шапка-невидимка для дурака. С помощью строевой подготовки и устава внутренней службы в ней легко спрятать отсутствие ума. Как и его наличие, кстати. А в парадном строю вообще дурака от умного не отличишь.

– Нет, можно! По залому тульи.

– Вообще-то говоря, для этой цели есть погоны. Они однозначно определяют субординацию: «Я начальник – ты дурак». Потому что армия – это тебе не дискуссионный клуб. А школа мужества.

– Если бы так! Еще Лев Толстой заметил, что главная привлекательность военной службы состоит в обязательной и безупречной праздности. Которая человеку ума не добавляет. И даже из способных лейтенантов, в конце концов, де-

лает «настоящих» полковников. Говорят, тот, кто носит португальскую, с каждым годом все...

– Умнеет! А ты тут особо не выступай. Ты же эту школу жизни прошел заочно. Ни пороха, ни портянок не нюхал.

– А если ты такой бравады, почему не ходишь строем?

– А я хожу. И ты будешь ходить. Если начнется заваруха.

– Ясное дело. Все там будем. Кто в фуражке, кто в пилотке.

– Так что ты там начал про состязания?

– Так вот, сидит дурак напротив мудреца и задает вопросы...

– И все-таки, дурак в шапке?

– В любом головном уборе, кроме фуражки. Чтобы не подрывать обороноспособность страны.

– А милиционеры допускаются?

– Допускаются. Но без фуражек.

– Сложные правила.

– Да, игра непростая. Да еще с лимитом времени.

– Представляю себе этот блиц. А судьи кто?

– Арбитры международной категории. Поднимают карточки с оценками, за технику и артистизм. А лучшим спортсменам присваиваются звания: дурак первого разряда, дурак-мастер, дурак международного класса, заслуженный дурак Советского Союза...

– А мудрецам?

– Да так же: мудрец второго разряда, потом первого и так

далее.

– А что лучше – дурак международного класса или мудрец-второразрядник?

– Что за вопрос? Международный уровень намного престижнее.

– Ну что же, давай оформлять заявку в Олимпийский комитет.

– Нет, сначала нужно обеспечить массовость: зарегистрировать всех дураков и умников, записать в добровольное общество....

– Переименовать дураков в спортсменов? Хитро. Это решит одну из наших вечных проблем. А вот с мудрецами будет сложнее...

– А мы замаскируем дураков под умных. И они будут ставить противника в тупик своими дурацкими ответами. А для страховки экипируем ушанками. Если что, они их шапками закидают.

– Сильный ход! Но все же есть сомнение. Выдюжат ли наши дураки-любители против их прожженных профессионалов?

– А я, батенька, верю в наших дураков. Верю, верю! Они не раз выручали нас в трудную минуту. Еще Бисмарк предостерегал от козней против русских, которые на любую военную хитрость отвечают своей непредсказуемой глупостью...

– А в сочетании с нашими морозами и непроходимыми лесами...

– Да что леса? У нас дороги непроходимые!

– Что да, то да. В этом наша сила. Непроходимые дороги и непроходимые дураки делают страну непобедимой.

Об относительности ума на тропическом острове

– Вообще-то говоря, кого считать умным, а кого глупым – вопрос спорный. Во многом это зависит от уровня окружающих. Вот если бы ты сейчас оказался в компании физиков-ядерщиков? Или среди микробиологов, обсуждающих свои проблемы. Слушал бы какую-то тарабарщину и чувствовал себя очень неудобно...

– Э, нет! Конкретные знания еще не признак ума. Те же ученые-очкарики в жизни сами всего боятся. Протекающий унитаз может вызвать панику у доктора любых наук. Они же вырастают из очкариков, запуганных дворовой шпаной. Будь ты хоть самый гениальный ученый, хоть Людвиг Фейербах с тремя головами...

– Господь с тобой! Такие страсти, на ночь глядя...

– Будешь дрожать перед малограмотным бонзой. Вроде Бери.

– С тремя головами?

– И одной хватало. Чтобы другим головы сшибать. А скольких записных интеллектуалов переиграл товарищ Сталин с незаконченным семинарским образованием! Вот кто умел задумывать комбинации не на ходы, а на годы вперед. А те, кто считал его недалеким человеком, потом глубоко

сожалели об этом. Когда оказывались сбитыми фигурами в партиях, которые он терпеливо разыгрывал...

– Переиграл или перехитрил?

– В политике хитрость ценнее ума. Поэтому ушлые проходимцы умудряются использовать более способных людей в своих целях. И Толстой писал, что в деле хитрости глупый человек проводит более умных. И кто же умнее в итоге? Тот, кто победил. Значит, не так страшен Фейербах, как его малюют.

– Но хотя бы от возраста ум зависит? Есть же признанные мудрецы, аксакалы с седыми бородами. И радикулитами...

– На седину и лысину можешь не рассчитывать. Возраст ума не добавляет. Скорее, наоборот. А якобы мудрым старикам его заменяет житейский опыт – память о набитых шишках.

– А я слышал простое правило: не лезь за пределы своей компетенции – не будешь выглядеть дураком.

– А что такое компетенция? Как ее измерять, в каких единицах?

– Говорят, на Западе есть какие-то тесты...

– IQ? Ну и что? Этот коэффициент показывает умение разгадывать кроссворды. Представь, что человек с высоким IQ попадает на необитаемый остров. Поможет он ему там? Кто легче адаптируется на природе – ученый или малограмотный колхозник?

– Робинзон Крузо!

– Дефо не указал IQ Робинзона. Но он явно не был дураком.

– Но Пятница точно не был интеллектуалом!

– В любом случае колхозник окажется на острове в привычной среде, а вот IQ будет постоянно попадать впросак и выглядеть глуповато. Что и подтверждает тезис об относительности ума.

– Относительно кого? Робинзона? Или Пятницы?

– Точка отсчета действительно нужна. Можно взять и Пятницу.

– Принято! Считаем IQ Пятницы равным нулю. Это как раз уровень доцента, который преподавал нам научный коммунизм на четвертом курсе. Как он издевался над нами! Страшно вспомнить...

– А что делать? Среди доцентов тоже встречаются людоеды.

– Значит, мы с тобой обсуждаем теорию относительности ума?

– Ну да. Ее отдельные положения.

– А дедушка Эйнштейн до нее не допер?

– Увы. Старик остановился на общей теории относительности.

– В полушаге от величайшего открытия! Всемирного значения. Которое мы с тобой только что совершили.

– Скромнее надо быть, юноша. Его совершили более умные люди, задолго до нас. А короче всех сформулировал Уи-

льям Блейк: если бы другие не были дураками, то мы сами оказались бы ими.

– Ну вот, опять убил мечту...

– Так кто, по-твоему, окажется успешнее на необитаемом острове – интеллектуал или колхозник?

– В полевых условиях IQ должен подчиняться прапорщику!

– А вот это неоднозначно. В нестандартных ситуациях народный умелец тоже тычется, как слепой котенок. Потому что не понимает сути явления, действует по шаблону. Спросишь его: а почему именно так? А в ответ слышишь раздраженное: делай, как сказано, и не задавай глупых вопросов!

– Но результат достигается?

– Как правило, да. Многовековой опыт не подводит. В общем, если IQ договорится с колхозником, они смогут выжить на острове...

– Постой! Кажется, наклюнулся сюжет. После кораблекрушения на необитаемый остров попадают два путешественника – интеллектуал и работяга. При этом они полные антиподы – по образованию, менталитету, культуре. Между ними ничего общего, но они понимают, что поодиночке им не выжить. Одному не хватает практических навыков, другому – знаний и ума. И вот реальная угроза гибели заставляет их объединить умственные и физические усилия...

– А что? Забавный эксперимент. Микромодель человеческого общества в экстремальных условиях. Вдали от шума

городского. Но для полноценного опыта не хватает женской составляющей...

– Да, в сценарии должна быть тема любви. Иначе Голливуд не примет. Итак, на следующее утро, как раз в пятницу, волна прибывает к берегу шлюпку, в которой лежит бесчувственное тело молодой блондинки, их попутчицы. В платье, изорванном бурей в самых соблазнительных местах. Кстати, героям нужно дать имена...

– Ну, колхозника, конечно, зовут Джон. Сам он попал на судно в попытке бежать от британского правосудия. За то, что в пьяной драке на деревенских танцах пырнул ножом парня с соседней фермы. А было это мокрое дело в графстве Норфолк, в сочельник.

– Идет. А молодой интеллектuala, только что с отличием окончивший Кембридж с дипломом по кризис-менеджменту, направлялся в Америку. Чтобы строить карьеру и реализовать свои непомерные амбиции. Ему подойдет аристократическое имя Джордж.

– А может, более теплое Генри?

– Ладно. А красавицу, для достоверности, можно назвать Мэри. На этом фрегате она возвращалась из круиза по Европе, вместе со своим мужем, толстым, безобразным бизнесменом. Который вечно сидел в кают-компании за бриджем, пытая своей вонючей сигарой. Наши герои пытались ухаживать за скучающей леди, но тут налетел ужасный шторм и вдребезги разбил о прибрежные рифы их любовные пла-

ны. А заодно утопил весь экипаж и пассажиров, включая ее мерзкого мужа. И вот герои видят полуобнаженную Мэри и поднимают друг на друга глаза. И бешеный взгляд темпераментного Джона упирается в непробиваемую сталь голубых глаз Генри...

– И кого из них выберет красотка Мэри?

– Не спеши. Это главная интрига сюжета. Но сейчас они бережно поднимают бесчувственное тело девушки и несут к самодельному шалашу, крытому пальмовыми листьями. Там «робинзоны» дают ей глоток кокосового молока. Мэри томно раскрывает глаза, и с ее бледных губ срывается слабый выдох: «Где я?» «В раю», – отвечают наши герои и начинают наперебой ухаживать за ней, стараются угостить ее чем-то вкусным. Кстати, чем они там питались?

– Как и положено, в обломках корабля нашлось немало подмокших сухарей и даже бочка солонины. А разнообразили рацион местным подножным кормом...

– Мне вспомнилась фотография под названием «Обед пигмея» из журнала «Вокруг света». На пальмовом листе были аппетитно разложены парочка бананов величиной с огурец, несколько жирных белых гусениц такой же величины, горсть каких-то ягод и орехов, кучка бледных корешков и жареная птичка размером с воробья.

– А чего? Сбалансированный набор белков, жиров и углеводов.

– И витаминов. Но это, конечно, далеко не шведский стол.

– А ты попробуй хотя бы это добыть! Я думаю, они там быстро лишний жирок сбросили...

– И все же, окруженная заботой любящих мужчин, Мэри осваивается на острове и становится хозяйкой их общего дома. Когда они уходят за добычей, Мэри готовит обед, наводит в хижине уют...

– И это все? Так и будут жить втроем до конца сеанса? Как шведская семья с пигмейским столом? Нет, искусственно зрителя этим не проймешь. Нужна интрига. Фильм должен иметь не только коммерческий успех, но и оставить заметный след в искусстве.

– Не проблема. Они же соперники. То, что им приходится делить тяготы жизни, не значит, что они согласны делить женщину. Кстати, насчет искусства. Чем они там развлекались? Как обходились без радио, телевизора, свежих газет?

– Очень прекрасно. Вместо того чтобы тупо пялиться в зомбирующий людей ящик, читать глупости, которыми заполнена пресса, или часами трепаться по телефону, они сидели на веранде хижины, потягивали пиво, которое наловчились гнать из забродившего кокосового молока, наслаждались океанскими бризом, негромкой беседой и любовались восхитительными закатами...

– Тем более что в те благословенные годы безрассудное человечество еще не изобрело бессмысленные электронные игрушки, отнимающие у людей и без того короткое время жизни и уводящие их в виртуальный мир фальшивых иллю-

зий.

– К счастью, ни грохот промышленной революции, ни бурные политические события девятнадцатого века не нарушали душевный покой наших героев. Правда, поначалу им не хватало спортивных новостей, а Мэри – светской хроники. Но Генри начал развлекать ее интеллектуальными беседами, которые, однако, не вызвали восторга у Джона. Бедняга мог поделиться с Мэри разве что своими футбольными пристрастиями да перипетиями открытого первенства Йоркшира по скоростной стрижке овец. Скрипя зубами, он еще как-то выдержал лекцию Генри о нюансах живописи Тернера и Констебла, и даже его мнение о тонкостях поэзии Байрона, Шелли и Блейка. Но когда тот по неосторожности заговорил о лирике Китса, творчеством которого, как известно, восхищались прерафаэлиты, и даже процитировал его знаменитую «Оду к Психее», терпение Джона лопнуло...

– И его можно понять. Как они вообще там терпели друг друга? А как спали в одном шалаше? Не смыкая глаз или по очереди?

– Давай оставим зрителям простор для фантазии. Коротче говоря, в чопорной британской шведской семье назревает конфликт. Который в один прекрасный день выливается в жестокую драку. Ее провоцирует Джон, недовольный тем, что Мэри отдает предпочтение его сопернику. Поединок разворачивается на опушке леса, с использованием лиан, бамбуковых палок и кокосовых орехов.

– А кто победит?

– Конечно, более сильный работяга. Поверженный интелле-
лектуал остается на окровавленном песке, а жестокосердый
Джон возвращается к Мэри и объявляет ей, что Генри к ужи-
ну ждать не стоит, потому что тот устал, отстал и заблудился
в лесу.

– Но он останется в живых?

– А как же! У нас не так много персонажей, чтобы раз-
брасываться ими направо и налево. Придя в себя, Генри до-
ползает до кромки прибоя, омывает раны и, пошатываясь и
поминутно падая, уходит в мрачные джунгли. Он бредет в
неизвестном направлении и молит небеса о том, чтобы ско-
рее закончились его мучения. Но вот на тропический лес
опускается беспросветная ночь, и несчастный забывается тя-
желым сном под сенью гигантского папоротника...

– Слушай, а чего он вообще поперся в джунгли, на ночь
глядя? Станный поступок для человека с высоким IQ.

– Не знаю. Разве этих интеллектуалов поймешь?

– Похоже, к тому моменту он порядком подрастерял свой
IQ.

– Ну да, за ненадобностью. А остатки IQ из него вышиб
Джон.

– Так или иначе, наутро Генри просыпается в глухом лесу.
Луч солнца касается его изможденного лица, и ему, сквозь
забытье, мерещатся чьи-то голоса. Он с надеждой открывает
глаза и...

– Это спасение?

– Нет! Страшные оскаленные рожи склоняются над ним.

– Кровожадные туземцы?

– И к тому же голодные. Несчастный Генри видит окруживших его дикарей в боевой раскраске и слышит их громкие, радостные крики. Но их веселье не сулит ему ничего хорошего, ибо он понимает, что попал в лапы очень плохих парней. Малорослые, но мускулистые туземцы набрасываются на Генри, опутывают его лианами веревочного дерева и волокут куда-то в глубину джунглей...

– Куда? Зачем?

– Понять тарабарщину дикарей невозможно. Но вот неприметная тропинка выводит их к убогой деревушке с хижинами, покрытыми пожухлыми пальмовыми листьями. Полуголые женщины и дети радостными криками встречают мужчин, вернувшихся с удачной охоты. Им давно не попадалась такая крупная дичь, и племя весело приплясывает в предвкушении пиршества. Бедняга Генри догадывается о своей ужасной участи и все более сожалеет о том, что не умер предыдущей ночью. Сорвав с пленника одежду, охотники подтаскивают его к вождю, восседающему в окружении старейшин на троне из полированного бамбука. Одобрительно оглядев добычу, вождь отдает команду о подготовке праздничного ужина...

– Но мы же этого не допустим!

– Нет, конечно. Это было бы негуманно. Тем более что

в этот драматический момент само провидение приходит на помощь Генри. Внезапно от свиты вождя отделяется стройный силуэт, и к обессилевшему пленнику приближается прекрасная девушка...

– Дочь вождя?

– Она самая. Юная принцесса с интересом разглядывает обнаженного пленника. Никогда раньше она не видела мужчину такой стати, с такой белой кожей, с таким большим...

– IQ, пошляк!

– Генри с трудом размыкает веки и видит над собой милое лицо туземки, украшенное изысканной татуировкой, ее выразительные глаза и нежную грудь. И невольно улыбается ей...

– И эта улыбка спасает ему жизнь?

– Вот именно! Ослепительная улыбка, голубые глаза и прочие прелести Генри поражают пылкое сердце принцессы. На мгновение она застывает, замороженная красотой молодого незнакомца, а потом возвращается к отцу и что-то говорит ему, указывая на пленника. Эти слова очень не нравятся дикарям, особенно одному из них, со свирепой раскраской лица и кольцами в носу...

– Жениху принцессы?

– Разумеется. Но девушка вступает с ними в ожесточенный спор. Она доказывает, что изможденный пленник недостаточно вкусен и его нужно хорошенько откормить, прежде чем подать к свадебному столу. Дикари неохотно соглашают-

ся и сажают Генри в тюремную хижину, где начинают щедро кормить тошнотворным бататом и недозрелыми бананами, с нетерпением дожидаясь, когда он дойдет до нужных гастрономических кондиций.

– А что в это время делает белая Пятница?

– Она горько переживает утрату Генри, окончательно осознав, что любила именно его, а не этого грубого мужлана Джона. И буквально на следующий день, когда самодовольный Джон уходит на рыбалку, Мэри тайком отправляется на поиски Генри.

– Она полагает, что это реально? Похоже, ей тоже отказал ее IQ.

– Женской аудитории такой вопрос в голову не придет. Потому что любовь сильнее разума. И они будут всей душой болеть за влюбленную Мэри, которая, в красиво изорванном платье, изнемогая от усталости, бредет по страшному тропическому лесу в поисках любимого. Питаясь дикими бананами и утоляя жажду каплями росы из орхидей невероятной красоты. Но силы ее тают на глазах...

– Заблудилась? Так я и знал! Говорили же ей, дуре...

– Но вот, когда Мэри уже близка к отчаянию, ей слышится неясный шум. Напрягая последние силы, отважная путешественница пробирается сквозь колючие заросли и выходит к затерянному в джунглях водопаду. Его хрустальные струи низвергаются с высокой скалы в бирюзовое озеро, окаймленное пышной растительностью...

– И здесь мы будем снимать самый эффектный эпизод фильма – сцену купания героини. Пленки, конечно, не жалеем.

– О чем речь! Я бы и сам не прочь увидеть эту сцену.

– Увидишь. Когда фильм выйдет на широкий экран. Я приглашу тебя на премьеру. И на церемонию вручения «Оскара».

– Спасибо. Обязательно приду. А кто будет играть эту роль? София Лорен? Клаудиа Кардинале? Элизабет Тейлор?

– Лучшая голливудская блондинка. С параметрами 90–60–90.

– И на этом мы будем стоять насмерть! Не уступим продюсерам ни сантиметра. Все должно быть по высшему разряду!

– Еще бы! Такой сценарий.

– Итак, вволю накупавшись, Мэри выходит из-под освежающих струй водопада и блаженно опускается на теплые прибрежные камни. Капельки воды сверкают на ее шелковистой коже, волосы обрамляют прекрасное лицо, а восхитительная фигура принимает изящную позу. Незаметно героиню охватывает приятная истома...

– И здесь тоже можно не спешить. Но что это?! Чьи-то страшные глаза глядят на Мэри из глубины джунглей!

– И чьи?

– Пока неизвестно. Возможно, безжалостные желтые глаза леопарда. Или страшный немигающий взгляд гигантской

анаконды. Или выпученные безумные буркала огромной гориллы...

– Или крокодила?

– Нет, крокодил должен смотреть из воды.

– А если смотрят все?

– Это сильный ход!

– Да, именно так. Алчные взгляды диких животных с жадностью впиваются в нежные изгибы обнаженного женского тела. Камера поочередно показывает соблазнительные фрагменты ее фигуры и, по контрасту, страшные морды чудовищ...

– И долго они будут ею любоваться?

– Нет, минут десять. И вдруг, словно по команде, с громким рычанием звери бросаются на беззащитную девушку!

– Ты что?! Не пугай меня.

– Ага! Значит, сработало. И зрителям тоже кажется, что спасения нет. Но, выскочив на поляну, звери сталкиваются с соперниками. Бешеный огонь ненависти вспыхивает в налитых кровью глазах извечных врагов, и начинается жестокая схватка за добычу...

– Стоп! Давай еще раз пересчитаем весь зверинец. Итак, что мы имеем? Леопард, анаконда, крокодил и горилла. Кого не хватает?

– Ну, я не знаю. Может, дикого кабана с клыками?

– Нет, это неэстетично, зрителям не понравится. А что еще страшное водится в джунглях?

– Да ладно, и четверых хватит! Как раз получается две пары бойцов, а победители выйдут в финал. По олимпийской системе.

– Да, это будет спортивно.

– Итак, в полуфиналах встречаются леопард с анакондой, а горилла – с крокодилом.

– Интересные поединки. Я бы не против посмотреть.

– Все в наших руках! Итак, огромная анаконда пытается задушить леопарда, а тот в ярости вонзает в нее свои страшные клыки...

– А в это время камера выхватывает бешеную борьбу на мелководье. В тучах брызг горилла пытается разомкнуть чудовищные челюсти вцепившегося в нее крокодила...

– Это будут сильные сцены!

– Здесь тоже на пленке не экономим. Я считаю, что из этой пары в финал должна выйти горилла.

– Почему?

– Ну не крокодил же! Кто за него будет болеть?

– Резонно. Тогда и анаконду отсеиваем в полуфинале. Как пресмыкающуюся. Вряд ли у нее будет много болельщиков.

– Согласен. Она с крокодилом разыграет третье место, в утешительном поединке. Но этот матч обычно не представляет спортивного интереса. Все ждут главную схватку – за звание чемпиона джунглей. Она должна быть очень зрелищной. В ходе сражения горилла и леопард будут красиво прыгать по деревьям.

– А кто победит?

– Неизвестно. Потому что Мэри, воспользовавшись суматохой, незаметно скроется в лесу...

– И не захочет досмотреть такой финал?

– Ты же знаешь, как женщины относятся к спорту.

– А мужская аудитория? Нет, так дело не пойдет!

– Ладно. Покажем все. Я считаю, что в честной спортивной борьбе должна победить горилла. По очкам. А леопард будет упорно сопротивляться, но в последнем раунде признает свое поражение и, зализывая раны, уползет в джунгли.

– Главное, чтобы популяция животных не пострадала.

– Да, для Голливуда это очень важно. А что с нашей героиней?

– Счастливо избежав смертельной опасности, отважная путешественница пробирается вдоль русла ручья. День клонится к вечеру, и силы начинают покидать ее уставшее тело. Мэри в отчаянии. И вдруг деревья расступаются, и она выходит к деревне туземцев...

– Тех самых, которые захватили Генри?

– Естественно! Осторожная Мэри, скрываясь в кустах, наблюдает за дикарями и к неопишуемой радости замечает выведенного на прогулку Генри. Он жив! Но радость ее сменяется душевной болью: он пленен и страдает. И тогда, напрягая остатки своего IQ, влюбленная девушка придумывает красивый и опасный план: под покровом ночи проникнуть в деревню и спасти любимого из заточения...

– И правильно делает, потому что назавтра в племени намечен праздник, на котором пленник должен сыграть важную роль...

– Роль главного блюда?

– Да, украшения стола. И Генри, как интеллектуалу, это очень обидно. Но еще обиднее, что закуской ему придется стать на свадьбе своего мерзкого соперника. Который будет со злорадством выбирать лучшие куски, и можно даже себе представить, какие...

– Об этом же догадывается дочь вождя. Она снова пытается уговорить отца отсрочить мероприятие, но тот непреклонен: племя хочет кушать. А он, как любой начальник, обязан кормить людей. Обеспечить своему народу мясо и зрелища. *Così fan tutte**.

– Он что, и латынь знал?!

– Это авторская речь. И чему вас там учат, в средних школах?

– Латыни и церковнославянскому, слава богу, уже не учат.

– И зря. Итак, вождь непримирим, и принцессу начинают готовить к свадьбе – самому счастливому событию в жизни женщины...

– Где за праздничным столом ей предстоит встретиться с обоими женихами, один из которых будет присутствовать на нем в жареном, пареном, вареном и маринованном виде. Украшенный свежей зеленью, специями и приправами...

– Принцесса в отчаянии! Ей приходится делать роковой

выбор – между любовью к отцу и к голубоглазому красавцу. Всю ночь она страдает, раздираемая противоречиями, и не может сомкнуть глаз...

– А в это время ее белая соперница крадется по деревне мирно спящих людоедов и незамеченной проникает в хижину пленника. И здесь мы снимаем сцену встречи влюбленных, которая должна произвести неизгладимое впечатление на женскую часть зрителей.

– Будь спокоен. Все будет по законам жанра: сначала испуг и вскрик, затем слезы счастья в сияющих глазах, радостные объятия и жаркий шепот. Потом отважная девушка перегрызет зубами толстые веревки, связывающие руки и ноги пленника. И вот беглецы, крадучись, выходят из хижины. Их не видит никто. Кроме...

– Влюбленной принцессы! А она что задумала?

Так поступают все.

– А как бы ты поступил на ее месте?

– Я не знаю психологию дочерей вождей племен людоедов.

– Сейчас узнаем. Итак, беглецы крадутся по залитой лунным светом деревне, прячась в тени хижин. И вдруг Генри чувствует чье-то прикосновение. Он оглядывается и видит отсвет луны на темной коже и блеск выразительных глаз. Он узнает дочь вождя, и отчаяние вновь охватывает его. Мэри испуганно вскрикивает, но дочь вождя прикладывает палец к губам и увлекает их к берегу реки. Да, она сделала выбор

в пользу любви и решила бежать вместе с ними!

– А ее не смущает наличие белой подружки у любимого?

– Отнюдь. В тех краях две-три жены у любимого мужчины не помеха женскому счастью. Она быстро отвязывает лодку, и беглецы отплывают вниз по течению, по направлению к океану...

– И это спасение?

– Ну что ты! Едва забрезжил рассвет, как злобный и подозрительный жених обнаруживает пропажу принцессы и пленника и поднимает страшный крик. Воины племени, во главе с вождем, бросаются в погоню. Взбешенные потерей невесты и праздничного ужина, они гребут с дикой силой. И вот они видят беглецов, налегают на весла и неуклонно их настигают. Выпущенные дикарями стрелы свистят над головами несчастных и втыкаются в их лодку. Беглецы в отчаянии. Отважная туземка встает во весь рост и выкрикивает в адрес преследователей проклятия...

– С использованием местных идиоматических выражений?

– Самых отборных. И в этот момент ее отвергнутый жених, со зверской улыбкой на лице прицеливается в изнемогающего Генри и с яростным криком выпускает стрелу, отравленную ядом кураре...

– Которая пронзает трепетную грудь юной принцессы!

– Ее самую. Смертельно раненая девушка, покачнувшись, поворачивается к любимому, и ее побледневшие губы в по-

следний раз произносят его имя. Капелька крови появляется в уголке ее рта, глаза затуманиваются, и прекрасная людоедка падает за борт...

– Безумный вопль раздается из лодки туземцев! Безутешный отец подхватывает из воды безжизненное тело дочери, поднимает в лодку и горько рыдает над ним. А потрясенные этой душераздирающей сценой воины с ужасным ревом и остервенением налегают на весла. Гибель Мэри и Генри кажется неотвратимой...

– Но что это? Громкий выстрел судовой пушки раздается над гладью воды! Дикари вздрагивают и опускают весла. Да, это в бухту входит королевский фрегат. Спасение близко! За поворотом реки открывается вид на океанскую лагуну и силуэт корабля с белоснежными парусами. Но туземцы почти настигли беглецов. Их мускулистые татуированные руки тянутся к корме уплывающей лодки...

– Я весь дрожу. Неужели это конец?

– Нет! Это очередная кульминация сюжета. Неожиданно на головы преследователей обрушивается град камней!

– Откуда? Неужели это Джон? А он откуда взялся? Это нужно как-то обосновать.

– Не проблема. Обнаружив исчезновение Мэри, Джон пытается найти ее в джунглях. После долгих поисков он тоже выходит к водопаду и видит следы кровавой схватки. И понимает, что случилось непоправимое. Ужасные картины гибели возлюбленной в лапах диких зверей возникают в его

воспаленном мозгу. Он осознает свою вину в гибели товарищей и горько кается в содеянном...

– А скупая мужская слеза стекает по его небритой щеке.

– Да, Джон внутренне переродился. О, если бы судьба дала ему шанс! Но джунгли мрачно молчат. Но вот, однажды на рассвете он замечает на горизонте силуэт приближающегося парусника и бросается к берегу океана. И оказывается там в самый драматичный момент погони. И с радостным изумлением видит, что его друзья живы! Всевышний услышал его молитвы!

– Но им угрожает смертельная опасность, и Джон, ни минуты не колеблясь, вступает в схватку с десятками вооруженных дикарей. Он швыряет в преследователей все, что попадает под руку – камни, кокосовые орехи, окаменевшие фекалии гиппопотама...

– Что считается особым оскорблением в этой местности.

– И тогда взбешенные туземцы, забыв о беглецах, направляют всю мощь своего оружия на новую цель. Десятки стрел взмывают в воздух и вонзаются в мускулистое тело отважного Джона...

– Который с именем Мэри на устах и поднятым камнем в руках падает в реку, обогривая ее своей кровью. И последнее, что он видит угасающим взором, это лодка, в которой Генри и Мэри все дальше уплывают по водам лагуны к спасительному силуэту корабля...

– И это хэппи-энд? Ну, слава богу! А я так волновался...

– Ну что? Как бы ты оценил это эпическое произведение?

– Как соавтору, мне трудно судить. Только взыскательный зритель и беспощадное время вынесут ему окончательный приговор. Но, честно говоря, оригинальностью сюжет не отличается.

– Не беда. Шекспир тоже пересказывал известные сюжеты.

– Тогда ладно. А чего это нас занесло на необитаемый остров?

– А хрен его знает. Ну что, рванем завтра на озеро?

– Давай. В девять, как обычно.

Итак, раннее субботнее утро. Я просыпаюсь от солнечного луча, упавшего на лицо. Раскрываю глаза и вижу за окном безоблачное небо и веселую игру лучей в зелени листвы. Ура! Сегодня будет отличный денек! Зажмуриваюсь и невольно потягиваюсь – сладко-сладко! Вытягиваюсь в струнку, до самых кончиков пальцев, и с привычной радостью чувствую волну молодой силы, прокатывающейся по всему стройному, мускулистому телу, легкость ног, упругость мышц, тонкую талию, которую всю можно охватить пальцами двух рук. Все прекрасно, все просто замечательно! Суббота – лучшее утро недели, и можно бы еще поваляться в постели, но раздается стук в дверь, и на пороге комнаты появляется улыбающийся Сергей: «Труба трубит трубу! Вставайте, граф, рассвет уже полощется!» Я отвечаю что-то вроде: «Барaban, не барабань – я не встану в эту рань!»,

но тут же вскакиваю и быстро собираюсь. Еще с вечера заготовлен рюкзак, в который уложены надувной матрас и казенное байковое одеяло, волейбольный мяч, бадминтон, пара бутылок столового вина, хлеб, несколько банок рыбных консервов. Я прихватываю транзисторный приемник и фотоаппарат, а он палатку и гитару. К отдыху готовы? Всегда готовы! И уже через полчаса, с рюкзаком и гитарой наперевес, бодро сбегает с крыльца общежития в свежесть летнего утра. По пути заходим в столовую. Она, пустая в этот ранний час, вся пронизана солнечными лучами, в ней пахнет подгоревшим молоком, громко переговариваются, гремя посудой, поварахи. По-быстрому съедаем традиционную яичницу и кофе с булочкой. Потом, не теряя времени, добираемся до остановки загородного маршрута и запрыгиваем в отходящий автобус. Среди пассажиров замечаем знакомых, которые тоже направляются на озеро, подсаживаемся к ним и дальше едем вместе, под смех и шутки. Автобус катит по городу, подбирая на остановках дачников и отдыхающих, и, наконец, выезжает на загородную трассу. За окнами проплывает череда частных домиков, утопающих в садах и виноградниках. Солнце набирает силу, нагревает сиденья, весело сияет на поручнях, обещая жаркий день. Утренний ветерок врывается в окна, обдувает загорелые лица, треплет расстегнутые воротники рубашек. Хорошо! Мы о чем-то болтаем, смеемся, а впереди у нас два выходных дня, и все нас радует, и настроение у нас превосходное.

Но вот и конечная остановка. Огромное загородное озеро, словно море, поблескивает сквозь пышную прибрежную зелень. На его противоположной стороне, в десяти минутах ходьбы, наш пляж. Подхватываем вещи и направляемся к месту отдыха, по тропинке, петляющей в высоких зарослях прибрежных камышей. По пути останавливаемся и делаем несколько снимков на память. Так он и сохранился, отпечатанный с цветного слайда, образ тех наших веселых дней: я в линялых джинсах и в рубашке в черно-желтую полоску, завязанную узелком на животе, с гитарой на плече, и он в бордовой тенниске и серых брюках, с рюкзаком за спиной. Безмятежно улыбаясь, стоим на фоне зеленой стены камыша и смотрим в объектив, в далекое, неизвестное будущее. Теперь, когда я гляжу на потускневший отпечаток слайда, мне кажется прекрасным не оно, это уже наступившее будущее, а то наше далекое прошлое.

Наконец камыши расступаются, и тропинка выводит нас к пляжу. Отдыхающие приветствуют нас радостными возгласами. И мы тоже рады их видеть, потому что все они симпатичные, замечательные ребята. Где она теперь, та полузабытая реакция окружающих, то постоянное ощущение интереса и дружелюбия, которым мы окружены в молодости? Каким естественным и само собой разумеющимся кажется оно нам в наши юные годы! Всюду нас встречают улыбки друзей и даже совершенно незнакомых людей. Нам радуются искренне, как детям и цветам. И любят нас не за какие-то за-

слуги и успехи, а просто потому, что мы такие как есть. Увы, это счастливое ощущение всеобщего внимания столь же преходяще, как и сама молодость, и с возрастом мы все чаще натываемся на равнодушные взгляды окружающих. И уже сами ищем ответный интерес в глазах людей, которые нам симпатичны. И все реже его находим.

А в этот летний день нам радуется сама природа. Солнце набирает силу, искрится на ленивой волне, легкий ветерок набегает с озера, обдувает наши разогретые тела. Скорее в воду! Быстро раздеваемся и с разбегу, поднимая фонтаны брызг, бросаемся в ее прохладу. Хорошо! Он плывет гибко и мощно, словно дельфин в родной стихии, и с первых же гребков вырывается вперед. Я знаю, что мне за ним не угнаться, и плыву не спеша, в свое удовольствие. Прогревшаяся на поверхности вода ласково обнимает, гладит кожу, перемешивается с поднятыми снизу прохладными струями, скользит вдоль тела волшебной свежестью. Неземное наслаждение! Переворачиваюсь на спину, лежу в невесомости, пошевеливая руками и ногами, бездумно-счастливо гляжу в безоблачное южное небо. Тишина, покой, благодать. Но вот, нарезвившись где-то на середине озера, он возвращается назад. Его любимым стилем был изобретенный им баттерфляй на спине. Традиционно на спине плывут, совершая поочередные гребки, как в кроле. А он делал гребок двумя руками сразу, выбрасываясь из воды мощным толчком ног, как в баттерфляе. Я тоже освоил этот способ, и он мне очень по-

нравился – так я плыл быстрее и меньше уставал. Странно, что этот стиль до сих пор не входит в программу Олимпийских игр. Я предложил ему подать заявку в международную федерацию плавания, на что он лишь рассмеялся: «Языков я не знаю, Петька, вот в чем беда».

Вдоволь накупавшись, выходим на берег, подтянутые, стройные, как молодые боги. Капли воды сверкают на наших спортивных торсах, мышцы поигрывают под загорелой кожей, ноги легко и пружинисто ступают по прибрежному песку. Мы идем вдоль кромки воды, смеемся, перекидываемся шутками с друзьями и знакомыми, чувствуем на себе волнуемые женские взгляды, и все это нам очень нравится. Молодость, беззаботная молодость, как ты хороша! Пока ты с нами, ты кажешься естественной и вечной. Мы не замечаем тебя в обыденности жизни и только потом, годы спустя, утратив тебя, понимаем, как ты мимолетна. И как прав был тот гениальный белокурый шалопай, пропевший тебе вечную славу: «Будь же ты вовек благословенно, что пришло процветать и умереть!»

А между тем дело идет к полудню. Становится жарковато. Мы переносим пожитки к небольшой рощице акаций и растягиваемся в их зыбкой тени. Я перелистываю поэтический сборник, а он что-то мурлычет, перебирая струны гитары. Ее звуки действуют магически, и вокруг нас собирается кружок знакомых. Кто-то подпевает, кто-то рассказывает анекдоты и смешные истории. Потом снова купаемся,

играем в мяч, бадминтон. Кто-то отправляется на лодочную станцию, чтобы пригнать лодку и кататься на ней, пока не надоеет, а иногда раскошеливаемся на катер и водные лыжи. В те годы этот вид спорта был еще в новинку, и мы пытались его освоить. Сложнее всего было подняться из воды за катером, поскольку причала на нашей стороне не было. Помню, как впервые выбравшись на поверхность, судорожно пытался удержать равновесие на бьющей в ноги непривычно жесткой воде. Со стороны кажется, будто это легко и приятно, как в песне: «Вслед за мной на водных лыжах ты летишь». В действительности это серьезная физическая нагрузка, а ощущения такие, будто тебя волокут на доске по асфальту. И только он носился по глади озера, как водный бог. Делал красивые виражи, перехватывая рукоятку троса из одной руки в другую, и даже изображал какие-то элементы водной акробатики. Иногда, подговорив моториста, пролетал в нескольких метрах от берега и, заложив крутой вираж, окатывал нас, стоящих на берегу, веером брызг. Девицы притворно визжали, а мужики грозили ему вслед кулаками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.